

Special Issue

Materials and Discussions
Contemporary Russian Lifewriting

Dmitri N. Shalin

Введение

Russian introduction to the special section on Contemporary Russian Lifewriting.

Редакторы журнала *AvtobiografiЯ* пригласили меня подобрать материалы для выпуска журнала, посвященного двойной автобиографии Эпштейна и Юрьенена. Первоначально предполагалось, что подборка будет состоять из комментариев на *Энциклопедию Юности* и биокритические заметки, опубликованные по данному поводу в 9-м томе журнала. Однако, участники проекта выдвинули встречный вариант, предложив выдержки из своих дневников и записных книжек в качестве образца современного лайффрайтнига. Это предложение нашло понимание у редакторов журнала, посвященного российскому автобиографическому дискурсу. Ниже, вниманию читателя предлагаются образцы современной автобиографической прозы российских и русскоязычных авторов.

Сборник открывается заметками составителя сборника о некоторых тенденциях в современной автобиографической прозе. Затем публикуются фрагменты из дневников и записных книжек Людмилы Улицкой. Далее следуют выдержки из автобиографической прозы и личной переписки Михаила Шишкина. Михаил Эпштейн представлен в сборнике фрагментами его автобиографии, Сергей Юрьенен любезно предоставил для публикации дневниковые записи ключевых периодов его жизни, а Гасан Гусейнов предложил читателям выписки из своего *Ковидного дневника*. Спецномер журнала заканчивается выдержками из автобиографических диалогов Дмитрия Шалина и Людмилы Улицкой.

Dmitri N. Shalin

Notes on contemporary autobiographical prose

English introduction to the special section on Contemporary Russian Lifewriting.

At the turn of the century, an idea began to take root in the expert community that we live in ‘a biographical age’ (c.f. Roberts 2002; Clough et al. 2004; Renders 2016). The rapidly expanding list of published biographies, specialty bookstores and biography-themed web sites, life writing methods gaining popularity in social science – numerous indications pointed to the biographical turn in the making.

Two decades into the 21st century, we may be witnessing yet another turn that someday could be termed the *autobiographical age*. The signs are familiar – autobiographies on the bestselling lists, serialized diaries in high demand, blogs memorializing lives of renowned and unknown self-ethnographers, online guides and college courses explaining to neophytes how to write an autobiography... For all the hum surrounding the upsurge of interest in the subject, there is no consensus on what counts as autobiography and how it relates to life writing in general.

The basic idea sounds simple – autobiography is ‘the description (*graphia*) of an individual human life (*bio*) by the individual himself (*auto*)’ (Misch 1951: 5). Yet each element in this definition begs the question: ‘What do we mean by the self or himself (*auto*). What do we mean by life (*bios*)? What significance do we impute to the act of writing (*graphe*) – what is the significance and the effect of transforming life, or a life, into a text?’ (Olney 1980: 6). Put a finger on a contemporary life writing sample, and you are likely to run into an argument as to whether it is a real autobiography or a fictionalized one, a personal diary or a memoir sketch, a mix of established forms or a novel specimen of the genre. Although attempts to narrow the definition have helped clarify the issues at stake, they did not quell the dissension.

One oft-quoted statement defines autobiography as a ‘Retrospective account in prose that a real person makes of his own existence stressing his individual life and especially the history of his personality’ (Lejeune 1989: 4). This definition that Philippe Lejeune offered in his 1973 essay

‘The autobiographical pact’ centers on the author’s life and prizes the willingness to flesh out one’s character. Elizabeth Bruss updated the quasi-contractual agreement autobiographers and would-be readers are supposed to enter, stipulating that the ‘autobiographer purports to believe in what he asserts’, that the author’s tales are ‘susceptible to appropriate public verification procedures’, and that the audience is willing ‘to accept these reports as true and is free to “check up” on them or attempt to discredit them’ (Bruss 1976: 10-11).

Other researchers questioned this approach with its emphasis on truth-telling as too narrow and ill-fitting the diversity of contemporary autobiographical narrative (Adams 1990; Eakin 1999, Olney 1999). Looking at the subject matter from the vantage point of literary criticism, James Olney discounts efforts to draw its ‘generic boundaries’, pointing out that we ‘often cannot tell whether we should call something a novel, a poem, a critical dissertation, or an autobiography’ (Olney 1980: 4). Paul de Man (1984) pressed a similar point in his article ‘Autobiography as defacement’. Following Derrida’s deconstructive tack, he claimed that autobiography has no generic properties, that its ‘specular language’ lends itself to more or less arbitrarily interpretation, and that the very act of writing one’s life should be seen as a studied evasion or ‘defacement’ (a claim inadvertently drawing attention to de Man’s refusal to square off with the antisemitic screeds he penned during WWII; see Smith 1996; Shalin 1993). Pierre Bourdieu attacked auto/biographical discourse because it succumbs to ‘biographical illusion’, because

the autobiographical narrative is always at least partially motivated by a concern to give a meaning, to rationalize, to show the inherent logic, both for the past and for the future... The inclination toward making oneself the ideologist of one’s own life, through the selection of a few significant events with a view to elucidating an overall purpose, and through the creation of causal or final links between them which will make them coherent, is reinforced by the biographer who is naturally inclined, especially through his formation as a professional interpreter, to accept this artificial creation of meaning (Bourdieu 2000b: 298).

Timothy Adams (1990) acknowledges the problematic nature of the autobiographical act and pleads the case that elements of fiction and fact are present in any effort to render one’s life meaningful:

This form of writing, which may or may not be a genre, possesses a peculiar kind of truth through a narrative composed of the author's metaphors of self that attempt to reconcile the individual elements of a lifetime by using a combination of memory and imagination – all performed in a unique act that partakes of a therapeutic fiction making, rooted in what really happened, and judged by the standards of truth and falsity and by the standards of success as an artistic creation (Adams 1990: 3).

The primary object of autobiography – the authorial self – is a phenomenon about which practitioners have also failed to reach a working consensus. Even the existence of the self is now open to doubt, notably among postmodernist writers (Ashley et al. 1994). Those who take the object of self-examination seriously are baffled by the self's elusive nature. 'Нет ничего более таинственного, чем "авто", свойство "быть собой", иметь свое "я"', writes Mikhail Epstein, one of the project contributors. His lament echoes a long-standing puzzlement over the enigmatic nature of the phenomenon, first pointed out by no lesser authority on self-reflection than Immanuel Kant:

That I am conscious of myself is a thought that already contains a twofold self, the I as subject and the I as object. How it might be possible for the I that I think to be an object (of intuition) for me, one that enables me to distinguish me from myself, is absolutely impossible to explain, even though it is an indubitable fact; it indicates, however, a capacity so highly elevated above sensuous intuition that...it has the effect of separating us from all animals (Kant 1983: 73).

The great German philosopher struggled mightily with this conundrum. By the time he wrote *Critique of Judgment* [1790], he hit upon a plausible solution: Every time the individual makes a general statement, 'he disregards the subjective private conditions of his own judgment and reflects upon it from a universal standpoint (which he can only determine by placing himself at the standpoint of others)' (Kant 1951: 137). This observation applied primarily to aesthetic judgment, but Hegel was quick to generalize this insight into a proposition that all thinking, including self-understanding, is social to the core: 'The self perceives itself at the same time that it is perceived by others'. 'Self-

consciousness exists in itself and for itself... by the very fact that it exists for another self-consciousness; that is to say, it is only by being acknowledged or “recognized” (Hegel 1967: 661, 229). From that point on, romantic philosophers would tirelessly probe the thesis that self and society are bound together, that self-reflection is rooted in a social context and expresses the historical moment where it originated. ‘Society is nothing but social life: an invisible, thinking, and feeling person. Each man is a small society’ (Novalis 1960: 43). ‘Only by meeting with, so as to be resisted by, Another, does the Soul become a Self’ (Coleridge [circa 1820], quoted in Coburn 1974: 32). ‘Man, much as he may therefore be a particular individual... is just as much the totality – the ideal totality – the subjective existence of thought and experienced society for itself (Marx 1964: 138). Across the Atlantic, American pragmatists pushed the argument to its logical conclusion: ‘Human society as we know it could not exist without minds and selves, since all its most characteristic features presuppose the possession of minds and selves by its individual members; but its individual members would not possess minds and selves if these had not arisen within or emerged out of the human social process’ (Mead 1934: 227, 144). The circle such statements embody is neither vicious nor fortuitous – it is a hermeneutical circle par excellence.

The implication for life writing studies entailed in this theory is clear: An autobiographical report is at once a testimony about society in which a self originates and a critical reflection on one’s existence as being in sync, or out of joint, with its time. Herein lies Wilhelm Dilthey’s exalted view of autobiographical writing: ‘In autobiography we encounter the highest and most instructive form of the understanding of life... in its way, like a Leibnizian monad, it represents the historical universe’ (Dilthey 2002: 221). Or as Dilthey’s disciple put it: ‘Though essentially representations of individual personalities, autobiographies are bound always to be representative of their period’ (Misch 1951: 12).

Today, many analysts relax the prescription that autobiographers review their lives *as a whole*, allowing accounts that single out major chunks of the writer’s life (such as childhood, apprenticeship, literary achievements), epitomize a particular era (a historical period, a chronotope inhabited by the writer), or focus on the act of self-writing (notetaking, journal keeping, self-memorialization, see Harris 1990; Folkenflik 1993; Eakin 1992, 1999, 2008; Anderson 2001; Smith et al.

2010). Researchers adopting this broader perspective want to know 'how we come to be the people we say we are when we write' (Eakin 1999: ix), how autobiographical 'discourse produces the effect that it names' (Butler 1993: 20), and how, in the process, we bring into one continuum self-narrative with self-creation. They also valorize neglected species of life writing such as race-centered or gender-specific reflection (see, for instance, 'autogynography' of Stanton 1987; c.f. Smith 1987). This attitude helped legitimize a variety of autobiographical expressions which otherwise would remain on the margins of autobiographical discourse.

The life writing samples presented below testify to the difficulties of mapping the autobiographical domain within the life writing field. The selection from personal diaries prepared for this collection by Sergey Iur'enen, a Russian novelist and a broadcaster, comes closest to the traditional view of autobiography as rendering visible one's whole life. Starting with daily journal entries jotted down during his years as a student at Moscow State University, the author illuminates his life story by supplying generous excerpts from the journals he kept after defecting to the West, including his years in Paris, Munich, and Prague, then picking up the narrative through another tranche of journal entries documenting his life in New York and Washington D.C., where he had settled after his 25-year-tenure at the Radio Liberty came to an abrupt end. His project may not qualify as autobiography if we accept Georg Misch's proviso that 'the man who sets out to write the story of his own life has it in view as a whole with unity and direction and a significance of its own' (Misch 1951: 7). It certainly would not satisfy the injunction that autobiographers must not limit themselves to the 'the earlier judgments' stored in the notebooks while failing to 'detect significances which escaped them at the time'. As readers of this issue will see, Iur'enen shuns extemporaneous appraisal of his older selves (in contrast to what he and his co-author did in the dual autobiography *Encyclopedia of Youth*), letting readers to piece together his life story and its overall significance from the amassed fragments. Nonetheless, the compilation of diary entries prepared by Iur'enen meets a broader definition of autobiographical prose writing.

A selection from the personal documents provided below tells us a good deal about their authors' personal, political, and artistic sensibili-

ties. Although we have room for just a few fragments from the diaries Liudmila Ulitskaya kept over the course of some 40 years, her notebooks show an impressive range of autobiographical imagination and the subtle interfaces between her private persona, public engagements, and literary craft. Letters that Mikhail Shishkin exchanged with his fellow writer along with the reflections on the passing of a friend memorialize fleeting events and at the same time yield a sober judgment on our times, a judgment that is simultaneously deeply personal and emblematic of the present junction in history. *The Covid diaries* of Gasan Gusejnov are joyfully idiosyncratic and at the same time starkly evocative of the place in time where they were compiled. And Iur'enen's diary is an important document of an era that captures its idiosyncrasies and uncommon graces. These are powerful instances of life writing which bear a strong autobiographical stamp and show remarkable literary ecumene.

Mikhail Epstein's project of auto-noography does not fall neatly into any category. Its innovative bent brings to mind the warning issued by two early observers of the field: 'The modern autobiographer needs an especially flexible form, one that can always outrun attempts to define it, one notably amenable to innovation and experiment' (Spengemann et al. 1965: 516). Understood as a biography of the self, Epstein contends, autobiography is bound to fail since 'автобиография, в противоположность биографии, это не описание состоявшейся жизни, а проект ее продолжения, обращенный к фактам прошлого для создания возможностей будущего (в том числе, посмертного)'. Attempts to pin oneself down in real time are at odds with the project of *avtonoographia* which, according to Epstein, 'не только осмысляет жизнь, но и раскрывает жизнь самой мысли. Если биография – это описание жизненных событий, последовательность биограмм, то *ноография* – описание умственных событий, совокупность ноограмм (греч. νόος – ум, разум)'. Thankfully, Epstein's life writing samples go beyond strictly noographic generalizations. Among other things, they describe the author's experience as the child eagerly searching a newspaper for the winning number of the state bonds purchased by his family, with state power symbolized by the colorful pieces of paper issued by the government (a sample bond is reproduced in the text). The acclaimed author also shares with the reader "Ten personal

rules” that he distilled from experience, a decalogue setting guideposts for a meaningful being in the world according to Mikhail Epstein.

The autobiographical dialogues between Liudmila Ulitskaya and Dmitri Shalin is another example of life writing that does not readily fit the canon. The conversation began as an exchange of emails about the Fourth Nevada Conference on Russian Culture and evolved into a sustained attempt to trade ideas about autobiographical discourse, the use of documents in fiction, the pitfalls of metaprose, and kindred matters of mutual interest. Within this dialogue, both sides identify critical junctions in their personal development, with Ulitskaya looking back at her life to mark key stages in her lifecycle. This is a bird’s eye view of a whole life where the celebrated novelist traces the bond with her ancestors, explains the place of diaries in her daily routine and fiction writing. Excerpts presented below cover the early phase of this ongoing dialogue whose direction and analytical foci continue to evolve.

For all the differences, life writing samples collected in the special journal issue have a common thread. They are marked by what Wittgenstein (1958/1953) called ‘family resemblance’ – a network of overlapping themes, approaches, and intuitions that set these writers apart as a distinct group. Members of our team (a) pay close attention to the act of writing as a tool for self-understanding and self-mastery; (b) show an acute sense of historical time and one’s place in the world; (c) pass judgment on the present day cultural and political currents; and (d) demonstrate the intricate relationship between life writing and creativity in its sundry forms.

More than one contributor to this volume cites Tolstoy’s lifelong habit of keeping diaries. Rather than dutifully populating one’s books with events observed in real life, opined the Russian classic, ‘Гораздо лучше писать все в дневник, который стараться вести регулярно и чисто, так чтобы он составлял для меня литературный труд, а для других мог составить приятное чтение’ (Tolstoy 1937: 179).

There is more to diary keeping than sketching future compositions, however. It is also a tool of self-mastery, a form of askesis and self-therapy. ‘Помнить, что дневник пишу главным образом для того, чтобы исправить себя, а не для людей, которые будут читать’, scribbled a young man in his college journal. ‘Быть предельно прав-

дивым. Обязательство быть правдивым в дневнике, быть может, удержит меня от постыдных поступков... Приучить себя к мысли, что он погибнет ненапечатанным' (Iur'enen).

For Mikhail Epstein, 'Автобиография, где человек осмысляет свою жизнь, – это не только литературный жанр, но и модус осмысленного существования. По Сократу, неосмысленная жизнь не стоит того, чтобы ее проживать. Пока я существую лишь за пределами своей мысли, я еще не стал самим собой, я еще чужой для себя'. Avtonoography treats daily observations as a step toward a larger goal – justification of one's life in the face of eternity:

Высшая смысловая точка автоноографии – автодицея (autodicy): оправдание своего бытия, главная цель каждого существования: почему я, зачем я нужен? Не 'в чем смысл жизни', а 'в чем смысл меня'? Чем оправдано мое личное бытие? Автобиография, исповедь, дневник – лишь отдаленные аналитические подступы к этой синтетической задаче? Зачем я есмь, был и буду?

I have mixed feelings about the notion that unexamined (unrecorded?) life is not worth living, but the sense of purpose is sure to fill our existence with extra significance. In her writings, Ulitskaya alludes to life's ultimate goal, though her reflections are tinged with characteristic understatement and ambivalence:

В. и мне сказала, что я выполняю миссию. Совестно это слышать. Хотя я давным-давно знаю, что у каждого человека есть задание (я и слова поскромнее выбираю), и он его выполняет вне зависимости от того, понимает он это сам или не понимает. Но когда понимает, то дело идет лучше – осознанно. Тогда и я готова считать, что я «служащий». Хотя мне так хотелось в последние годы ощутить именно свободу, а не подчиненность идее, даже самой распрекрасной.

Ulitskaya connects her notetaking with strategic mindfulness – 'мои записки прожитого дня, они как раз о внимательности. Не упустить мимолетного впечатления, при записи оно укрепляется. Зачем это – другой вопрос. И ответить на него трудно. Есть какая-то

потребность сохранить живое впечатление, потому что ветер дует, все развеивает’.

In an exchange on the wisdom and timing of releasing one’s notebooks and in response to Ulitskaya’s take on text as ‘единственное, что сохраняется, будь то текст биологический и текст “второго порядка” – тот, который производит человек’, Shalin wrote:

Вы спрашиваете ‘подойдет ли вам этот прихотливый текст’. Мне подходит все, что выходит из-под вашего пера-компьютера. Каждое слово, предложение, дневниковая запись, автобиографический скетч ложится на палимпсест вашей жизни, добавляя к нему незаменимых штрих. Рукописи горят, но текст – после того как он вошел в ноосферу – остается там навсегда. Не нам судить, как отзовутся наши тексты, что в мусорном ДНК не кодирующем последовательности белков останется шумом, а что при изменении среды послужит сигналом будущим поколениям. Важно, чтобы не иссякли коммуникативные потоки. Не оставляйте стараний, Людмила, просто пишите всю жизнь напролет. И шлите тексты, разной длины и во всех возможных редакциях.

A life that stands to reason requires rules for meaningful action. Here are some of the guideposts Iur’enen set for himself as a young lad:

<...> 4) Говорить, когда необходимо и молчать, когда слова ни к чему. 5) Привыкать говорить или молчать – с твердым выражением лица или с улыбкой. Согнать с лица эту добрую, постоянную в разговорах с женщинами улыбку. 6) Всякое дело – хорошо ли, плохо – доводить до конца. Поэтому, когда берешься за дело, всегда знай, что его придется довести до конца, а поэтому хорошо обдумай: стоит ли начинать. 7) Наконец: жить настоящим, всегда имея в виду цель и смерть. Жить одному, наедине с собой, никого не допуская до внутреннего себя.

Epstein’s decalogue is less stringent, more abstract and philosophical, perhaps because it is the product of a mature mind:

Правило такое: объект воли своими границами совпадает с ее субъектом. Воля должна быть достаточно длинной, чтобы простираться только на самого волящего. Ну еще на детей, пока они дети, или близких людей, если им не хватает своей воли.

Как только я чувствую, что слишком глубоко влипаю в некое движение, тенденцию, группу, я начинаю отлипать, шевелиться, вылеплять себя из массы. Как только я чувствую, что начинаю намертво, в упор кому-то или чему-то противостоять, я чуть-чуть сдвигаюсь, переносу точку упора, чтобы была возможность маневра, обхода, свободы движения. Моя стихия – текучая середина, чтобы всегда оставалось чуть-чуть места и справа, и слева, чтобы не быть припертым к стене или загнанным в угол.

Нужно ли знакомиться с неизвестными девушками, ходить в чужие компании, наращивать социальные связи, притворяться ловким, свойским, общительным – и при этом чувствовать себя одиноким? Так я определял свою цель: приобретать опыт, не теряя души! Но постепенно понимал, что это почти так же сложно, как перейти реку, не замочив ног. Оставалось ходить по краю, по бережку, чтобы ноги замочить, но не утонуть. Этой осторожности, половинчатости я в себе не любил, но таким и приходилось себя принимать: нелюбимым.

Life writing documents paint a vivid picture of each person, sometimes unflattering, often self-critical, always revealing.

Недоволен собой. Нарушил свои нормы общения. Много и дружески выболтал Эпштейну, врал и хвастал. О женщинах не вспоминать и не говорить. О работах тоже (Iur'enen).

Как полагается людям моего зодиакального знака – Рыбы, я всю жизнь жажду страстно противоположных вещей: одна часть моей натуры зовет меня к строгому научному исследованию, другая – к художественному. Моя первая профессия – генетика, вторая – письмо букв по бумаге. Богемное начало победило, но ученый в глубине души брезгливо морщится (Ulitskaya).

Мысленно обозревая становление себя как политического субъекта, вижу, что я не был рожден для открытой борьбы с советским режимом. Мне, как и моему университетскому учителю [Игорю Кону], ближе либеральная полемика, хождение на грани допустимого, и то, что в России называют скользким термином “внутренняя свобода” (она же свобода от ответственности). На Красную площадь я не вышел бы, письма протеста не подписывал, общался с диссидентами и поддерживал их главным образом морально, помогал друзьям студентам, которым грозило отчисление из комсомола за идеологические проколы... Участвовал в компании за освобождение Сени Рогинского после его ареста, но уже из безопасного далека (Shalin).

Each personality that comes through in these self-constructions reveals a mixture of idiosyncratic attributes and emotional concerns germane to the entire social strata. Occasionally, we get a glimpse of what it's like to be an intellectual in a culture where public commitments often clash with private dreams. This tension is familiar to the Russian intelligentsia members hailing from different historical epochs:

Скучно. Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (не за мной ли приехали?), ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры и в то же время быть совершенно равнодушным к сей болезни и к тем людям, которым служишь, – это, сударь мой, такая окрошка, от которой не поздоровится. Холера уже в Москве и в Московск<ом> уезде (А. Chekhov to A. S. Suvorin, 16 August 1892; Chekhov 1977: 104).

Вечером сегодня передача на Эхе, а я ненавижу эти устные выступления, тем более про политику, так или иначе. И начала я про себя готовиться к этому разговору, и впала в настоящую истерику, и в ярость, и в невменялку... У меня экзема, и от ярости, аллергии и злости у меня кожа с рук слезает, поэтому я себя берегу от разговоров о политике. Когда в политику придут люди образца Сахарова, Гавела и даже, на худой конец, Льва Шлосберга, о политике поговорим... Пат-

риоты меня объявили врагом отечества. Ну как объяснить, что «отечество нам Царское Село»? (Ulitskaya).

As befits journal entries, they often give the reader a wonderful feel for the fleeting moods. Epistles exchanged by Sergei Solov'ev and Mikhail Shishkin have their sweet moments, though their reveries can flow into weightier matters, mundane and celestial:

А в ладони моей – ладонь женщины, силуэт которой во тьме. И во тьме ее живота – наш ребенок, зачатый в джунглях, в опустевшей пещерке отшельника, отошедшего уже к другой речи. И вот я думаю, эта неясная полянка между мирами – там, в земле Семи Сестер, на чужом наречье, с этой ладонью в руке и заревом за спиной – и есть я, дом, род, родина, здесь и сейчас. Ведь родина – не земля под ногами, не могилы предков, и даже не язык, а блуждающее окно, которое вдруг совпадает с тобой и распахивается внутрь тебя. И произойти это может в любое мгновение и где угодно. И так же безотчетно покинуть – до следующей встречи, непредсказуемой и иной. И этим окном может стать вечер, ладонь, зарево за спиной... Душе ведь закон не писан, и родина ее не здесь (Solov'ev).

And here is a reverie Liudmila Ulitskaya fell into on a summer afternoon in Cogoleto, Italy (journal entry, June 30, 2018):

...Вот неделю я не вставая из-за компьютера составлю этот единый текст – дневники на сорок лет жизни. Сокращаю, и уже нахожусь в 1991 году... Господи Боже! Какое счастье, что и на это рассмотрение жизни, в таком ее аспекте, хватило времени. При моей последних лет усталости от жизни, истерпанности и тайного вопроса «когда это кончится, мне немного надоело, я готова уже», какое счастье, что дан этот кусок на монтаж. Совершенно раздвоенное существование – продолжаю спускаться с горы, плавать, писать письма, читать старое и даже новое, совершать глупости, тащить на себе ужасную суету и вздор, и вторым, или первым планом, идет сдача дел, подготовка к уходу. При том сейчас играет музыка, сначала Рихтер, потом немного Мацуев – меня потянуло в сторону Бетховена, и слушаю сонаты последнее время.

The diary entries have their moments of hilarity: ‘Принял сто граммов; трезв. Э. был косой: “Девять лет, и я переверну мир!”’ (Iur’enen). ‘Вы спрашиваете, что такое профессиональная деформация? Так я вам расскажу. Когда после четырех пар лекций и семинаров по риторике ты ставишь для одного маленького мальчишка на удаленке кукольный спектакль по скайпу на острую педагогическую тему ‘Корова учит Слопенка какать в горшок’ (Gusejnov).

The noise of time intrudes, however, reminding readers about the brutalities on our doorsteps, eviscerating the sense of normalcy and well-being:

Сереза, дорогой, несколько дней ничего не мог ни писать, ни думать. Война. Вот так просто. Ни где-то когда-то, а здесь и сейчас. Чертов интернет открывает заслонку, которая всегда была между чьей-то далекой смертью и тобой. Никакой далекой смерти в мире больше нет. Все в прямом эфире. Убивают в моей комнате. В той самой, в которой мы играли в шахматы... Вот так просто война. Причем, самая подлая, звериная, утробная, среди своих. Почему так всегда: то, что начинается «За вашу и нашу свободу» превращается снова и снова в кровавое месиво. Но там, где месиво, там нет и не может быть свободы, ни нашей, ни вашей, ничьей (Shishkin).

All the life writers who signed up for this project were born in the Soviet Union, and this fact left an indelible mark on their autobiographical imagination. Mikhail Epstein offers a particularly poignant account of his soviet past and the curious imprint it left on his psyche:

Два чувства смешались, когда я прочитал, что Советского Союза больше не существует, что флаг его спущен, а президент ушел в отставку. Первое чувство: что все мое прошлое мгновенно унеслось от меня во времени, как оно унеслось в пространстве, кануло в глубь... На это первое чувство накладывалось и другое. Не то, что я остался смутной тенью в прошлом этой страны, – а то, что страна эта теперь переселилась в меня. Обосновалась. Во мне живет. Напеваает вполголоса дивные песни. “Эх, дороги, пыль да туман... Только ветер гудит в проводах... Где закаты в дыму...” И пусть я трижды антисоветский и даже постсоветский, все равно, я – послед-

нее пристанище великой страны. Прекратившись исторически и географически, она еще сильнее воспрянула в нас, как метафизическая, вечная родина, как тот пепел, что, утратив свое земное тело, теперь стучит в наше сердце.

Serge Iur'enen tallies the unexpected cost of his decision not to return to the USSR after his first trip to the West:

Одна из трагедий чистого невозвращения – ни от кого еще не слышал, – что твои люди не уходят. Ты не был на похоронах. Не проводил в последний путь. Не знаешь точно. Поэтому они с тобой. Весь сонм. Импликации многообразны; иные, благодаря твоему отсутствию, упрямо продолжают жить, тогда как сам ты, несмотря на седеющую эспаньолку а ля Троцкий, переходя из страны в страну, а с континента на другой, пребываешь в вечно подростковом...

Here is another entry from the same diary hinting at the gruesome toll of leaving friends behind to fend for themselves in the land of ripe socialism guarded by KGB operatives: “Он не был другом моего сына! Они просто учились вместе! Он просто к нему заходил!” – повторяла в предсмертном бреде мать москвича Миши Э., о чем он рассказал мне перед убытием в Америку’.

Mikhail Shishkin recalls a story of the forgotten Russian author who chose to write for the desk drawer rather than play by the rules mandatory for Soviet writers:

Потом [Эдуард] Шульман совершил, наверно, главный поступок жизни. Он вернул своим текстам настоящее имя и стал писать в стол. Для советского писателя – это то самое «идеальное убийство». Больше Шульман нигде ничего не публиковал... Он стал писать без оглядки на то, что сегодня позволено, а что нет. Закрыв для себя путь в советскую печать – и освободился. Стал не советским писателем, а просто писателем.

Past nightmares are rekindled by present day news, absurd and cruel at the same time:

Корреспондент “Дождя” случайно напоролся на иностранку – гражданку Туркменистана, муж которой вышел в магазин и был задержан, а потом привезен в этот лагерь, где и начал ждать депортации в свой Туркменистан. Жена принесла очередную передачу. Корреспонденту, который мне очень нравится за бойкую и дельную работу, сразу стало скучно, и он переключился на своих. Вы спросите, почему ему стало скучно? Да потому что передачи свои эта женщина возит в Сахарово не два дня, а ДВА ГОДА. Рейсов в Туркменистан нет (Gusejnov).

Our life writers do not shy away from passing judgements on the realities of Putin’s Russia. This judgment can be harsh, as the authors grapple with yet another spiral of democratic reforms running aground. The Ukrainian and Russian brands of freedom fighting are the source of Shishkin’s disappointment:

То, что творится на Украине, как ни крути, это национальное движение, захватившее всех, сверху до низу, поэтому там с одной стороны горящих баррикад весь народ, а с другой – прорусское проворовавшееся начальство со своим и привозным из России спецназом, да привезенные из полурусских областей титушки, то есть, русские парни попроще. А в протестном движении в России виртуальные баррикады, которые никогда не загорятся, возведены между образованной публикой и миллионами наших собственных титушек. В демократической Москве некому строить баррикады, некому делать из ножки стола булаву. Это наши отечественные титушки могут, а мы – нет. Это они готовы размозжить дубиной наши головы, а мы их – нет.

Gasán Gusejnov blames the Kremlin authorities for the current state of affairs in the homeland he was forced to flee:

Как персонаж моих скромных писаний В.В.П. ни разу не обманул моих ожиданий и не опроверг моих оценок. Полное единство формы и содержания. Диалог поверх всех барьеров:

он для меня – пользователь и, в политическом смысле, создатель “клоачного языка”; я для него – “пещерный русофоб”.

Gusejnov goes on to update the glossary of Putin’s expressions that the famed philologist faithfully compiled since the president took office, inviting readers to opine on which of the old and new Putinisms are likely make history:

- Мочить в сортире?
- Она утонула?
- От мертвого осла уши?
- Сопли жевать?
- Это не факт, что человека нужно было убивать?
- Обрезать, чтобы ничего не выросло.
- ...
- Скощухи не будет!
- Двущечку вlepили.
- ...
- Мы попадём прямо в рай, а они просто сдохнут.
- Наняли шлюх за ю долларов, чтоб меня дискредитировать.
- Бандерлоги, стуча копытами, ушли в сторону леса
- Тогда он был бы не бабушкой, а дедушкой
- ...
- Замучаетесь пыль глотать
- Вот Ганди умер, и поговорить не с кем
- Печенеги...
- В 1937-м утром человека арестовывали, а вечером родственникам выдавали труп.
- Зря вы хрюкаете!

The project participants’ shared priorities can also be gleaned from their public ventures, in their willingness to blend private interest with public engagement, to infuse their personal narratives with literary, social, and political concerns. Half of the contributors to this issue are professional fiction writers with poetry, novels, and short story collections to their credit. The other half are scholars specializing in philosophy, philology, linguistics, and humanistic social science. All participants are public intellectuals who have written extensively on cultural and political topics, who often weave personal stories into their professional writings. No bright line can be drawn between civic and private

concerns when it comes to our team members, between their autobiographical musings and broader cultural pursuits.

This vital intersection between life writing and culture at large is palpable in the life and work of Liudmila Ulitskaya – a political activist, a philanthropist supporting public causes, a novelist whose literary purpose is autobiographical to the core. *Big Green Tent, Casus Kukotsky, Daniel Stein, the Translator, Jacob's Ladder* are just a few of the novels Ulitskaya wrote where she drew on historical documents, including her family archives, to connect national history with individual lives. Ulitskaya is keenly aware of this interplay:

Конечно, эта история моей жизни давно уже проросла в разные тексты, которые мне приходилось писать... Но всё, что хотелось мне сказать об этой особенности нашего поколения, я уже написала во множестве рассказов, в романе «Медея и ее дети», в «Казусе Кукоцкого»... Жизнь перерабатывает материал, из слез, переживаний и трагедий вырастает человеческий опыт. А писатель, глядишь, и напишет что-нибудь... (Ulitskaya 2013: 68, 126).

The diaries and notebooks Ulitskaya compiled over a lifetime are a valuable resource which allows one to see how writer's personal experience is transmuted into literary works and public documents. As these notebooks become publicly available, they will expand our understanding of the critical role life writing plays in artistic creativity. They will also afford a glimpse into the workings of a creative mind at a critical juncture in Russian history, struggling to make sense of social crosscurrents and take stock of her own ambivalent feelings, actions, and thoughts.

The life writing output by Ulitskaya stands out by its sheer volume, but it is by no means unique, as other documents assembled herein testify. Every contributor to this collection has been reporting on their life sojourns, sharing with the public personal experiences and private records. This is evident in the entries of Iur'enen whose literary career put him in touch with the likes of Iurii Kazakov, Andrei Bitov, and Vasil' Bykov, as well as in the drafts of his novels and short stories he was planning to write: 'Роман о постоянном страхе: Страх страха – Гос-

страх. Общественная эволюция страха – от пещерного как источника религии – до моего века’.

Mikhail Epstein, a public intellectual par excellence, has a lifelong habit of keeping a diary, making posts in social media, limning contours of Russian and American cultures. *Encyclopedia of Youth*, the dual biography he published with his friend and collaborator Sergei Iur’enen, is a fine example of his commitment to blending the private and public in his life (Epstein et al. 2017).

Gasán Gusejnov has been tracking developments in Russia for decades, mixing reporting, commentary, and creative writing in the process. The autobiographical turn is palpable in Mikhail Shishkin’s elegant prose filled with references to his personal encounters and intense feelings they evoked in the writer. Dmitri Shalin’s columns in American newspapers, contribution to public sociology, and involvement in crosscultural dialogues exemplify his determination to bring his scholarly expertise to bear on the issues of the day and let his personal agenda invade his professional exploits (see Shalin’s page on the UNLV web site, Shalin n.d.).

A few words about the research agenda highlighted in this publication is in order here. The collection of autobiographical materials assembled in this volume can provide researchers in different fields tools for studying the relationship between life writing and society. And so will online archives currently under construction at the UNLV Center for Democratic Culture that house diaries, correspondence, video materials, and other personal documents of people connected with the Nevada Conference on Russian Culture (Nevada conference n.d.). Drawing on these resources, literary scholars will have a chance to examine in depth how personal documents are transformed into literary prose, to take a closer look at the relationship between writers’ personal life and their literary output. Vladimir Nabokov pinpointed this fraught relationship in his autobiography:

Я не раз замечал, что стоит мне подарить вымышленному герою романа драгоценную мелочь из моего прошлого, как она уже начинает чахнуть в искусственной среде, куда я столь резко ее перенес. Хотя мое сознание еще сохраняет ее, личное ее тепло, обратное обаяние пропадают, и вот уже она

становится частью скорей моего романа, чем моего прежнего “я”, которое, казалось бы, так хорошо защищало ее от посягательств художника. Целые дома рассыпаются в моей памяти совершенно беззвучно, как в немом кинематографе прошлого, и образ моей французской гувернантки, которую я одолжил когда-то мальчику из одной моей книги, быстро тускнеет, поглощенный описанием детства, с моим никак не связанного. Человек во мне восстает против писателя, и вот попытка спасти что еще осталось от бедной Mademoiselle (Nabokov 2008: 201).

Can we mine fiction for information about the author’s life, and how much fiction is permissible in the autobiographical writing? The pathway from notebooks to literary products has received a fair amount of attention; not so much the reverse flow from the fiction to life writing bent on authenticity. *Casus Kukotsky* contains vivid descriptions of the heroine’s painful encounter with vivisection in a biology lab; thirteen years later the same account reappeared, almost verbatim, in *Sacred Trash*, a collection of autobiographical prose by the same author. Is it art feeding on life or vice versa? If this is an instance of interdetermination, do we need to relax the rules demarcating literary fiction and life writing?

While the interfaces of literature and life are a much-studied area, the relationship between scholarly writing and personal agendas animating its authors is a less developed research field. It was C. Wright Mills, who pointed out that “The sociological imagination enables us to grasp history and biography and the relations between the two within society. No social study that does not come back to the problem of biography, of history and their intersections within a society has completed its intellectual journey” (Wright Mills 1959: 6). Alvin Gouldner agreed that ‘every theory is also a personal theory’, that ‘Much of any man’s effort to know the social world around him is prompted by an effort, more or less disguised or deliberate, to know things that are personally important to him; which is to say, he aims at knowing himself and the experiences he has had in his social world (his relationship in it), and at changing this relationship in some manner’ (Gouldner 1970: 40, 41).

Pierre Bourdieu offered fresh fodder to this line of inquiry. His work deserves close attention by students of autobiography despite his mis-

givings about this genre and ‘the biographical illusion’ (Bourdieu 2000b: ii). The concept of ‘corporeal knowledge’ or ‘habitus’ understood as ‘deep-rooted bodily dispositions’ activated by social situations has much to offer to students of autobiography (Bourdieu 2000a: 135, 151, 159). A study of Russian intelligentsia can benefit from Bourdieu’s theoretical and personal reflections on what he called ‘cleft habitus’ – conflicting dispositions acquired by individuals growing up in an environment ravaged by inequality, redolent with conflict, and breeding stigma. Bourdieu sees himself as a paradigmatic case of the intellectual plagued by ‘cleft habitus’ (Bourdieu 2000: 100).

I discovered little by little, mainly through the gaze of others, the particularities of my habitus which, like a certain propensity to masculine pride and ostentation, a marked taste for disputation, most often somewhat put on, or the propensity to indignation over ‘trifles’, now appear to me to be linked to the cultural particularities of my region of origin... Only slowly did I understand that if some of my most banal reactions were often misinterpreted, it was often because the manner – tone, voice, gestures, facial expressions, etc. – in which I sometimes manifested them, a mixture of aggressive shyness and a growling, even furious, bluntness, might be taken at face value, in other words, in a sense too seriously, and that it contrasted so much with the distant assurance of well-born Parisians that it always threatened to give the appearance of uncontrolled, querulous violence to reflex and sometimes purely ritual transgressions of the conventions and commonplaces of academic or intellectual routine (Bourdieu 2004: 89; see also Bourdieu 2008).

A research program of *biocritical hermeneutics* should be mentioned in this context as well. Social scientists working in this tradition converge on the premise that society’s history unfolds through the ongoing self-construction of its members while auto/biographical accounts draw on the narrative constructs and life-cycle resources available in a particular era. Biocritical hermeneutics examines self-framing as a somatic-affective-discursive process marked by indeterminacy and creativity, and it takes seriously Michael Polanyi’s contention that scholarly ideas have ‘a passionate quality attached to them’, that ‘no sincere assertion of fact is essentially unaccompanied by feelings of intellectual satisfac-

tion or of a persuasive desire and a sense of personal responsibility' (Polanyi 1952: 26).

The notion of self comes for a revision in biocritical research. No longer seen as a unitary being endowed with indelible characteristics, the autobiography's prime target emerges as the self-in-the-making ever ready to take the role of the other, to move beyond itself, to become something else. Human self is cast here as a nonclassically-proprietyed object akin to a particle in quantum mechanics that is everywhere at once when we do not look at it, and that emerges as an identifiable object *in actu* and *in situ* where it is compelled to take a stance and reveal some of its valences under the gaze of assorted others. Human identity, then, transpires as an ongoing accomplishment rooted in a possibility, nay certainty, that sooner or later one will fall short of, or exceed, what one claims to be.

The life and work of Erving Goffman have furnished raw material for fleshing out the agenda of biocritical hermeneutics. A renowned American sociologist of Russian dissent, Goffman imported from the source culture the metaphor of Potemkin villages and turned it into a highly influential theory of presentation of self in everyday life that takes social reality to be a collectively staged and institutionally supported performance (Goffman 1959, 1961). As interviews, letters, and documents collected in the Erving Goffman Archives demonstrate (Goffman 2007-2017), his entire theoretical corpus is cryptobiographical, with major turning points in Goffman's intellectual career aligned with his personal developments and wrought family history (Shalin 2014a, 2014b, 2016). A paper on the dual biography *Encyclopedia of Youth* is another example of what biocritique aims to illuminate (Shalin 2020). Twelve theses on biocritical hermeneutics gathered in the appendix to the paper spell out its theoretical assumptions and research strategies such as 'reverse editing' and 'triangulation' between the discursive, affective, and behavioral signs (see also Shalin 2010, 2011, 2012, 2021).

The division between fiction and nonfiction is one more area that invites reexamination from the perspective of biocritique. All fiction worth its name feeds on experience, its aesthetic quality owing a good deal to how well it reflects the feelings and aspirations of people inhabiting a lifeworld, how much it comports with historical records – which are increasingly incorporated into art in our autobiographical age.

Journalistic, scholarly, legal, and other fact-based forms of discourse dignified as *nonfiction* must, in turn, be understood as heavily steeped in rhetoric and susceptible to distortion and bias which open them to challenges inside and outside expert communities. Standards by which we judge each undertaking differ – one answering to aesthetic sensibilities and truthfulness canons informing an era, the other demanding a recourse to whatever passes for evidence and fact at the present time – yet neither escapes the conventions of a genre and both stand to benefit from respectful dialogue and cross-fertilization.

Whether one takes the present collaborative project as an example of contemporary autobiographical prose, a window into the mindset of contemporary Russian intellectuals, or a resource in literary criticism – it is my hope that readers will share the contributors' fascination with life writing and join the call to embody autobiographical reflection in textual form:

Владимир Иванович Вернадский, великий российский ученый, стоял у истоков великого открытия ноосферы. Если биосфера – совокупность всех живых существ, от инфузориитупфельки до человека, то ноосфера – хранилище всех мыслей, обращенных в тексты, всего интеллектуального богатства, созданного за 200 тысяч лет существования человека... Человеческая культура, сохраняемая текстами, нотными знаками, графикой и живописью – великая запись Творения, если угодно, дневник Господа Бога. Но пишут его люди, и не обязательно люди гениальные. Даже самый заурядный человек, записывая свои повседневные мысли и дела, оказывается участником и творцом уникальной человеческой культуры.

Some readers may even join Mikhail Shishkin on his journey to a faraway place where his intimate memories are buried, waiting to be excavated and brought back to life.

Юрия Зеликовича давно уже нет, теперь вот и Жени. А я еще тут, пишу эти строчки. В один странный день я сяду на Ярославском на монинскую электричку и поеду к ним в Загорянку. Ночь снова будет лунная, мы с Женей вылезем через окно в сад, пропитанный запахом белого налива. Будем читать

друг другу стихи, свои и не свои, и впереди будет бесконечная удивительная жизнь.

Bibliography

Adams 1990: Adams, Timothy. 1990. *Telling Lies in Modern American Autobiography* (Chapel Hill: University of North Carolina).

Anderson 2001: Anderson, Linda. 2001. *Autobiography* (London: Routledge).

Ashley et al. 1994: Ashley, Kathleen M., Gilmore, Leigh, and Peters, Gerald (eds). 1994. *Autobiography and Postmodernism* (Amherst: The University of Massachusetts Press).

Bourdieu 2000: Bourdieu, Pierre. 2000. *Pascalian Meditations* (Stanford: Stanford University Press).

Bourdieu 2000a: ——. 2000a. *Pascalian Meditations* (Stanford: Stanford University Press).

Bourdieu 2000b: ——. 2000b. 'The Biographical Illusion', in *Identity: A Reader* (London: Sage Publications): 298.

Bourdieu 2004: ——. 2004. *Science of Science and Reflexivity* (Chicago: The University of Chicago Press).

Bourdieu 2008: ——. 2008. *Sketch for a Self-Analysis* (Chicago: The University of Chicago Press).

Bruss 1976: Bruss, Elizabeth W. 1976. *Autobiographical Acts: The Changing Situation of a Literary Genre* (Baltimore: Johns Hopkins University Press).

Butler 1997: Butler, Judith. 1997. *Bodies that Matter: On the Discursive Limits of Sex* (New York: Routledge).

Chekhov 1977: Chekhov, Anton. 1977. *Pis'ma, Vol. 5*, in *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 t.* (Moskva: Nauka).

Clough et al. 2004: Clough, Peter, Goodley, Dan, Lawthorn, Rebecca, and Moore, Michelle (eds). 2004. *Researching Life Stories: Method, Theory and Analyses in a Biographical Age* (London: Routledge).

Coburn 1974: Coburn, Kathleen. 1974. *The Self-Conscious Imagination. A Study of the Coleridge Notebooks in Celebration of the Bicentenary of his Birth 21 October 1772* (London: Oxford University Press).

Dilthey 2002: Dilthey, Wilhelm. 2002. *Selected works*. Vol. III. 'The Formation of the Historical World in the Human Sciences' (Princeton: Princeton University Press).

Eakin 1985: Eakin, Paul John. 1985. *Fictions in Autobiography: Studies in the Art of Self-Invention* (Princeton: Princeton University Press).

Eakin 1992: ——. 1992. *Touching the World: Reference in Autobiography* (Princeton: Princeton University Press).

Eakin 1999: ——. 1999. *How our Lives Become Stories: Making Selves* (Ithaca: Cornell University Press).

Eakin 2008: ——. 2008. *Living Autobiographically: How we Create Identity in Narrative* (Ithaca: Cornell University Press).

Epstein et al. 2017: Epstein, Mikhail, and Iur'enen, Sergei. 2017. *Entsiklopediia iunosti* (Moskva: Eksmo).

Folkenflik 1993: Folkenflik, Robert (ed.). 1993. *The Culture of Autobiography: Constructions of Self-Representation* (Stanford: Stanford University Press).

Goffman 1959: Goffman, Erving. 1959. *Presentation of Self in Everyday Life* (Garden City, NY: Doubleday).

Goffman 1961: ——. 1961. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and other Inmates* (Garden City, N.Y.: Anchor Books, 1961).

Goffman 2007-2017: ——. 2007-2017. *Bios Sociologicus: Erving Goffman Archives*. UNLV Center for Democratic Culture.

Gouldner 1970: Gouldner, Alvin W. 1970. *The Coming Crisis of Western Sociology* (New York: Basic Books).

Harris 2014: Harris, Jane Gary. 2014. *Autobiographical Statements in Twentieth-century Russian Literature* (Princeton: Princeton University Press).

Hegel 1967: Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. 1967. *The Phenomenology of Mind*. (New York: Harper and Row).

Kant 1951: Kant, Immanuel. 1951. *Critique of Judgment* (New York: Hafner Pub. Co.).

Kant 1983: ——. 1983. *What Real Progress Has Metaphysics Made in Germany since the Time of Leibniz and Wolff?* (New York: Abaris Books).

Lejeune 1989: Lejeune, Philippe. 1989. *On Autobiography*. Theory & history of literature. Vol. 52 (Minneapolis: University of Minnesota Press).

Marx 1964: Marx, Karl. 1964. *Economic & Philosophic Manuscripts of 1844* (New York: International Publishers).

Mead 1934: Mead, George H. 1934. *Mind, Self, and Society: from the Standpoint of a Social Behaviorist* (Chicago: University of Chicago Press).

Mills 1959: Mills, Charles Wright. 1959. *Sociological Imagination* (New York: Oxford University Press).

Nabokov 1967: Nabokov, Vladimir. 1967. *Pamiat' govori. K voprosu ob avtobiografii* (New York: G. P. Putnam's Sons).

Nabokov 2008: ——. 2008. *Drugie berega: Avtobiografiia*, in *Sobranie sochinenii russkogo perioda v 5 tt., 1938-1977*, V (Sankt-Peterburg: Simpozium).

Nevada conference n.d.: 'Nevada Conference on Russian Culture'. N.d. <<http://cdclv.unlv.edu/archives/conferences.html>> [accessed 31 December 2021]

Novalis 1960: Novalis. 1960. *Schriften. Das Philosophische Werke*. Bd. 11 (Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag).

Olney 1980: Olney, James. 1980. *Autobiography: Essays Theoretical and Critical* (Princeton: Princeton University Press).

Olney 1999: ——. 1999. *Memory and Narrative: The Weave of Life-Writing* (Chicago: University of Chicago Press).

Polanyi 1952: Polanyi, Michael. 1952. *Personal Knowledge. Towards a Postcritical Philosophy* (Chicago: The University of Chicago Press).

Renders 2016: Renders, Hans. 2016. *The Biographical Turn: Lives in History* (New York: Routledge).

Roberts 2002: Roberts, Brian. 2002. *Biographical Research* (Buckingham; Philadelphia: Open University Press).

Shalin 2007: Shalin, Dmitri. 2007. 'Signing in the flesh: Notes on Pragmatist Hermeneutics', *Sociological Theory*, 25:193-224.

Shalin 2010: ——. 2010. 'Hermeneutics and prejudice: Heidegger and Gadamer in their historical Setting', *Russian Journal of Communication*, 3(1-2): 7-24.

Shalin 2011: ——. 2011. *Pragmatism and Democracy: Studies in History, Social Theory and Progressive Politics* (New Brunswick: Transaction Publishers).

Shalin 2012: ——. 2012. 'Problemy memuarnoi etiki i dostovernosti biointerv'iu', *Teleskop*, 2: 8-17.

Shalin 2014a: ——. 2014. 'Interfacing biography, theory, and history: The case of Erving Goffman', in *Erving Goffman: Biographical, Historical, and Contemporary Perspectives*. In Special Issue of *Symbolic Interaction*, ed. by D. N. Shalin, Vol. 37, No. 1: 2-40.

Shalin 2014b: ——. 2014. 'Goffman on mental illness: 'Asylums' and 'The insanity of place' revisited', *Symbolic Interaction*, 37(1): 122-44.

Shalin 2016: ——. 2016. 'Erving Goffman, Fateful Action, and the Las Vegas Gambling scene', *UNLV Gaming Research & Review Journal*, 20(2): 1-38.

Shalin 2020: ——. 2020. 'Biocritical Reflections on the Encyclopedia of Youth', *AvtobiografiЯ. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*, 9: 479-501.

Shalin 2021: ——. 2021. 'Goffman's Biography and Interaction Order', *Society*, 58(1): 33-43.

Shalin n.d.: ——. N.d. 'Dmitri Shalin, Ph.D. Professor'. <<https://www.unlv.edu/people/dmitri-shalin>> [accessed 31 December 2021]

Shanahan et al. 2008: Shanahan, Michael J. and Macmillan, Ross. 2008. *Biography and Sociological Imagination. Contexts and Contingencies* (New York: W. W. Norton & Company).

Smith 1996: Smith, Robert. 1996. *Derrida and Autobiography* (Cambridge: Cambridge University Press).

Smith 1987: Smith, Sidonie. 1987. *A Poetics of Women's Autobiography: Marginality and the Fictions of Self-Representation* (Bloomington: Indiana University Press).

Smith et al. 2010: Smith, Sidonie, and Watson, Julia. 2010. *Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narratives* (Minneapolis: University of Minnesota Press).

Spengemann et al. 1965: Spengemann, William C., and Lundquist, L. R. 1965. 'Autobiography and the American myth', *American quarterly*, 17(3): 501-19.

Stanton 1987: Stanton, Domna C. 1987. *The Female Autograph. Theory and Practice of Autobiography from the Tenth to the Twentieth Century* (Chicago: The University of Chicago Press).

Tolstoy 1937: Tolstoy, Lev. 1937. *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tt., XLVI: Dnevnik 1847-1854* (Moskva: Khudozhestvennaya literatura).

Wittgenstein 1953: Wittgenstein, Ludwig. 1953. *Philosophical Investigations* (Oxford: Basil Blackwell).

Людмила Улицкая

Из дневников и записных книжек

Excerpts from Diaries and Notebooks

Коголето, 30 июня 2018

...Вот неделю я не вставая из-за компьютера составляю этот единый текст – дневники на сорок лет жизни. Сокращаю, и уже нахожусь в 1991 году. Поначалу я тексты монтировала, и в этом процессе как раз и есть смысл – видишь, что происходило и вообще – как происходит жизнь, какой грандиозное, космическое разворачивание происходит. И какое при этом растворение, потеря границы между собой и другими людьми, которых любишь, не любишь, страдаешь с ними и ими, и как эта “я” меняется и наполняется необъятным миром. В этом и есть нечто космическое – модель разворачивания. Господи Боже! Какое счастье, что и на это рассмотрение жизни, в таком ее аспекте, хватило времени. При моей последних лет усталости от жизни, исчерпанности и тайного вопроса “когда это кончится, мне немного надоело, я готова уже”, какое счастье, что дан этот кусок на монтаж. Совершенно раздвоенное существование – продолжаю спускаться с горы, плавать, писать письма, читать старое и даже новое, совершать глупости, тащить на себе ужасную сумку и вздор, и вторым, или первым планом, идет сдача дел, подготовка к уходу.

При том сейчас играет музыка, сначала Рихтер, потом немного Мацуев – меня потянуло в сторону Бетховена, и слушаю сонаты последнее время. И это еще одна сторона завершения процесса – понимаешь, что музыка вводит в открытый космос. Уши не важны – какой-то иной механизм восприятия открывается.

Просыпаюсь рано последнее время. Иногда даю себе приказ еще поспать, иногда встаю в пять, в половине шестого. Как сегодня. Как Андрей всегда. Вчера прислал рисунок из серии ящичной, утренний – часов в семь уже прислал.

Какая счастливейшая, избранническая жизнь. Или у всех так? Нет, это такой билет. И откуда сильная тяга жить на иррациональной

этой волне – в юности с доктором Штайнером, Господи прости, всей эзотерической мутью, потемками, и барахтаться в этом, и пытаться обучиться материи жизни, и воевать с религией, пытаюсь пробиться к первоисточнику, и Андрей, который стал стержнем жизни... Сорок с лишним лет такого непрерывного общения, счастья и страдания, и, что может, самое главное – постоянного взаимного обучения. И поразительно, как каждый из нас становится умнее и лучше от присутствия другого. Вот чудо моей жизни. И его. И оба мы это знаем.

Милан-Коголето, 4 июля 2018

Гибридный человек. Говорят о том, что в ближайшие десятилетия произойдет сращивание человека и машины, или его дивайса. Ученые пытаются спроектировать чипы, активизирующие память, создать своего рода hard disk. Еще 50 лет тому назад биологи полагали, что человек использует возможности мозга всего на несколько процентов. Сегодня вопрос уже так не стоит. Кто там будет считать проценты, когда есть возможность сделать расширение. Вот! Завтра!

Со мной произошло событие, которое показало, что будущее уже в прошлом, гибрид человека и машины уже существует, и лично я, человек мало продвинутый в комп. науках, оказалась вовлеченной в острый опыт.

Очарование этой истории с утерей компа состоит еще и в том, что я работала со своими дневниками более чем за сорок лет жизни, почти непрерывная запись событий личных, общественных, запись жизни, включающей и жизнеописания многих людей – от близких до случайно мелькнувших на горизонтах. У этого файла было рабочее название “Третья попытка” – первая версия непосредственной жизни, вторая – дневниковые записи, которые представляют собой отбор своего рода, и третья – эта самая попытка уже в третий раз пройти по этому пути. Дело в том, что я поражена духовным рационализмом, потому что с ранних лет убеждена, что жизнь, среди всего прочего, еще и школа, в которой каждый получает задачки и задания, и в этом обучении заложена мысль. Мы все ученики, учимся хорошо, плохо или отлично, но плохим приходится иногда несколько раз выполнять задания, пока не поймут смысл задачи. И вот, в тот самый момент, когда я влезла по уши в

эту работу, у меня украли комп, и первая мысль, конечно – вот катастрофа! Вторая – тише, никто не умер. (Тут пришло известие, что умер Влад. Ан. Успенский!)

Исчезли мысли записанные. И в конце концов, можно сделать и четвертую попытку, тем более что должна быть еще и флешка с расшифровками...

4 июля 2018

Какие новые ракурсы открыла кража компьютера, какие открытия – не крупные, но разнообразные. Первое – как деформируют психику вору. Я подсознательно, но очень упорно, совершенно не отдавая себе в этом отчета, сопротивляюсь возможности кражи. Я ее как будто отрицаю тем, что не запираю дверей, не закрываю молний на сумках, отрицаю возможность, чем провоцирую ее. И постоянно соблазняю людей. <...>. И мой не застегнутый чемодан с сияющей кромкой компьютера послужил соблазном для воришки. Моя доля вины...

Теперь о переживаниях после кражи. Обнаружилось, что я уже не отдельный завершённый человек, а в каком-то смысле гибрид человека с машиной. Кражу компа я переживаю как невозполнимую утрату части себя. Кажется, что-то можно будет вынуть “из облака” – привет, Вернадский – из той верхней пленки ноосферы, которая уже имеет свое особое название. Эти печальные соображения, которые делают меня противником того процесса, который можно назвать прогрессом: реализация страшных фантазмов, и к этому еще вернуться...

16.03.17

Я в Милане. Вчера был хороший день. Вечерняя прогулка по центру, кафе в районе Брера, а сейчас в музей Шурупа! Сын изобретателя шурупа, коллекционер, оставил городу свою коллекцию. Вечером Ла Скала, Вагнер. Три с половиной часа оперы.

В самолете написала стихотворение. Даже два.

1

Мы привыкли в этому виду сверху,
Выше полета птиц и блуждания облаков.

Взгляд из брюха железного ящика в форме гроба – вовне.
Он летит, а народ внутри ест из коробок, ходит в клозет,
Тайно выпивает, спит,
А силы небесные играют, свет рождается и умирает,
А они смотрят телевизор,
И только мальчик один, шестилетний,
Прильнул к иллюминатору и смотрит сверху вниз,
А я смотрю на него, и сразу два счастья испытываю:
Как прекрасен вид и как прекрасен мальчик...
И как мудр Творец, создавший человека таким смышленным,
Что он придумал самолет.
Да здравствует авиация!
Жаль только, что вид земли сверху
интересен только шестилетним...

2.

Заснула в автобусе из Бергамо в Милан
Скоротечным смертельным сном.
Проснулась – вдоль дроги цветет здешний миндаль
И нездешняя сакура.
А я-то где? Я здесь, а сознание было где-то далеко.
Вернись! – взмолилась я.
Оно вернулось.
Может, зря?

Завтра в Коголето. От мобильного телефона я стараюсь отказаться – свести его до минимума, чтоб не было в нем почты и других опций, необходимых для деловых людей. Постепенно вовлекаешься – под давлением окружающих – в мир, в котором тебя требуют к общению, ненужным разговорам и совершенно пустым сообщениям. Всякие размышления – смешные – про рифму – и важные – про сценарий. Вчера посмотрела концовку фильма *Касабланка*. Сегодня все должно быть грубее и определеннее, и с тем двойным зрением, которое дает изменившееся время. Пафос отменен.

Только что вернулась из музея, который не Шуруп, а на самом деле Втулка. Отец владельца всех этих картин изобрел втулку. Дико разбогател. Звали его Боски ди Стефано, и у него была жена скульпторша, которая, общаясь с великими художниками своего времени (XX век, лучшие итальянцы!), приобрела определенное каче-

ство. Дом построен знаменитым архитектором, это бывшая жилая квартира, в которой все на пределе художественных возможностей времени – мебель по заказам лучших художников, из лучших пород дерева, светильники, сделанные в Мурано по эскизам, причем они нисколько не напоминают мурановский ширпотреб, безумно элегантны. И там изумительные работы муссолиниевского периода, со всеми чертами времени, и сороковые-семидесятые. И в который раз: итальянцы – нация художников. Великая “линия итальяно” во всем, от половика под дверью до ручки в сортире. Работы по стенам – ковровая развеска, смотреть довольно трудно, потому что густо очень. Главные авторы, и мне известные, и неизвестные, что говорит не об их незначительности, а о моей необразованности: Фонтана, де Кирико, Моранди, Маруссиг, Сирони (великолепен! – его как раз не знала!), Кампилли. Отдельный стенд – из раскопок, тоже из их коллекции, и тут же скульптура современников – сравнивая.

Вот о чем подумала – подруга моя ведет уже несколько лет семинары – практика внимательности. Не знаю, чему она учит на них своих учеников-бизнесменов, но я знаю, что мои записки прожитого дня, они как раз о внимательности. Не упустить мимолетного впечатления, при записи оно укрепляется. Зачем это – другой вопрос. И ответить на него трудно. Есть какая-то потребность сохранить живое впечатление, потому что ветер дует, все развеивает.

И еще: сидела на балконе, курила. Вид изумительный, геометрический. Балкон дома выходит на острие ромба, который образуют улицы, и этот острый угол восхитителен. И я попыталась вспомнить все виды из окон, куда мои квартиры выходили. И многое вспомнила. Умела бы нарисовать – нарисовала бы. Первый вид из коммуналки – в слепую стену, о которую хлопали мячом, была такая игра, надо было перепрыгнуть через отскочивший мяч. У бабули Лены – дивные липы окружали весь второй этаж, а из окна столовой была видна комната (чуть ниже) второго этажа тети Шуры Засориной, портнихи, и пол, покрытый лоскутами. Дом напротив, барачного образца, а наш флигель принадлежал хозяевам огромного доходного дома рядом... И моя первая квартира на Аэропорте – прекрасная перспектива уходящей зрительно вверх дороги, а на самом деле никакого верха, все плоско, такой оптический эффект был, а теперь еще построили огромный дом, который по ночам как

световой занавес. И потом – ужасная квартира в том же доме на первом этаже – полквартиры на проезжую часть улицы, ужасно, шумно, мутные стекла, потому что мыть бессмысленно, на второй день темнели от пыли, а моя спальня – в садик, и там знакомые деревья, и клен, выросший за время знакомства во взрослую большую балясину. Там детей фотографировала в 2-5 и в 13-16 лет. Третья съемка, двадцать лет спустя, была уже в теперешнем дворе, и с внуками.... Фотографии сохранились. До того, после развода и размена – двухкомнатная с окнами на помойку, где был пир ворон, интересно было наблюдать, как они еду делили. И потом двухкомнатная, с Ириной Ильиничной Эренбург в соседях. Наконец, теперешняя, с видом во внутренний двор, с остатками старых деревьев с тех времен, когда этот участок земли был дачей предков Лены Гагариной. И вид с фасадной стороны – вниз, на деревья, где вороны по весне гнезда вьют, а я все начало лета вижу их семейные отношения и нежный уход за детьми – до того момента, как они обучают их летать, и в этом году перед отъездом увидела, что пара строит гнездо в новом месте, в новой развилке, а старая брошена. А завтра поеду в Коголето, где вид с террасы такой, что хочется всегда держать его перед глазами...

7.6. 2017

После многолетних разнообразных поисков, огромного чтения и разного рода блужданий, я полностью оторвалась от официальных форм религии. Во времена моей молодости, душное и плоское, надо сказать, время, у меня возникла потребность какой-то вертикальной координаты. У многих тогда возникло острое чувство двумерности жизни и ее недостаточности. Сегодня, полвека спустя, могу добавить, что совершенно безразлично, с какого места человек начинает поиск. Вертикаль, как оказалось, может быть воздвигнута из любой точки. Все, кто предпринимают это движение, обычно сходятся в одном: есть Высшая Сила, которую можно назвать каким угодно словом, и природа этой силы не вмещается в человеческое сознание. Но искать ее присутствия, ее проявления в мире – свойство самого сознания.

Первое мое поисковое движение – антропософия. Здесь наставником был Сергей Леонидович Северцев, фронтовик, переводчик, знаток поэзии, получивший антропософию “по короткой передаче”, не лично от доктора Штейнера, но от людей, с ним когда-то

общавшихся. Точнее – через Максимилиана Волошина, с которым был близок его отец, художник Леонид Фейнберг. Вообще семья была одареннейшая: жена отца, великая японская переводчица Вера Маркова, родной дядя – Самуил Фейнберг, профессор московской консерватории и изумительный пианист, почти совсем забытый. Сестра Сергея – Софья Прокофьева, единственная еще живая из этого поколения. Сын Сони и Олега Прокофьева Сергей (внук и тезка композитора), несколько лет тому назад умерший, был значительным лицом в современном антропософском движении, жил и умер в Германии, в Дорнахе, в гнезде, свитом еще доктором Штайнером в 20-х годах 20-го века. Это Гетеанум...

Сергей Северцев был человеком двойной жизни: с одной стороны, вполне официальным членом союза советских писателей, с другой, тайной стороны – антропософ. Антропософов преследовали в советские времена. Все “несоветское” считалось “антисоветским”. И мне, среди прочего самиздата, который я в те годы читала, достались от него и книги Штайнера. Переводы их были ужасными, я с трудом продиралась, но они вызывали огромный интерес. Не менее года я мужественно сражалась со сложными текстами, и в конце концов, как великая драгоценность и тайна, мне был предъявлен альбом с фотографиями первого Гетеанума, в строительстве которого принимали участие и Макс Волошин, и Андрей Белый.

Вот на это самом месте “брат Каин-эстетика убил брата Авеля-этику”. Это художественное воплощение штайнеровских идей произвело на меня столь отталкивающее впечатление, что антропософию я покинула навсегда. Кстати, это были фотографии первого, вскоре после постройки сгоревшего храма антропософов. Второй, построенный позже, наверное, не вызвал бы у меня такого протеста.

Сегодня, полвека спустя, в изменившемся до неузнаваемости мире, я вижу картину моих наивных и дерзких поисков иными глазами. Сочувственно... Взаимный интерес Востока и Запада приносит совершенно новые плоды, меняется структура сознания – рациональный Запад и мистический Восток вышли друг другу навстречу, наука и религия наощупь находят новое взаимодействие, и все это очень интересно. Истина, которую все пыталось выбить человечество, как искру, вся сконцентрировалась сегодня не на результате,

а в самом движении поиска. Так, по крайней мере, мне это кажется сегодня. Люди, в целом, стали менее догматичны, более открыты к знанию. Или это мне кажется?

Но прелесть всей моей богоискательской эпопеи заключалась в том, что я сначала прочитала *Пятое Евангелие* Штайнера, а уж после него Четвероевангелие. И плавно перешла к продолжению своих поисков на христианской почве. Надо сказать, что антропософия никогда не конфликтовала с христианством. Это христиане ее проклинали и считали опасной ересью. Те антропософы, о ком я упоминаю, крестились в свой час жизни. Во всяком случае, сам патриарх, Леонид Евгеньевич, был крещен отцом Александром Менем в начале шестидесятых, кажется.

Отец Александр Мень был на расстоянии вытянутой руки. Умный, одаренный, талантливый, если не гениальный, излучающий яркий свет... И огромного человеческого обаяния. Несколько таких “излучателей” мне в жизни были показаны. И как же я благодарна судьбе, которая показала мне таких исключительных, великих и прекрасных людей.

Крестил меня отец Николай Эшлиман, выходец из Швейцарии – музыкант, художник, ставший священником. Не очень долго он просвятился, к этому времени его, вместе со священником Глебом Якуниным, за церковное диссидентство вывели за штат. О. Ал-р послал меня к Николаю домой, в Химки. Видимо, чтобы тот чувствовал, что его служение не прервалось. Других причин не вижу, и никогда этого не обсуждала с О. Александром.

Эшлиман жил в старой даче, рядом еще несколько домов таких же, как он, особых людей времени – Лина Прокофьева, первая жена композитора Прокофьева, которую в те годы все еще не выпускали на родину, семья художников Жилинских, Нина и Дмитрий... Такой загадочный остров посреди колхозных полей, и старая белая лошадь, бывшая колхозная, предназначенная на убой, была Эшлиманами выкуплена и бродила по участку. Не будет другого случая об этом вспомнить...

Я приехала туда с будущими крестными – Олей Никитиной и Павлом Менем, младшим братом о. Александра.

Николай Эшлиман был хмурым и строгим. Прежде – беседа. Веруешь ли во Христа? – спросил он меня строго. Я ответила со всей честностью: я хочу верить... Тогда он мне сказал – вот когда ты сможешь сказать “да”, я тебя крещу...

И мы пошли пить чай. Из самовара. А когда чаепитие закончилось, он сказал: идем, я тебя крещу. И крестил меня в каком-то сарайчике, который стоял возле дома.

Это был год 68-й, кажется. Или 69-й?

Церковь оказалась для меня очень трудным местом. Мое большое христианское чтение почему-то скорее мешало, чем помогало. Но очень скоро круг новых для меня людей-христиан стал расширяться, именно это и было настоящим открытием христианства. Оно не Евангелие, не сборник догм, оно только живые люди, его носители. Они были, есть, только их очень мало. Это изюм в булке. Но булку, пожалуй, можно уже и выбросить. Тогда я подружилась с Еленой Яковлевной Ведерниковой, реэмигранткой. О ней и небольшом круге вернувшихся из Франции после войны русских христиан я уже не напишу романа, а какая же это потрясающая тема!

Елена Яковлевна познакомила меня со священником из Франции, “возвращенцем” О. Андреем Сергиенко. Он жил, после долгих странствий по России и умеренных гонений – спасибо, не посадили! – в Александрове, за 101-м километром. Профессорствовал в Лавре и служил литургию в проходной комнате в своей домовый церкви. Участвовали в ней от силы десятков человек. Хор – Тася, тоже перемещенное лицо, но из Голландии, регентовала, а остальные подтягивали в меру возможностей. Так что, могу сказать, что я пела в церковном хоре в катакомбной церкви.

Это была община, сходная по духу с первохристианскими, как я их понимаю. Жизнь того времени – ненаписанные романы несуществующих авторов. Кажется, один только Володя Кормер дерзнул дать портрет этого времени, этой среды в романе *Наследство*. Наверное, это хороший роман, но (теперь знаю по себе) портретирование живых людей, превращение их в литературные персонажи – путь ужасно опасный. Должно пройти много времени, чтобы ушло это “двоение”. Мы же не знаем имени той девочки, с которой

писана Наташа Ростова. А если знаем, то расстояние во времени уже никого не сможет ранить... Словом, мои претензии к роману Кормера лежат именно в этой области. Был еще один роман все про то же, даже герои просматриваются одни и те же – Феликса Светова. Не смею высказывать суждения, потому что Феликса очень любила, по сей день дружу с его дочерью и внуками. Феликс и его жена Зоя Крахмальникова заплатили свою цену за смелость высказывания – оба были репрессированы. Вот сейчас, когда я это пишу, у меня возникло острое чувство тоски по этим дорогим покойникам – разной степени одаренности, разной степени человеческой привлекательности, но таким родным, таким любимым...

После смерти отца Андрея, когда закончилось существование нашей вполне “подпольной” общины, я стала бывать в Пушкино, у отца Александра Меня, потом был рукоположен в священники наш любимый друг Саша Борисов, и я много лет ходила к нему. Рядом с ним, в начале его служения, сосуществовали каким-то образом и пятидесятники. Я и туда заглянула. Молились они так, что сносило крышу. Никогда – ни до, ни после – я не видела такой мощной молитвы. Это действительно каждый раз совершалась Пятидесятница, и языками неведомыми говорили... Огненных языков я не видела скорее всего из-за слабого зрения. Но слышала их “глассолалию” – один стоящий позади меня простоватый человек заговорил на латыни... Словом, было это очень волнующе и захватывающе.

В русской православной церкви, которая РПЦ, по сути своей вполне антисемитской, положение еврея не простое. Есть один незыблемый закон: или ты христианин, или ты антисемит. В одном человеке это не может совмещаться. Никак и никогда. Это была одна из проблем отца Александра Меня, его присутствия в РПЦ. И смерть его, не расследованная как-то уж особенно нарочито, несомненно, на совести наемных убийц. Но наш дорогой друг, отец Алик, вошел, в чем я уверена, в сообщество святых – его мученическая кончина пришлась на день усекновения главы Иоанна Предтечи.

Многое, многое в христианстве как в религиозной концепции перестало удовлетворять. Давно прошло время, когда мне казалось, что ключом христианства открываются все замки. Не все. Далеко не все. Но универсального ключа, кажется, и нет на этом свете. Я

не могу расстаться с христианством, потому что хочу быть около этих людей, моих дорогих ушедших христиан – Андрея Александровича Сергиенко, Елены Яковлевны Ведерниковой, Александра Меня... Образ стола, за которым сидят двенадцать, и еще двенадцать тысяч или двенадцать миллионов, не знаю сколько, остается моим любимым. Там, на некоторых картинах, изображающих “Тайную вечерю”, иногда под столом изображают собачку, которая подхватывает упавшее со стола. Я всегда улыбаюсь и говорю – вот мое место.

Но это я говорю сегодня, когда и сама вошла в старость, приблизилась в каком-то смысле к тем, кто ушел раньше. С ними вместе я стояла на литургии, а с годами мне стало все труднее приходиться к этому столу. И движение мое из христианства началось, наверное, после смерти отца Александра.

В его проповеди не было запланировано возвращение от христианства к иудаизму, ни в коей мере. Но он показал, до какой степени эти два религиозные течения связаны, как христианство вытекает из иудаизма, сколько оттуда взяло и чем отличается... Но, между прочим, у меня на полке всегда хранилась сильно потрепанная Тора моего прадеда. И до сих пор лежит. И я помню, как он, завернувшись в талес, молился, а я, маленькая, из-под стола хватала его за края молитвенного покрывала...

Никакого вхождения в иудаизм у меня не произошло, но произошла книга *Даниэль Штайн, переводчик*. Она же и отразила мой личный кризис. Я больше не ищу, куда бы мне преклонить голову. Рухнуло мировоззрение, и этот кризис, это крушение, дали мне огромную степень свободы. Благодарна брату Даниэлю Руфайзену. Пока работала над книгой, извлекла простое и очень важное, в сущности, давно известное, но дошло наконец до глубины сознания: совершенно не важно, во что и как ты веруешь, важно только то, как ты живешь, какие поступки совершаешь, и какие – не совершаешь.

Сейчас я смотрю даже с некоторым восхищением на себя молодую – сколько же я всего перечитала! И отцов церкви, и эзотерическую литературу разных сортов, и религиозно-философские книги, и библеистику. Словом, все, что по-русски можно было прочитать.

Есть еще одно очень важное обстоятельство: рядом со мной мой муж Андрей, который лет десять как смотрит в сторону Востока. Его склонение в сторону буддизма, дзен-буддизма, тоже оказалось для меня важным. И это опять-таки – не о вере, а о способе жизни.

Христианство придает огромное значение молитве. Об этом я много читала, наиболее важное, наверное, у Антония Блюма. Его *Школа молитвы*. Практика эта мне несколько знакома. Настал, однако, момент, когда молитвенные тексты превратились в автоматические формулы, и они меня почти оставили. Но не оставило меня состояние радости, соединенной с благодарностью – и оно редко покидает меня последние годы. Это чувство счастья бытия, которого я совершенно не знала в молодости, пришло к старости. С улыбкой я перечитываю сегодня свои тексты, написанные сорок лет тому назад, улыбаюсь, глядя на списки книг, которые я прочитала в поиске веры. Оказалось, что всего этого, может, и не надо было с таким трудом “прорабатывать”. Но не поручусь, что глубокое чувство благодарности, в котором я живу последние годы, не возникло бы, если бы не та “муштра христианства”, через которую я проходила столько лет.

Благодарность моя ко всем тем, в чьем кругу прошла моя молодость, взрослость и старость, к тем, кто сейчас рядом, к детям и внукам, к хорошей погоде и к дождю, к двум оливам и лимону, которые у меня сейчас перед глазами, к линии горизонта и дивному узору из перекрещивающихся молочных полос, оставляющих след в ясном итальянском небе.

22 февраля 2018

Вчера был самый лучший день рождения в моей жизни. Я помню один из самых ранних, видимо, мне исполнялось восемь лет, год 51-й, вероятно. Точно! Мы жили в коммуналке на Каляевской, и ко мне пришли в гости мальчишки: Саша Хелемский и его одноклассники Володя Быковский, сын вдовы какого-то военачальника Веры Георгиевны, из начальственного дома на ул. Горького, и, кажется, Игорь Рыбак, сын расстрелянного НКВДшника Бериевского круга, который потом обратился в иудаизм и возмущался Даниэлем Штайном. И мы как-то мое семи- или восьмилетие праздновали, не помню деталей, надо у Хелемского спросить, он все помнит. А

когда праздник закончился, решено было пойти погулять во двор, и моя мама – ПРИ ВСЕХ! – задрала мне юбку, спросила, теплые ли на мне штаны и велела надеть рейтузы. Это был страшный позор. Один из самых больших позоров в жизни... Все увидели мои синие трико. Кажется, с тех пор некоторые оттенки синего и голубого и по сей день кажутся непристойными...

Решено было собрать гостей в кафе МАРТ, в здании музея современного искусства Церетели, где во дворе стоят огромные устрашающие скульптуры Церетели старшего, а руководит музеем сын или внук его Василий. В какой плотный узел все завязано, вчера литейщики Церетели сдали Андрею три отливки его лучшей скульптуры последнего времени, *Инвалида*, для завтрашней выставки. А литейщики у Церетели самые в Москве лучшие, и вообще из Грузии ребята...

Сначала было туговато, медленно собирались, а потом все оживилось и покатило очень весело и содержательно. Я читала стихи (*Подруги* и еще одно) с большим успехом, говорила-говорила всякие слова, потом говорили и другие, дело конечно не в программе, а в той необычайно сладостной атмосфере всеобщей взаимной любви. И это все чувствовали, и все говорили, что это был необычайно теплый и веселый праздник.

Осталось огромное количество еды, которую сложили в коробки и отправили в хоспис к Нюте. Еда была, говорят, вкусная, но я только хачапури попробовала. Я была совершенно счастлива. Утром открыла холодильник – там пустота. Думаю, вот дура, одну-то коробочку могла бы и домой привезти!

Весь день отвечала на поздравления. Поехала на круглый стол к Фанайловой по поводу детских сочинений. Надо послушать эфир, как это звучало.

Да, еще множество, бессчетное множество подарков... книг на целый книжный шкаф. Алшыбая подарил журнал *Полярная звезда* за 1825 год! Крохотная книжечка в четверть. Первая публикация *Цыган* Пушкина. Драгоценный подарок! И драгоценное наследство.

А сейчас позвонила Ксения Собчак и доложила, что Собянин дал разрешение на установку памятной доски на доме Немцова. Это можно было бы назвать победой, если бы не было все так стыдно.

12 мая 2017

Прошла первая неделя в Коголето. Дописала пьесу, вчера отправила. Теперь жду отзвука.

Таня встретила меня целой грудой подарков – даже гравюра Рембранта, привезенная ими из Амстердама и на месте свежееотпечатанная. Я в том домике тоже была когда-то. На следующий день приехала В. и засыпала меня подарками. Два дня подряд – от Тани и от В. – как из рога изобилия. Это дико трогательно – красивые камешки, восточные сладости, индийский шарфик со слонами. За этими подарками стоит овеществленная душевная щедрость, они лишь свидетельство чего-то большего.

Присутствие ее довольно трудно – при всей моей глубочайшей симпатии, интересе и даже нежности. Очень интенсивно. Я устала. А у нее силы фантастические, она не выключается...

Вот что мне пришло в голову. Это род юродства. Прекрасного юродства, которое я изучала, когда писала *Семеро святых*. Это полное нежелание и неспособность выполнять общепринятые правила, даже замечание их, жизнь по собственному канону, нацеленность на выполнение свыше поставленной задачи и собственной миссии. В. и мне сказала, что я выполняю миссию. Совестно это слышать. Хотя я давным-давно знаю, что у каждого человека есть задание (я и слова поскромнее выбираю), и он его выполняет вне зависимости от того, понимает он это сам или не понимает. Но когда понимает, то дело идет лучше – осознанно. Тогда и я готова считать, что я “служащий”. Хотя мне так хотелось в последние годы ощутить именно свободу, а не подчиненность идее, даже самой распрекрасной. А В. не стесняется...

Есть несколько ее установок и рекомендаций, которые стоило бы принять. Главное – о любви к себе. Во мне так глубоко въелось ощущение, что, во-первых, нечего себя любить, это эгоизм и вредное качество, во-вторых – я действительно себе не нравлюсь, с детства не нравилась. Речь на самом деле идет о принятии себя, внут-

ренней бесконфликтности – на эзотерическом уровне это скорее благодарная любовь к своему организму. Откуда следует и любовь к своему желудку, печени и прочим органам. В глубине – благодарность Творцу за мудрость нашего устройства, но и персональные отношения тебя и твоей печенки и проч. Это та система, в которой сейчас живет Андрей и от которой я отталкиваюсь. (Но я-то восторг перед мудростью мироустройства ощутила очень рано, при первом взгляде в микроскоп. А потом увидела, что и весь мир фантастически мудро и прекрасно устроен).

Ломать я себя не буду, но постараюсь это усвоить хотя бы на теоретическом уровне. Есть одно качество иудейско-христианской культуры, которое порождает тяжелые последствия: чувство вины.

17 июля 2017

...Безобразная московская и российская жизнь все же притягивает, если долго отсутствуешь. Прошла нелепая история с Серебренниковым, масса каких-то несурзных политических событий, и с большого расстояния они кажутся еще более нелепыми, чем на месте. Мои дела полностью остановились – пишу плохие и важные для меня стихи. Это строго говоря, не стихи никакие, но такая концентрированная форма высказывания, слегка скрепленная слогами, буквочками, полурифмами, которая заставляет выразиться экономно и плотно. Забросила юбилейную пьесу, потому что нарвалась на собственную недодуманность общего сюжета. Так зачем героиня актриса? По ошибке? Разочарована? Тогда вся жизнь коту под хвост, а это никому не нужно, и мне в первую очередь... И не пишу доклад, который так ловко задумала – от крепостных художников до обериутов... Вся моя работа последнего времени каким-то печальным образом связана с вырезанием картонных карточек как единственной формы деятельности. Вспоминаю прадеда Гинзбурга и покойного Н.П., который каждое утро открывал ящики письменного стола и перекладывал бумажки. Лет до 95!

26 апр. 17

...Прилетели в М-ву с аэродрома Орли, во Внуково. По дороге я написала выступление для конкурса. Не зря я перед отъездом старательно убираю дом, вошла – и чувство счастья. Я, как выяснилось, вовсе не забыла свои противоаллергические мази, они лежали у меня в другом кошельке, и приехала я, вся осыпанная паршой.

Начала сразу мазать руки, но нужна как минимум неделя, чтобы привести все в порядок.

Утром сегодня пошла на конкурс. Меня встретили мальчики мемориальские, чтобы меня защитить от НОТовцев. Среди мальчиков милый Алеша мемориальский, Лева Рубинштейн, Дима-педагог из Мумми-троля, забыла фамилию, словом, чудесная компания. Но никто на мою честь не покушался, НОТовцы стояли в отдалении, что-то выкрикивали, но я и не расслышала, и имели вполне жалкий вид. Школьники прекрасные, трогательные, девочек вдвое больше, чем мальчиков, одеты все нарядно, с большим старанием. До слез. Очень хорошие работы. Я прочитала десятка полтора из 2 тысяч. Готова там сидеть в жюри до смерти, если будут звать. Рядом с этими людьми и детьми постоять – высокая честь. Ира Щербакова – герой настоящий. Самый трогательный момент, как дети, написавшие сочинение про поезд, идущий в Ленинград, спели деревенскую частушку с такой подлинностью интонации и с такой музыкальностью, что я чуть не заплакала...

28 июля 2017

Московская жизнь, в которой за день проходит целая картина, практически от рождения до смерти. Сегодня годовщина смерти Димы Шаховского. Пролетел год. Год назад я летела срочно на похороны, которые задержались дня на два. Похоронили в полном соответствии с присказкой Димки: опоздать никуда нельзя...

Мы с Андреем выехали тем не менее заранее в Бутово, где назначена была панихида. Долго не могли встретиться с Колей Наседкиным, который что-то перепутал со стороной света, номером автобуса или выходом. Взяли такси и доехали до Бутова. Церковь была открыта, но никакой службы в ней не собирались служить, потому что о. Коледа уехал на Соловки. Служба шла в церкви рядом, не Димкой построенной, а прежде, по архитектуре судя – русский модерн, вроде той, что в Сокольниках. Все это – территория бывшего полигона, где расстреляли больше 20 тыс. человек за несколько дней в 37 году. Димка долго искал место, где был расстрелян его отец, священник Михаил Шик, пока наконец не нашел эти документы в ГБ. История каноническая – арестовали отца в 37-м, дали десять лет без права переписки и расстреляли уже на следующий день. Как выяснилось много лет спустя. По прошествии де-

сяти лет, когда уже было более или менее ясно, что его никогда уже не увидят, стали искать его следы. Только в 94-м (проверить!) выяснили, что место расстрела – полигон Бутово под Москвой. Тогда же и поставил Шаховской первый памятный крест.

Я помню день, когда этот крест освящали. Сейчас там расстрельные рвы приподняты, ухожены, такие длинные общие могилы, построен, еще не вполне, достойный мемориал, с табличками, именами расстрелянных по дням, ухоженные поляны, яблоневый старый сад вычищенный и благообразный, а тогда там была мерзость запустения: ямы, буераки, мусор, и стояла небольшая толпа людей, состоящая из местных жителей, дачников из поселка НКВД, потомков тех, кто расстреливал. И когда мы, приехавшие из города, шли среди них, пошел шепоток: жертвы, жертвы приехали... Не помню, кто служил тогда службу – патриарх Кирилл, кажется. Или предыдущий... А, может, митрополит Филарет? Ваня Шаховской наверняка помнит. Но тогда эти золоторизцы выглядели не оскорбительно, как сейчас, а очень уместно: отпевали своих коллег, там больше тысячи священников было расстреляно, вместе с отцом Михаилом Шиком.

Князь наш полу-еврей, ему не очень это нравилось. Еврейства никакого он в себе не чувствовал, скорее, отталкивался, хотя в окружении было много, и близких друзей тоже... Дети отца Михаила после ареста и после смерти Диминой матери поделились на старших – Шиков, и младших, которых усыновила тетка по матери, тоже, естественно, княжна, и младшие взяли фамилию матери. Пятеро всего их было, Дима среди младших. Сейчас умерли все дети о. Михаила, кроме старшего Сергея, который был на Карадаге начальником биостанции, что-то в этом роде... Ему уже за 90.

Спустя несколько лет после установки креста Дима построил на полигоне деревянную церковь – Новомучеников Российских. Нарисовал сам, сруб привезли откуда-то с севера.

И строили ее плотники из Карелии. Но и сам Дима, и Володя Кузнецов руками там поработали. Топором. Церковь маленькая, Володька Кузнецов там деревянный купол делал по северному образцу, и пол настилал. Теперь Володя постарел, съежился, совсем маленький сделался, но все такой же ершистый. Димку очень любил.

Все Димку любили. Самые разные люди. Кто не любил, тот уважал, но вообще-то он был среди своего круга патриархом, советчиком и безусловным моральным авторитетом. Бриллиант такой огранки, что каждый находил в нем такую грань, с которой мог совпасть. И мастеровой, и интеллигент, и аристократ, и крестьянин. Впрочем, к интеллигентам Димочка относится настороженно. Его христианство было домашнее, совершенно ненатурное, как у всех нас, новообращенных 60-х годов.

Собрались около деревянного храма человек двадцать, в ожидании панихиды. Но все, кто был, за самым малым исключением мне незнакомых людей – давние любимые друзья. Все постаревшие, все попрекрасневшие от старости.

На службу в большой храм мы не пошли, стали ожидать литии в деревянном. Отслужили наскоро. Потом наскоро чьи-то крестины, а потом была панихида по полному чину возле Димкиного креста, на поляне.

Стояло нас у креста человек 25-30, поляну эту окружали старые деревья, свидетели массового убийства. Зелень такая густая и свежая. Это лето в Москве холодное и дождливое, а вчерашний день был чуть ли не первым жарким за последние месяцы. В Италии все давно сгорело и пожухло. Глаз в Италии по зеленому тоскует.

Служба знакомая, до печенок, и в такие минуты я чувствую, что христианство меня не отпускает. Часть души там. Может, лучшая. Да, в конце концов, не все ли равно, как меня назовут в некрологе. Я же выбрала быть никем, той собакой, что под столом, в ногах учеников крошки подъедает... Это мой любимый мотив последних лет. Но в этот день, в этот час иной мир был едва ли не реальнее здешней зелени. Висело над нами облако, в котором и тени расстрелянных здесь, и Димочка, и строители храма, и даже мы, преобразенные, и все, что нами было нарисовано, написано, пережито... Все наши любви и терзания, приобретшие смысла в после-смертии... Но слов для описания этого ощущения нет в нашем бедном языке.

Закончилась служба, поехали в Новогиреево. Дом Фаворского. “Красный дом”. Вокруг была военная часть, до сих пор, кажется,

еще существующая, деревянные домики. Деревня. Потом стал трамвай из Москвы ходить. Сейчас – десятиэтажки, метро близко. Когда-то в этом трехэтажном доме были мастерские четырех художников – Фаворского, Ефимова, Голицына и еще кого-то, кого даже Андрей не застал. Четыре мастерских, четыре квартиры. Двор, каких теперь нет. Сохранился... Сад с настоящими яблонями, которые в этом году отдыхают. Сарай. Мастерские. В одной Андрей чуть голову себе не сломал, летя с приставной лестницы вниз головой с пятиметровой высоты. Благовещенский его поймал. Собаки, которые сменились на моей памяти раз пять. Сейчас милейшая коричневая толсто-плюшевая полу-породистая тварь и всегдашняя волчатого цвета дворняга. Кошки. На этот раз вышла роскошная черная, других видно не было. Дети были только взрослые, и то немного. Младшие в деревне. Фаворский был женат на художнице из семьи Дервиз. Там в анамнезе и Серов, и нобелеат Львов, и много всяких звучных фамилий... Под конец застолья приехала семья Машиного двоюродного брата архитектора Гр. Дервиза. Красивые породистые люди. Внуки постепенно теряют эту высокую породу.

Димка в этом доме примак. Вошел, женившись, и никто не представлял себе, что станет когда-нибудь патриархом этого дома.

Во дворе накрыт стол. Вдоль стены дома. Людей на этот раз меньше, чем ожидалось. Некоторая кухонная суета, бабы режут овощи, хлеб, для окрошки огурцы, картошку, колбасу. Деревенская еда, столь любимая и привычная в этом доме. Это следы того опрощения, которое ввел, кажется, интеллигент Шик, когда из евреев стал православным священником с приходом в Малоярославце. Даже несколько подчеркнутая простота.

Дима, Димка – хотя прозвище его было Князь, не хотел быть ни князем, ни евреем. Особенно евреем. Отсюда и любовь к топору, которым они с Андреем орудовали мастерски, умение и бревно обтесать, и дом сложить, и забор починить. И костер разложить, и печь сложить, и многое такое привлекательное для девочки, у которой дома крахмальная скатерть и столовый прибор, как положено. А у них – такой вызывающий, привлекательный минимализм – хлеб на деревянной доске, лук на четыре части разрезанный, бутылка вечной водки... Я-то и сама этому очарованию мастерского

очень подвластна. Здесь еще неизвестно, кто в этом качестве был посильнее – Андрей или Димка. Но они никогда в жизни не соревновались. Бабы липли, думаю, к обоим, но Димка лучше отбивался. Все время внедряются воспоминания, которые не отогнать. Вот они трое – Димка, Андрей и Володя Кормер появляются в каком-нибудь дружеском художническом доме – пьяные красавицы-супермены – и все бабы умирают от счастья, от веселья, от возбуждения. Остальные мужики могут спокойно уходить – все шестерки по сравнению с этими валетами. Кормер умер до пятидесяти, Дима год назад, остался один Андрей, в котором уже почти невозможно увидеть того роскошного пьяницу и гуляку. Да его уже и нет, давно переработалась вся эта яркая энергия в дело.

За столом Ленка Мунц – может, самая близкая Димке подруга, ученица. Талант у нее не меньше Димкиного. Димка под конец жизни совершенно расстался и с творческими амбициями, и со своей ролью патриарха. Мы были на последнем его дне рождения – он был безразличен и с трудом возвращался к гостям из дальней дали... Ваня тихо вызревал в его тени, а когда Дима стал туманиться, оказалось, что уже стоит Ванька, который стал таким же джигитом, каким был когда-то Димка. И в застолье Ваня открыл тетрадочку и прочитал рассказ Димы о поездке в 79 году в Таджикистан, где он пытался найти следы пребывания своего отца, сосланного в эту тьмутаракань году в 26-27-м. Мать Димкина приезжала к отцу, там его и зачали. Рассказ беллетризированный, не от первого лица. Замечательный – простой и прекрасно сделанный. Так прекрасно, что сделанность не замечаешь. Дороги азиатские, пыль, запахи, сумерки, старики непостижимые... Ваня его только что прислал Андрею.

© Ludmila Ulitskaya, all rights reserved. Published by arrangement with ELKOST International literary agency, Barcelona, Spain.

Михаил Шишкин

Из личной переписки и автобиографической прозы

Excerpts from Private Letters and Autobiographical Prose

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ПИСАТЕЛЕМ СЕРГЕЕМ СОЛОВЬЕВЫМ

*Сергей Соловьев – Михаилу Шишкину
16 февраля 2014*

Я помню, Миша, как однажды в безвременье между Старым и Новым я приехал к тебе в тихую деревушку, где ты поселился, назвав ее своей «ясной полянкой», и каждый день мы выбирали, куда пойдём: направо – в Швейцарию, или налево – во Францию, потому что деревушка эта находилась ровно на границе, но никаких примет этой границы не было. И вот мы ходили по горам, то разговаривая, то молча, то останавливаясь у неожиданно встречавшихся на пути лам, глядевших на нас, как венеры в мехах. Кстати, знаешь ли ты, что антропологи обнаружили у Милосской неправильный прикус? Вот тебе и «плохая физика, но какая гармония!». А потом возвращались, стряпали, читали (ты уходил на мансарду), а к вечеру садились у камина, открывали бутылку хорошего вина, расставляли шахматы, и разговор шел своею дорогой – мимо шахмат и огня, а порой казалось, и мимо нас – сам себе человек. Вот и сейчас, Миша, давай расставим шахматы и посмотрим, в какое «никуда» он пойдет. А для первого хода – такая картинка.

Смотрел я вчера на Ютубе двухчасовую речь Натальи Исаевой о речевых энергиях в шиваистской картине мира, об отсветах Кьеркегора и Хайдеггера, о театре Васильева. Об окольной, эллипсоидной речи как божественной Вахане, способной приблизить нас к неизменному, настоящему, попросту говоря – к озарению жизнью.

Смотрел, а в глазах всплывала земля Семи сестер (это в Ассаме, юго-восток Индии), куда не очень-то ездят из-за несмолкающих войн между тамошними племенами. И вот в глухую деревушку ря-

дом с одним заповедником у Брахмапутры, где я пару недель жил вылазками в джунгли, приехал передвижной театр – вроде индийского «Глобуса». Место для представления выбрали на краю деревни, у самой границы с джунглями, построили шатер, сцену, зрители шли со своими стульями, или садились просто на траву. Моими соседями в ряду были егеря в камуфляже и с шарфами, повязанными на голове на манер платков, они смотрели, опираясь на свои полутораметровые допотопные ружья времен британской колонизации. Время от времени у них включалась рация и они переговаривались с патрулем, ушедшем в джунгли или с диспетчером (двумя днями ранее я ходил в ночную с таким патрулем: когда наутро мы возвращались, по рации сообщили, что соседний с нами патруль расстрелян браконьерами в упор из автоматов. Кончив, они допилили рог у полуживого носорога и исчезли). Спектакль длился часов 5-6. На местном наречье. Смотрели всей деревней. С едой, детьми, собаками, коровами и пр. А за спиной – но еще далеко – горели джунгли. И огонь стремительно приближался, опережая дым, подымая зарево в полнеба. И этот, погруженный во тьму, зрительский островок находился как раз между двух этих освещенных сцен: актерами перед лицом и горящей природой за спиной. И голоса актеров смешивались с голосами слонов, носорогов, оленей, теснимых огнем к деревне, к людскому театру. А в ладони моей – ладонь женщины, силуэт которой во тьме. И во тьме ее живота – наш ребенок, зачатый в джунглях, в опустевшей пещерке отшельника, отошедшего уже к другой речи. И вот я думаю, эта неясная полянка между мирами – там, в земле Семи Сестер, на чужом наречье, с этой ладонью в руке и заревом за спиной – и есть я, дом, род, родина, здесь и сейчас. Ведь родина – не земля под ногами, не могилы предков, и даже не язык, а блуждающее окно, которое вдруг совпадает с тобой и распахивается внутрь тебя. И произойти это может в любое мгновение и где угодно. И так же безотчетно покинуть – до следующей встречи, непредсказуемой и иной. И этим окном может стать вечер, ладонь, зарево за спиной... Душе ведь закон не писан, и родина ее не здесь. А как ты это чувствуешь? Наверное, по-другому? Ведь при всей нашей чуткости друг другу, есть и естественная разность: здесь, например, как между странничеством и уединенностью.

И еще. Вот Кафка говорит: «Есть цель, и нет никакого пути. Путь это наши сомненья». Как ты думаешь, о какой цели тут речь?

Михаил Шишкин – Сергею Соловьеву
22 февраля 2014

Сереза, дорогой, несколько дней ничего не мог ни писать, ни думать. Война. Вот так просто. Ни где-то когда-то, а здесь и сейчас. Чертов интернет открывает заслонку, которая всегда была между чьей-то далекой смертью и тобой. Никакой далекой смерти в мире больше нет. Все в прямом эфире. Убивают в моей комнате. В той самой, в которой мы играли в шахматы.

Вот так просто война. Причем, самая подлая, звериная, утробная, среди своих. Почему так всегда: то, что начинается «За вашу и нашу свободу» превращается снова и снова в кровавое месиво. Но там, где месиво, там нет и не может быть свободы, ни нашей, ни вашей, ничьей.

Твой мейл прилетел в воскресенье, а на следующий день там началось. Никак не мог взяться написать тебе в ответ – как писать какие-то слова, если на твоих глазах убивают? Когда выкладывают рядком трупы, музы молчат в тряпочку. Только сейчас понял, что имеется в виду – молчать в тряпочку. Это вот те женщины, которые стоят над мертвецами, только что еще живыми, плачут в платочки, какими-то тряпицами закрывают рот. И всегда так закрывали.

И поражает скорость озверения. Вот читал бесконечные мемуары о той русской смуте, и не укладывалось в голове, как можно дойти до того, чтобы своим же (с немцами-то братались) вот так кол в задний проход вставлять и фотографироваться при этом. Один раз ту фотку увидел и ношу ее в себе всю жизнь. Там кого-то голого за руку и ногу привязали к перекладине ворот, и он стоял, уже мертвый наверно, опираясь на одну ногу и на палку, продетую сквозь него. И пытаешься себе объяснить – тогда к этому шли с разгоном в четыре года мировой войны. А тут вдруг показывают, как на морозе одни бьют другого – совершенно голого. И без особого разгона. Озверение с низкого старта.

И особая подлость, что все это – трупы, призывы стоять насмерть, горящий город, горящие БТРы, горящие люди – на фоне каких-то медалек, каких-то керлингов, фристайлов, хафпайпов, акселей.

Этим подонкам все-таки удалось сравить два народа. Мне всегда казалось, что мы одно целое. Вот у моей мамы в паспорте стояла национальность «Украинка». Что тут делить? Как делить на своих и чужих? И все-таки даже эта, казалось бы, невозможная подлость им удалась.

А теперь вот смотрел на людей на Майдане и сделалось совершенно очевидно: да, мы разные, два совершенно разных народа. Тот народ не поставить на колени. А нас – только свистни. Как так получилось?

Зависть и стыд. Что еще? Да ничего – зависть, что они могут подняться и выстоять, и стыд за то, что мы ничего этого не можем.

Майдан победил, ну, хотя бы сейчас, потому что там были люди, вооруженные ножками от стола со вбитыми и заточенными гвоздями. Жлобы у власти понимают только такой язык. Вот эта дубина с гвоздями была им понятна. Там, на Майдане победила не «читающая публика», а те, кто могут такую дубину своими руками сделать и способны ею размозжить голову человеку. У нас в России протестует «читающая публика». Мы можем выйти, нацепить белые ленточки и подставить свои затылки под дубинки, но самим убивать мы не готовы. Вот в этом вся разница.

«Демократический» украинский протест, как перчатку, надела рука национального движения и сжалась в такой кулак, что власти обосрались. То, что творится на Украине, как ни крути, это национальное движение, захватившее всех, сверху до низу, поэтому там с одной стороны горящих баррикад весь народ, а с другой – прорусское проворовавшееся начальство со своим и привозным из России спецназом, да привезенные из полурусских областей титушки, то есть, русские парни попроще. А в протестном движении в России виртуальные баррикады, которые никогда не загорятся, возведены между образованной публикой и миллионами наших собственных титушек. В демократической Москве некому строить баррикады, некому делать из ножки стола булаву. Это наши отечественные ти-

тушки могут, а мы – нет. Это они готовы разможить дубиной наши головы, а мы их – нет.

Мы – не сила. Нам проще поставить голову, чем самим ударить.

В этом, кстати, наше единственное преимущество. Это, пожалуй, единственное, за что не стыдно.

Вот сегодня показывали, как люди собрались у здания суда и из толпы по одному выхватывали людей и арестовывали. А наши девочки в это время по айпаду смотрели про Африку. Там стадо антилоп переплывало реку, а крокодилы их по одной завинчивали под воду. И так тысячи африканских лет.

Сереза, прости, у меня про Кафку что-то сейчас не очень получилось.

Пишу это глубокой ночью. Комп вот-вот разрядится.

Рядом моя любимая. Наш ребенок. Посапывает. Самый чудесный звук на свете.

Счастье.

DER SCHRIFTSTELLER MUSS

Мне восемнадцать. У меня две мечты: объездить весь мир и стать писателем.

Инициация в мир взрослых – понимание, что ничего не будет, ни мира, ни книг. Никуда не выпустят, ничего не напечатают.

Грязный хвост бесконечной московской зимы. Давно уже март, а все еще хоть доставай чернила и плачь. В черноснежной жиже больше соли чем солнца. Машины и троллейбусы заляпаны по самые крыши.

Сегодня вторник, еду к Шульману, мы занимаемся немецким. От Октябрьской по Ленинскому на 4-м троллейбусе.

Кто мы – мэтр и начинающий писатель? Чуткий учитель и пытливый ученик? Но учитель-то – я, объясняю грамматику, поправляю произношение.

Да и мэтр из Шульмана не очень настоящий. Писатель без книг, без публикаций ни здесь, ни там.

Пишет в стол, потом едет в бассейн «Москва».

Летом у него на даче в Валентиновке я нашел на этажерке залежи старых журналов, стал копаться и обнаружил его рассказы, опубликованные в самых престижных советских «толстяках». Прикинул – Шульману было 25. Блестящее начало карьеры советского писателя. Литературный институт – потом катапультой. Сколько начинающих авторов мечтали о таком дебюте. Стена пробита, город взят. Теперь пиши не хочу, вступай в союз писателей, ездь в дома творчества, подписывай книги на встречах с читателями. Жизнь удалась.

Но состоялись бы тогда наши уроки немецкого, встречи учителя с учеником?

Научить чему-то можно только став собой, просто прожив свою жизнь.

Шульман вошел в литературу под чужим именем. По советской традиции он отказался от еврейской фамилии ради звучащего почти по-русски псевдонима Э. Шухмин. Такими были правила игры. Хочешь печататься в стране дружбы народов – спрячь свое еврейство поглубже. Так поступали многие. Это настоятельно посоветовал молодому Эдуарду Шульману его учитель, один советский писатель, мол, псевдоним поможет публиковаться. Помог.

Потом Шульман совершил, наверно, главный поступок жизни. Он вернул своим текстам настоящее имя и стал писать в стол. Для советского писателя – это то самое «идеальное убийство». Больше Шульман нигде ничего не публиковал.

Он стал писать без оглядки на то, что сегодня позволено, а что нет. Закрыв для себя путь в советскую печать – и освободился. Стал не советским писателем, а просто писателем.

Провозглашенное еврейство имело мало общего с Маккавеями, кошером, «в следующем году в Иерусалиме». Еврейство Шульмана – совершенно нерелигиозное. От поколений предков не осталось ни традиций, ни атрибутов, ни языка. Мне кажется, его еврейское самоощущение – совершенно российское, попытка отстраниться от советской нежизни, найти себя другого, настоящего, живого. Заявление о том, что он Шульман, а не Шухмин – это заявление о выходе из советской литературы и о вступлении в литературу. Это не об иудаизме, это совсем о другом.

Мосты назад, в официальную литературу сожжены давно и бесповоротно. Появление Шульмана в моей жизни окончательно поставило представление об устройстве Вселенной с головы на ноги: настоящий писатель вовсе не тот, у кого выходят книги.

Он дал определение себе – Еврей Иваныч. И так же он назовет потом свою первую, вышедшую уже в новые времена, книгу – «Еврей Иваныч». Мое «Общество имени Карамзина» пригласит Шульмана в Швейцарию, я устрою ему выступления в университетах Цюриха и Базеля. Деньги на первую книгу Шульмана соберу у моих знакомых. Но это все будет через два десятилетия, в непредсказуемом фантастическом будущем. А сейчас троллейбус тормозит, остановка «Универмаг Москва», двери с лязгом распахиваются в март 79-го.

Дом бо корпус 2. Вход со двора. Подъезд какой-то не наш – без запахов мочи и испражнений, даже без духа кошек.

Предполагаю, что квартира в советском престижном гетто досталась Эдуарду Ароновичу Шульману от отца – Аркадия Шульмана, режиссера-документалиста.

В страшные времена Арон стал Аркадием. И сын мог быть Аркадьевичем, но сделал отцу, и всем кругом, и самому себе вызов – стал Ароновичем.

Лифт за железной сеткой с деревянными створками, вальяжный, неспешный. 5-й этаж. Квартира 175. Звоню.

Открывает Ирина Яковлевна. На щеке большая некрасивая родинка. Стрижка, как у восьмиклассницы. Бурый балахон, ее любимая одежда.

Всплеснув крыльями, будто руками:

– Михал Палыч, не пушу вас к этому чудовищу, пока не накормлю!

Идем на кухню. Обязательные гречка и котлеты.

Они поженились совсем молодыми, в студенчестве. Предполагаю, что он «взял» ее писательским талантом, вряд ли Шульман отличался в юности особой мужской красотой. Ее вера в мужа быстро нашла себе подтверждение – обычно заслуженное признание к писателям приходит поздно, если вообще приходит, а тут публикации и ранний успех. Представляю себе, как она радовалась свежей книжке «Знамени» с его первыми рассказами. А потом она полностью и безоговорочно поддержала Шульмана, когда он принял решение уйти, стать добровольным изгоем, писать без постоянной оглядки на то, что разрешено, а что нет.

Она взяла на себя все заботы о быте, доме, заработках, перепечатывала его рукописи. Шульман пишет от руки, и почерк его абсолютно нечитабельный ни для кого, даже, кажется, для него самого.

Чтобы не числиться тунеядцем, Шульман вступил в профком сценаристов для научно-популярного кино – это дало ему спасительную бумажку. Сценарии за него пишет Ирина Яковлевна.

Только благодаря ей он смог написать все свои книги. Без нее не появился бы на свет мой любимый «Полежаев и Бибииков».

Гречка с котлетами отправлена в Лету.

– Ну вот, теперь можете идти, классик ждет.

Мимоходом мелькает в дверях Илья, alias Хрюша, он же Тюттик. Сдобный отрок. Кричит в глубь квартиры, продолжая, вернее, заканчивая разговор с отцом:

– Папа, роман сожгу!

Ему кажется это смешным.

И вот только теперь является Шульман.

На темени растет под тонкой кожей шарик от пинг-понга. Рак?

Фуфайка. Треники.

Перед ковром останавливается, выступает из шлепанцев. Идет дальше по ковру в носках.

Садимся рядом на диване. Наши занятия немецким заключаются в том, что мы читаем рассказы Вольфганга Борхерта.

Сегодня «Der Schriftsteller». Писатель.

Я читаю вслух первую фразу: «Der Schriftsteller muss dem Haus, an dem alle bauen, den Namen geben». Потом Шульман. Я поправляю, он повторяет. Потом переводим, разбираем падежи.

Он и Борхерта читает как свои тексты. Его тон обволакивает, уходит на крутые виражи, пронзает. Голос рвется ввысь, распирает стены, выдавливает куполом потолок.

– Der Schriftsteller muss dem Haus, an dem alle bauen, den Namen geben. Писатель должен дать имя дому, который все строят.

Между двумя авторами всегда можно провести прямую. Одному пять, другому двадцать. Один бежит с мамой пешком по шоссе из Минска под бомбежкой, другой наступает с вермахтом.

И все-таки иногда не очень понимаю, зачем нужны эти уроки немецкого, зачем он зовет меня каждый вторник к себе. А иногда понимаю.

Шульман только кажется крутовым столпником от литературы, а на самом деле ищет палочку-выручалочку. И таких веточек-цитат у него целый ворох. Вот одна. Юный Карамзин приходит к знаменитому немецкому поэту Виланду и спрашивает: «Автору нужны читатели?» – «Нужны, – отвечает Виланд. – Но если бы судьба определила мне жить на пустом острове, я написал бы все то же и с тем же тщанием». – «Как?! На необитаемом острове?» – «Так! – Виланд улыбнулся. – Меня бы слушали музы».

Для этого и нужен «Четверг» – мы все слушаем друг друга на этом бескрайнем острове, как музы Виланда.

Для этого нужны и ему, и мне наши бестолковые уроки немецкого.

Доходим до последней фразы «Dann muss er posaunen, bis die Lungen platzen!» Тогда он должен трубить, покуда у него не лопнут легкие.

– Но почему трубить? – не соглашается со своим же переводом Шульман.

– Писатель с трубой? Писатель должен кричать!

И он кричит:

– Dann muss er posaunen, bis die Lungen platzen!

И еще сильнее:

– Dann muss er posaunen, bis die Lungen platzen!! Тогда он должен кричать, покуда не лопнут легкие!!

Не докричаться.

К ЖЕНЕ В ЗАГОРЯНКУ

В тот день, когда я узнал о смерти Жени, не мог ночью долго заснуть, ворочался, вспоминал.

Наша 59-я в Староконюшенном.

Поездка после девятого класса в ГДР. Жили в берлинской школе, нам предложили сыграть с местной командой в гандбол, людей не хватало, поставили Женю на ворота, он пропустил все мячи, кроме одного – мяч попал ему в лицо и разбил очки.

Поездка к нему в стройбат.

Посещение в больнице. Он в каком-то страшном халате из «Палаты №6», заколотый, сам не свой, но сразу стал читать новые стихи.

Но сильнее всего запомнилось, как летом после восьмого класса поехал к нему на дачу. С Ярославского вокзала на монинской электричке до Загорянки.

Женя жил со своим отцом вдвоем, его мама попала под машину, когда была им беременна, а потом надолго пропадала в психиатрических лечебницах. Юрий Зеликович – легенда 59-й. Он преподавал рисование, черчение, мировую художественную культуру стольким поколениям, что стал школьным *genius loci*.

Не помню, что делали днем, кажется, на велосипедах на речку, волейбол – Юрий Зеликович был фанатом этой игры. И вообще сухой, спортивный, поджарый, в молодости он занимался бегом и потом всю жизнь выписывал «Советский спорт», как он мне объяснил, чтобы смотреть технические результаты забегов.

Еще помню, что вся дача была окутана запахом белого налива – Юрий Зеликович перед отъездом насовал мне целый рюкзак прозрачных душистых яблок.

А ночью мы не хотели ложиться, и Зелик – вот вспомнил, что это была его прозвище в школе, мне потом было странно, что Вуди Аллен назвал своего героя именем нашего любимого учителя – по-

что что насильно загнал нас в кровати. Спать было совершенно невозможно – из окна лезли запахи ночного сада, перемазанного луной. Полнолуние, черные резкие тени от каждой ветки, и вся бесконечная удивительная жизнь впереди. Как тут заснешь?

Мы дождались, пока Зелик мерно засопел, и вылезли из окна, прыгнули в самую луну. Стояли под звездно-яблочным небом посреди вселенной и читали друг другу стихи, свои и не свои, вперемешку, без разницы. Когда тебе четырнадцать лет, чужих стихов не бывает, все стихи мира – твои.

Юрия Зеликовича давно уже нет, теперь вот и Жени. А я еще тут, пишу эти строчки.

В один странный день я сяду на Ярославском на монинскую электричку и поеду к ним в Загорянку. Ночь снова будет лунная, мы с Женей вылезем через окно в сад, пропитанный запахами белого налива. Будем читать друг другу стихи, свои и не свои, и впереди будет бесконечная удивительная жизнь.

Михаил Эпштейн

Автоноография. Фрагменты

Autonoography. Fragments

Если это и будет автобиографией,
то автобиографией философской, историей
духа и самосознания.

Н. Бердяев. *Самопознание*

ПАРАДОКС АВТОБИОГРАФИИ.

Автобиография... Всего одно слово, а как много оно вместило противоречий! Логическая ошибка — считать, что присоединение “авто” к словам “биография” или “портрет” ничего не меняет в этих жанрах, кроме темы. Меняется все. Разве автобиография — это жизнеописание? Ведь жизнь пишущего еще не завершилась, и значит, автобиография, в противоположность биографии, это не описание состоявшейся жизни, а проект ее продолжения, обращенный к фактам прошлого для создания возможностей будущего (в том числе, посмертного). По мере приближения автобиографии к той точке времени, где расположен сам автор, перо останавливается, а часы продолжают тикать, и остается только время от времени подклеивать быстро желтеющие полосы к устаревшему тексту, как делает Солженицын в “Теленке” и его продолжении “Зернышке”. Таким образом, автобиография — это жанр, во-первых, принципиально слоистый, лоскутный; во-вторых, незавершенный и незавершимый (мало кому удастся поставить последнюю точку в момент испускания духа); в-третьих — “задыхающийся”. Автор бежит вдогонку за уходящей жизнью, а жизнь, между прочим, особенно быстро утекает, пока он ее описывает, так что все равно не удастся свести концы с концами, свое “авто” и свое “био”.

Так же и автопортрет должен включать фигуру художника в момент создания автопортрета. Автор рисует себя, рисуя себя, рисуя себя... — перспектива уходит в бесконечную зеркальную галерею саморефлексивных образов. Чтобы соответствовать своей жанровой задаче, автопортрет должен строиться как фраг-

тальный узор, каждый завиток которого бесконечно делится и в мельчайшем фрагменте воспроизводит себя.

Итак, автопортрет либо просто невозможен, либо бесконечно множим, т. е. невозможен вдвойне. Нет ничего более таинственно-го, чем “авто”, свойство “быть собой”, иметь свое “я”. В утверждении Декарта: “я мыслю, следовательно, существую” — обычно обращают внимание на корреляцию мышления и существования, но эта фраза не имела бы никакого смысла, если бы вместо “я” там стояло “он” или “они”. “Он мыслит, следовательно, существует” — нелепость, ибо существование другого подтверждается не его мышлением, о котором я ничего не знаю, а тем, что я зрительно, чувственно воспринимаю его. Значит, в декартовой формуле самое важное — “я”, его соотнесенность с самим собой: я мыслю, следовательно, я существую. Я соотношу свое мышление со своим существованием. Собственно, “я” — это и есть точка такого скрещения мысли и бытия.

Автобиография, где человек осмысляет свою жизнь, — это не только литературный жанр, но и модус осмысленного существования. По Сократу, неосмысленная жизнь не стоит того, чтобы ее проживать. Пока я существую лишь за пределами своей мысли, я еще не стал самим собой, я еще чужой для себя.

АВТОНООГРАФИЯ

Есть такая разновидность автобиографии, которая не только осмысляет жизнь, но и раскрывает жизнь самой мысли. Если биография — это описание жизненных событий, последовательность биограмм, то *ноография* — описание умственных событий, совокупность ноограмм (греч. νόος — ум, разум). *Ноограмма* — это единица осознания, мыслительный прорыв, обобщение или озарение. Соотношение здесь такое же, как между биосферой и ноосферой. Соответственно, *авто-ноо-графия* (*autonoography*) — это личная история мышления, открытий себя и мира. Это и есть полнейшее воплощение декартова “мыслю, следовательно, существую”: события жизни вытекают из событий мысли или перетекают в них.

Высшая смысловая точка автоноографии — *автодицея* (autodicy): оправдание своего бытия, главная цель каждого существования: почему я, зачем я нужен? Не “в чем смысл жизни”, а “в чем смысл меня”? Чем оправдано мое личное бытие? Автобиография, исповедь, дневник — лишь отдаленные аналитические подступы к этой синтетической задаче. Зачем я есмь, был и буду? Есть теодицея, космодицея, антроподицея — оправдание Бога, космоса, человека, — но по этим ступеням приходишь наконец и до *автодицеи*, до самого себя.

Тогда возникает вопрос: что означает “возлюби ближнего как самого себя”? Первая часть этой заповеди несомненна, на ней основана этика. Но почему образцом любви к ближнему поставлена любовь к самому себе? Разве я себя люблю? Разве не больше в моем отношении к себе любопытства, сомнения, стыда, удивления, разочарования? Путь к автодицее может быть еще более долгим и тернистым, чем путь к теодицее и антроподицее.

Ниже — опыт автоноографии в ряде фрагментов.

ОБЛИГАЦИИ. ДЕТСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕ.

В детстве одним из приятнейших занятий в кругу семьи была проверка облигаций государственного внутреннего займа. Обычно этим занимался дедушка — и звал меня на подмогу. В какой-то газете, кажется, “Вечерней Москве”, раз в несколько месяцев печатались номера выигравших облигаций. Дедушка доставал список номеров хранившихся у него бумаг — и мы сравнивали два списка. У дедушки на этот случай была припасена большая лупа в металлической оправе, сквозь которую он разглядывал мелкие газетные номера — эту лупу я долго хранил после смерти дедушки и даже привез с собой в Америку, как реликвию. Я особенно радовался, когда первым находил выигравший номер — и победно докладывал об этом дедушке: было чувство, что этот выигрыш — и моя заслуга. А может быть, дедушка притворялся медлительным, чтобы потренировать мою арифметическую смекалку и порадовать внука самостоятельной находкой (мне было лет 7-8). Если выпадал счастливый номер, дедушка вынимал приятно пахнущую (из-под духов?) серую шелковистую коробку, и, внимательно перелистывая, доставал оттуда выигравшие облигации.

Облигация, выпуск 1956 г.

Вид этих красивых бумаг, строго и мелко расчерченных, с цветным тиснением, мне очень нравился — и казалось, что именно так выглядит государство. Это был единственный осязаемый предмет, называвшийся таким именем, и мне казалось, что государство — это нечто очень точное, правильно начерченное и приятно пахнущее. А к тому же, еще и выдающее деньги с какой-то надбавкой, “выигрышем”. Смысл слова “заем” не умещался в моем сознании, как и тот факт, что гражданам навязывали эти облигации: прежде, чем получить редкий шанс на 3% выигрыш, они должны были за них платить. Государство у меня ассоциировалось с порядком и вежеством. Оно выглядит, как строгая колонка цифр. Ко всем оно справедливо, а некоторых еще и балует, как своих любимчиков. Список выигрышных облигаций в газете был как бы приветственным посланием государства своим гражданам — и лично нашей семье.

Впоследствии я свикся с мыслью Радищева, что государство — “чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя”. Но может быть, в той детской идее была своя рациональность? Государство, которое

сплошь состоит из облигаций (долженствований) по отношению к гражданам и возвращает взятое у них с надбавкой, — где ты?

КНИГА КНИГ. ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗАМЫСЛА.

В тот день, 12 марта 1984 года, я закончил довольно большую работу — “Вещь и слово. К проекту Лирического музея, или Мемориала вещей”, которую готовил к выступлению на весенних Випперовских чтениях 1984 года (Музей изобразительных искусств А. С. Пушкина). А над всем этим проектом, включая создание маленького Лирического музея в квартире моих друзей, я работал почти год.

И вот, поставив точку, я предался по такому поводу законному расслаблению и погрузился в горячую ванну, празднично размышляя о значении неизвестного мне, только что придуманного и нелепого термина “агностический гностицизм” (до сих пор не знаю, что это такое). Вдруг сознание мое распахнулось, в него вошло какое-то большое пространство, в котором ясно представилась книга, вмещающая все возможные термины моего мышления, и не только моего, а как бы всех возможных мышлений, насколько их дано охватить моему сознанию. В этот момент родилась Книга Книг.

Она явилась мне в форме Словаря, в котором все слова и понятия отсылали друг к другу, как бы вспыхивали трассирующими перестрелками. Слова не просто следовали друг за другом на плоскости листа, но пересекались каждое с каждым, определялись друг через друга, то есть это была стереометрическая книга. Каждое слово было выделено курсивом и даже прошито какой-то яркой нитью, которая связывала его напрямую со всеми другими словами — не через поверхность текста, а как бы насквозь, через третьи измерение книги.

Особенностью этого Словаря было то, что он заключал в себе не слова, извлеченные из других текстов, а новые слова, которые могли бы стать терминами еще не написанных книг. Причем Словарь содержал не только слова и их определения, но и образцы тех текстов и систем мысли, в которых они могли бы употребляться. Например, к термину “реалогия” (наука о вещах) приводились фрагменты из книги “От объектов к вещам. Введение в вещесло-

вие”, а к термину “религионеры” (солдаты абсолютного сознания) — фрагменты из книги “Мыслитель как воин. Об армиях будущего”. Книга книг была не собранием ранее написанных текстов, но их прообразом, порождающей моделью. Словарь сам развертывался из слов в предложения, из предложений в главы, из заглавий в книги — и становился Книгой Книг.

Книга Книг не имела страниц, переплета — скорее, она предстала как многомерность перелистываемого пространства, легких воздушных путей, несущих от слова к слову, от мысли к мысли. Впоследствии, лет через десять, я узнал это пространство на экране компьютера, когда перед мной впервые замелькали страницы Интернета, перебираемые ударами клавиш. Но даже о компьютерах в 1984 г. у меня было самое смутное представление, а Интернет еще не появился на свет.

Книга писалась на протяжении последующих четырех лет, приливами и отливами, которые продолжались по несколько месяцев и приносили по несколько сот страниц. В эти годы, с 1984 по 1988, происходили главные события в судьбах мира, и мы были в гуще этих событий. Завершалась целая цивилизация, которая готовилась жить долго, была рассчитана на века и тысячелетия, целиком поглотила жизнь наших дедов и отцов, — и вот она кончалась на наших глазах. Этот конец известной нам цивилизации и начало новых, еще неведомых цивилизаций, прежде чем принять видимые очертания, происходили в нашем сознании, как внезапный вихрь догадок, проектов, быстро сменяющихся мировоззрений. Все, что впоследствии обретало плоть партий, церквей, религиозных и культурных движений, государственных органов, литературных сообществ, — в эти годы зарождалось предчувствиями и предмыслиями.

Представьте себе кипение мысли предреволюционного Серебряного века, когда страна сдвинулась со своего исторически обжитого места и поехала в неизвестное будущее... И такой же всплеск и кипение происходили в головах нашего поколения на исходе той эпохи — во второй половине 1980-х. Мысль кипела вдвойне, потому что она еще и охлаждала себя иронией и самоиронией, и заново разогревалась, и превращалась то в лед, то в пар. Это была гамлетовская пора зияния, распавшейся связи времен, которую прихо-

дилось восстанавливать головокружительными полетами воображения. Если смотреть из отдаленного будущего, то, возможно, и Серебряный век не сравнится по накалу ищущей мысли с этими несколькими годами, переходными от молчания к гласности.

В это время я участвовал в создании и работе нескольких клубов и объединений московской интеллигенции. Поэты и математики, художники и физики, филологи и журналисты, писатели и философы... Под сменявшимися названиями и внутри расширявшегося круга людей: Клуб эссеистов, Ассоциация “Образ и Мысль”, Лаборатория современной культуры — действовала одна и та же метафизическая страсть, искавшая отзвуков среди людей, близких и далеких по духу. Каждый из нас приходил и выкладывал свой Проект, свое толкование первых и последних вещей. Мир начинался заново, у него еще не было основы, ее предстояло создать — причем из своей собственной мысли, за отсутствием других осязаемых материалов в стране восторжествовавшего материализма. Дальше в дело пошли бы уже политики, практики, инженеры, банкиры — но, чтобы перевернуть Маркса таким же способом, каким он перевернул Гегеля, нам предстояло поставить грядущий мир на умное основание. Каждый приходил к другим со своей ненаписанной или полунписанной, неизданной или самиздатовской книгой, которой предстояло стать Библией новых народов, уставом новых партий, манифестом новых искусств, аксиомой новых наук. Если бы не это “многословие” нашей московской среды — первая ласточка будущей многопартийности, многоцерковности и прочих видов плюрализма — и Книга книг не могла бы найти своего импульса, не могла бы наполнить ту радиально-шаровую форму Словаря, в которой она явилась в марте 1984 г. В эту книгу влилось столько потенциальных книг, столько философских волнений, намерений и решений оставили в ней свой след, что в любой другой исторической ситуации форма “Книги в квадрате” оказалась бы пустой абстракцией, волевым экспериментом книжного червя, болеющего несварением массы прочитанных книг.

С 1988 года все это кипение ума стало уже выходить в общественное действие, в политические собрания, митинги, манифестации, и тогда же быстро стала сгущаться какая-то черная безнадежность, как будто мысль отчаялась выговорить себя до конца, изменить что-то в окружающем, — и опять замкнулась в себе. Эпоха метафи-

зической бури и натиска подошла к концу. Казалось, книга не имеет конца — но страница, которая написана в апреле 1988 года и называлась “Познание и любовь”, оказалась последней, 1563-й. Больше книга не писалась, пространство, которое она должна была заполнить, сомкнулось вокруг нее, совпало с ней своими границами.

В 1995 году я открыл для себя пространство Интернета — и сразу узнал в нем тот “магический кристалл”, через который впервые увидел даль Книги книг, ее прозрачную многогранность...

СССР. ОПЫТ ЭПИТАФИИ

26 декабря 1991 г., утром после Рождества, я летел из Атланты в Сан-Франциско на конференцию и в полете раскрыл свежую американскую газету. И вдруг...

Два чувства смешались, когда я прочитал, что Советского Союза больше не существует, что флаг его спущен, а президент ушел в отставку. Первое чувство: что все мое прошлое мгновенно унеслось от меня во времени, как оно унеслось в пространстве, кануло в глубь Атлантического океана, над которым я за два года до этого перелетал из Старого Света в Новый. И теперь мое скучное детство, пионерский лагерь, песни у костра, опасные анекдоты, влюбленность под бряцание любительской гитары, вынужденные недомолвки в моих статьях и препирательства с редакторами, — все это наклеилось на пожелтевшую страничку истории, следующую за крепостным правом, революцией и пятилетками. “А вот так жили в Советском Союзе. Была такая страна. Период позднего Сталина... И раннего Хрущева...”

Как странно осязать прямо под своей кожей пыльные отложения веков! Откуда ты? Я родился в Атлантиде. Я родился в Византии. Я родился в СССР... Экзотические слова — отголоски уже немых исторических миров...

И вот уже вежливый голос экскурсовода ведет меня по закоулкам моей памяти. Мгновенно вся моя прошлая жизнь перестала быть личным достоянием и обратилась в музей, открытый равнодушно скопищу потомков. Для этого оказалось достаточно одного сло-

ва: бывший Советский Союз. И вся моя прежняя жизнь, это сорокалетнее блуждание по пустыне в поисках выхода из нее, тоже вдруг оказалась бывшей. Прожитая не столько мной, сколько человеком моего поколения, из тех, ранних пятидесятых, с налетом серости, усталости, ожидания. *Эсесер*. Сколько оттенков серости рокочит и переливаются в этом слове!

На это первое чувство накладывалось и другое. Не то, что я остался смутной тенью в прошлом этой страны, — а то, что страна эта теперь переселилась в меня. Обосновалась. Во мне живет. Напева-ет вполголоса дивные песни. “Эх, дороги, пыль да туман... Только ветер гудит в проводах... Где закаты в дыму...” Словно эта страна продолжает вещать из меня. Я с ее, советским акцентом, произношу американские слова. С ее, советским недоверчивым прищуром, я озираюсь в американских универсамах. С ее, советской беззаботностью, я ничего не понимаю в американской банковской системе. С ее, советской упертостью, я стараюсь подчеркнуть и обосновать свое особое мнение, хотя никто вокруг его не оспаривает. Раньше как было просто! Эта страна существовала отдельно от меня, страшная, могучая, и всеми силами я старался не быть советским, быть кем угодно — другим: русским, евреем, американцем. Теперь, когда она исчезла с лица земли, я чувствую ее в себе. Я похоронил в ней часть себя, чтобы другой частью она воскресла во мне. И пусть никто уже не живет в советской стране — зато она живет в нас, своих вечных питомцах и посланниках.

В тех, кто остался, она постепенно начнет превращаться в Россию, Украину, Грузию, Узбекистан... А в тех, кто из нее уехал, она останется навсегда, потому что ей не во что превращаться. Америкой, или Францией, или Израилем ей не стать никогда. Так ловко она выпихнула нас из себя, чтобы в нас надежнее выжить.

Что осталось советского в мире? Москва перестала быть советской. И улица Горького, ныне Тверская. И учебники истории, ныне антисоветские. И Кремль — уже без кумачовых полотнищ. И радио — без марша ударных бригад. В нынешнем мире, где почти не осталось ничего советского, самое советское — это я. Мои ребяческие инстинкты, которых не могут пересилить годы взрослой рефлексии. Моя вера в дружбу народов. Мои попытки вызвать у читателя несогласие со своею собственной мыслью. Моя нелюбовь к

авторитетным цитатам и любовь к многозначительным повторам. Моя любовь к разговорам до одури и до потери своего “я” в “ты” собеседника. Моя неохота встречаться взглядом с прохожими, чтобы они не подумали чего-то и не стали выяснять отношений. Мое чувство строгого и праздничного порядка, возможного на земле, как в те дни, когда под гром репродукторов люди дружно шагают в Май и готовятся обнять друг друга, в отблесках красных знамен и золотых литавр. Мое уважение к учительнице, со значком на лацкане и гладко зачесанными волосами, мое желание слушаться ее всегда и во всем, быть примером. Мое запойное желание вникать в идеи всякого рода, вживаться в них и мало обращать внимания на то, как они вяжутся или не вяжутся с реальностью. Все это — советское во мне.

Первоклассник.

И нельзя сказать, что я это в себе люблю. Но меня без этого нет. А поскольку сказано, что ближнего нужно возлюбить как себя самого, могу ли я не любить себя, пусть через не хочу? Даже и такого, советского от рождения. И пусть я трижды антисоветский и даже постсоветский, все равно, я — последнее пристанище великой страны. Прекратившись исторически и географически, она еще сильнее воспрянула в нас, как метафизическая, вечная родина, как тот пепел, что, утратив свое земное тело, теперь стучит в наше

сердце. Опять и опять обходит память эту погибшую страну, как часовой — мавзолеей, навтытяжку, чеканным шагом, которому открывается пустая даль будущего.

ДЕСЯТЬ ЛИЧНЫХ ПРАВИЛ

У каждого есть свои правила, осознанные или неосознанные. Речь не о заповедях: “не убий”, “не кради”, “не лги” — но о тех правилах, которые мы стихийно создаем для себя на основе личного опыта. Интуитивно стараемся следовать им, хотя это не всегда получается. И никто нас за это не осудит, поскольку в этих правилах нет ничего должного, никаких моральных предписаний. Просто у каждого человека — свой способ взаимодействия с жизнью, свой способ чувствовать себя скорее живым, чем мертвым. Поделюсь своим личным “декалогом”.

1. Ничему не противостоять, ни с чем не отождествляться.

У меня с юности, возможно, под воздействием Лао-цзы, но главным образом, как вывод из собственных болезненных взаимодействий с миром, выработалось правило: «Ничему не противостоять, ни с чем не отождествляться». Как только я чувствую, что слишком глубоко влипаю в некое движение, тенденцию, группу, я начинаю отлипать, шевелиться, вылеплять себя из массы. Как только я чувствую, что начинаю намертво, в упор кому-то или чему-то противостоять, я чуть-чуть сдвигаюсь, переношу точку упора, чтобы была возможность маневра, обхода, свободы движения. Моя стихия — текучая середина, чтобы всегда оставалось чуть-чуть места и справа, и слева, чтобы не быть припертым к стене или загнанным в угол. Я стараюсь смотреть на мир двумя глазами, слушать двумя ушами, мыслить обоими полушариями мозга, проговаривать мысль на двух языках.

2. Не увеличивать степень определенности

Нужно довольствоваться той степенью определенности, которая есть в мире. Многие наши провалы, мучения, конфликты с людьми — от попытки определить больше, точнее то, что остается только возможным. Вот человек: думает так-то, смотрит так-то. Но мы не удовлетворены, пока не определим для себя: умен он или глуп, лю-

бит меня или не любит. Не превышай меру определенности, заданную самим предметом, предоставь ему возможность роста и самоопределения, смотри на него сквозь расширяющуюся щель в своей системе категорий. Во всем, что есть и происходит, гораздо больше возможного, чем уже определившегося.

3. Усилие без насилия

Правильные вещи должны делаться относительно легко. Конечно, к ним нужно прилагать усилия. Но если вещи все-таки не делаются, лучше оставить их в покое или по крайней мере подождать, не изменятся ли обстоятельства. Чрезмерные усилия могут привести к результатам, обратным ожидаемым. Если ключ не вставляется в замок, не стоит его туда изо всех сил запихивать: может быть, это ключ от другого замка или замок для другого ключа? Иными словами, нужно следить, чтобы усилие не перешло в насилие над ходом вещей. Если я звоню кому-то, но после двух-трех попыток не могу дозвониться, я оставляю попытки, переношу на следующий день. Может быть, этот человек сегодня не в настроении, устал, занят, измучен жизнью, и ангел охраняет его от моих вторжений. У обстоятельств есть своя логика, поэзия, грация, им нужно доверять, чтобы не превратить их в грозную судьбу, вырастающую против тебя. Не будь мелочен и дотошлив в своих претензиях к бытию, сохраняй за ним право на крупные жесты щедрости и удачи.

4. Приобретать опыт, не теряя души

Одно из главных мучений юности: приобретение наибольшего опыта с наименьшими потерями для души. Опыт ведь можно приобретать в самых злчных местах, посредством самых тоскливых экспериментов. Но при этом теряешь себя ровно в той же степени, в какой приобретаешь этот самый опыт. Для меня это было большой проблемой: нужно ли заставлять себя делать то, что не хочется, ради приобретения опыта? Нужно ли знакомиться с неизвестными девушками, ходить в чужие компании, наращивать социальные связи, притворяться ловким, свойским, общительным — и при этом чувствовать себя одиноким? Так я определял свою цель: приобретать опыт, не теряя души! Но постепенно понимал, что это почти так же сложно, как перейти реку, не замочив ног. Оставалось ходить по краю, по бережку, чтобы ноги замочить, но не утонуть. Этой осто-

рожности, половинчатости я в себе не любил, но таким и приходилось себя принимать: нелюбимым.

5. Недо- лучше, чем пере-

Делать недостаточно лучше, чем чрезмерно. Лучше недосолить, чем пересолить. Можно добавить соль в недосоленное, но нельзя убрать соль из пересоленного. Агент действия более способен к саморегуляции и самоограничению, чем пассивный объект (среда).

То, что ушло в среду, растворилось в ней, уже нельзя из нее изъять, но то, что находится во власти самого индивида, можно увеличивать. Дать дополнительно можно, взять назад — нельзя, оно уже не твое, разошлось по миру. Меру использования ресурса должен определять сам владелец. Если нельзя соблюсти золотую меру, поскольку она неизвестна, то лучше ошибиться в сторону меньшего, чем большего. На вечеринку с неизвестным дресс-кодом лучше явиться одетым чуть более буднично, чем слишком нарядно. Пусть на тебя смотрят скорее сверху, чем снизу. Маленький человек приятнее свехчеловека.

6. Информация против энтропии

Еще одно правило мне преподала мама, и я с возрастом все больше ценю ее совет: не перегружать других информацией о себе. Не то чтобы никому нельзя доверять, но надо исходить из энтропийности нашей вселенной, где всегда происходят какие-то утечки и расползания. Меняются отношения между людьми, близкие отдаляются, доверенные лица сами доверчивы и делятся с другими... Нет более надежного хранилища сведений о себе, чем твой собственный мозг. Впрочем, несмотря на мое старание следовать этому правилу, я на шкале открытости-закрытости стою гораздо ближе к первой (примерно 7 из 10), и шпион-разведчик из меня бы не получился.

7. Энтропия коллективных действий.

Если для осуществления какого-то проекта привлекается много людей, то на взаимодействие с ними уходит больше времени и энергии, чем на сам проект. Количество участников обратно пропорционально эффективности действия. Особенно если это отно-

сится к взаимодействию на одном уровне координации, например, между членами одного комитета, сотрудниками одного центра. Между выше- и нижестоящими, где действует механизм прямого подчинения, эффективность падает меньше. Сложноподчиненные предложения выразительнее и энергичнее, чем сложносочиненные. Огромная часть энергии уходит на координацию “сложносочиненных” действий команды/группы/коллектива. Я не противник демократии, но вижу ее негативные, энтропические свойства. Например, если я — руководитель центра, но со мной в руководящий совет/комитет входят три других сотрудника, то на согласование наших решений, подходов и критериев, на все эти заседания уходит не меньше, если не больше времени, чем на выполнение прямых задач, стоящих перед центром. Проще всю работу выполнять самому, пользуясь лишь услугами технического сотрудника. Эта социальная энтропия сродни дефекту массы в физике, когда масса ядра оказывается меньше составляющих его частиц, поскольку их энергия тратится на взаимную сцепку.

8. Надеяться, но не обольщаться.

Обольщение — это надежда с гордыней, а надеяться лучше со смирением. Обольщаться — льстить себе: все тебя любят, все тебя знают, все тебе помогут. А надеяться — дай Бог, чтобы хоть кто-то, хоть как-то, хоть чем-то. Надежда ближе к “почти ничему”, а обольщение — к “почти всему”. Поэтому надежды исполняются чаще: чем скромнее, тем реальнее, надежнее. В среднем я бы определил оптимальный уровень надежды в одну пятую от того, что может быть, и тогда уровень ее исполнения может быть даже выше ожидаемого.

9. Сила воли необходимая и достаточная

Какая сила воли необходима и достаточна? Та, что простирается на самого волящего, но не выходит за этот предел. Субъект имморален в двух случаях: если не владеет собой — или если пытается подчинять себе других, не считаясь с их волей. Необходима и достаточна та воля, которая действует в пределах самого волящего субъекта. Пусть моя воля заканчивается там, где заканчиваюсь я сам. Дотягивается до границ моей личности, но за них не выходит. Это не слабоволие, а *себяволие* (не путать со своеволием и самово-

лием). Множество людей не владеют собой, а немногие простирают свою волю на массы людей, даже на целые народы. Порой эти крайности сочетаются. Субъект не может держать себя в руках — и пытается взять в свои руки судьбы других. Студент Раскольников, доцент Соколов... Так возникают “вшивые Наполеоны”: те, кто пытается определить, вошь он или Наполеон, и становится тем и другим. Правило такое: объект воли своими границами совпадает с ее субъектом. Воля должна быть достаточно длинной, чтобы простираться только на самого волящего. Ну еще на детей, пока они дети, или близких людей, если им не хватает своей воли.

10. Спрямять путь, выбирая дальние цели

В жизни все постоянно колеблется: вверх-вниз, вправо-влево, и, если следовать с полным напряжением сил и накалом чувств всем этим зигзагам, жизнь быстро тебя измотает. Стоит вступить в игру лишь на главных поворотах. На больших дистанциях все мелкие повороты усредняются, и если следовать этой рваной линии, туда-сюда, то затратишь столько сил и времени, что на главное их уже не останется. Большинство событий оказываются обманками и пустышками, бытийным шумом. Поэтому лучше выглядывать цели на большом расстоянии и двигаться к ним прямоком, срезая углы петляющих троп.

Materials and Discussions

Сергей Юрьенен

Из дневников и записных книжек Excerpts from Diaries and Notebooks

*Кто может быть против нас,
если за нас боги?*

ЛЕНИНСКИЕ ГОРЫ, 1966–973

Минск, 2 мая 1966

...Не могу писать, не работая над стилем. А работая, писать – противно. И противно думать, что будут читать.

А если бы сказали: испишешь тетрадь и выброси, – не выбросил. А может быть, и писать не стал бы, если бы только для себя.

О главном:

1) Не делать того, против чего голосует что-то в тебе. Потому что этот голос, я чувствую, обладает правом вето. Против него нельзя идти, и ломать его нельзя.

2) Отбросить, как отжившее, мысли о том, что нужно знать многообразии жизни. – Нужно знать себя, несущего ее в себе, изучить свою сердцевину, суть и соль, и смысл себя как не собственно себя, а как человека рядового, нагого человека, но прикрытого фиговым листком нашего времени...

3) Ни в коем случае не употреблять шаблон!

Перечитал – и как все отдельно уже от меня. Такого не было с моей прозой. Люди как реки – дважды войти нельзя...

– Все ставят под сомнение.

– Возраст такой, правильно.

– Отвращение вызывают эти слова.

6 мая 1966

...Надо самому, исключая любые советы опытных, то есть подавленных жизнью, обтершихся, отвергая их, надо разобраться в своих силах, все продумать и начать идти только своей тропой, сколько бы не отличалась она от навязанного и принятого. Только своей...

13 мая 1966

Поражение по химии.

Был на V съезде писателей БССР.

Быков; Кожевников в президиуме.

Выступление Гречко.

– При Сталине больше порядка было, – со злобой.

16 мая 1966

Хорошее, щедрое письмо от Ю. Казакова.

Первое письмо от настоящего писателя.

Сразу признался в тройках.

22 мая 1966

...Спор, дискуссия, поучения, ругань. Быков, отец, я. А также Пастернак.

– Не хочу из-за Быкова терять сына.

И все такое.

Москва, 10 октября 1967

Главное здание МГУ

Б-222 правая

Неизбежно обращаюсь к дневнику, когда начинаю запутываться, это уж ясный признак неблагополучности; а тут еще чувствуешь уходящее время, ощущаешь всеми волокнами души, так волей-неволей засядешь.

Прикинем итоги. Через 3 м-ца мне 20 лет.

Я в столице (добился желаемого). У меня есть доброжелатели в литературе – К-в, Р-в, Б-в. Я должен работать... Работать над прозой – это главное, главнее всего.

Университетские занятия должны идти ровно, иначе заберут нужное время.

Английский язык. Заниматься каждодневно.

Философские занятия. Я не могу идти искать наощупь. Должно оформиться идейно. Труды Ленина по ист. КПСС изучать сознательно. Философов – начиная с древних.

Вот четыре основных занятий.

Остается два трудных, проклятых вопроса: друзья. Женщины...

13 октября 1967

Недоволен собой. Нарушил свои нормы общения. Много и дружески выболтал Эпштейну, врал и хвастал. О женщинах не вспоминать и не говорить. О работах тоже...

15 октября 1967

Воскресенье, солнце высвечивает геометрически равные фигуры на здании – вверх смотреть – университета. Где-то все музыка...

Все утро пишу. Разложил страницы вчера и сегодня написанного на полу, и продолжаю...

Не пришла она.

16 октября 1967, 18.10

...Бурный взрыв радости... Бросил я, едва перевалив через первую тысячу слов, нудный рассказ «Гололед»... и теперь – измочалось, а – напишу сильный, давно замысленный рассказ «Мертвый час, изгой», – зря только название дал знать Эпштейну.

Буду слушать лишь себя; а прислушиваться только к величайшим – вот как Фолкнер, – а средних, наших, любить, а потом... любить, как первую любовь.

17 октября 1967

Болван! не познакомился с этой венгеркой, не заговорил с ней, ведь ты уже знаком с ней больше месяца – взглядами. Такой упустил случай!..

Добил меня Жид. «Что мне кажется сейчас крайне устарелым, так это нерешительность влюбленного» (8 янв. 1932 г.) Убил.

Только что был на выступлении Грековой. «По-моему, Солженицын – великий писатель». Говорила, что он все смеялся, с бородой и розовощекий, – единственная встреча в редакции.

Начинающему? «Очаровываться в меру своих способностей, чтобы неизбежно разочароваться»....

К себе:

1. Больше жесткости, недоброты. Больше любви, нежности, чуткости.

2. Говорить громко. Говорить хорошо. Ставить цель разговору, ясно знать, к чему он должен привести.

3. Не делать жестов. Жесты выдают...

На ночь читал Феогида, Анакреонта, Ивика.

20 октября 1967

...I. Решил достойно встретить двадцатилетие. Вот список рассказов, к-ые я положил себе написать к началу зимних каникул:

«Мертвый час, изгой», «В гололед», «Холмы», «Истинно, истинно говорю», «Кладка», «Тренер» (сад туманный), «Перемена», «Писатель дома», «Юные», «Позади нас дом красный».

Названия ориентировочные. Но 40 000 слов я должен написать: 150 листов машинописи...

Октябрь 28, 1967, 0.00

Принял сто граммов; трезв. Э. был косой: «Девять лет, и я переверну мир!»

20-28 октября 1967

...Огромное душевное впечатление оставило чтение 41, 42 тт. Толстого – его «Круг чтения», – дни, когда я жил по-настоящему, читая, выписывая, проникаясь простыми и великими мыслями...

Вышла новая книга Битова – «Дачная местность». «Сад» его побудил к писанию. Не писал. Полюбил его еще больше, – его, человека в нем.

Открылась мне мудрость: жить настоящим, делать сейчас, жить просто, добро, трудолюбиво, ныне, – и стало мне легче как-то...

Октябрь 29, 9.37

Я живу в прекраснейшей стране: мне бесконечно и до слез дорога ее – а значит и моя – жизнь, я ощущаю себя в этом всесоветском потоке; никогда не уеду отсюда, – никуда...

18 декабря 1967

Самое трудное для меня сейчас – это преодолеть сон. Это первое и главное. Одинаково трудно заставить себя лечь и принудить встать из постели утром. Усилие необходимо дважды в сутки: в 11-12 и в 6-7. Дневная сонливость не находит на меня здесь. Изо дня в день я буду вести борьбу с ним, а когда привыкну, займусь другими недостатками. Дневник должен регистрировать мои усилия; ведь только они зачтутся нам (это первое, что надо вспомнить проснувшись, а второе: настоящий момент = решающий момент твоей жизни...)

...В подобные критические минуты меня охватывает желание подчинить свою последующую жизнь (когда кризис пройдет, а он поэтому должен благополучно разрешиться – потому что после я буду другим, хорошим) разумным началам. Вот и теперь я задался вопросом: а что же я сделал за эти 4 столичные месяца. Не сделал же я самого главного: ни на йоту не приблизился туда, куда стремлюсь.

Если сессия пройдет благополучно:

- 1) Каждый день оставаться работать на фак-те или уезжать в ВГБИЛ и там работать, и в общежитии уже только отдыхать.
- 2) Знакомиться только с теми людьми, к-х ты уважаешь, которых считаешь лучше себя, которые так или иначе связаны с тем делом, посвятить жизнь которому решено.
- 3) Знакомиться и добиваться женщин красивых и старше возрастом.
- 4) Говорить, когда необходимо и молчать, когда слова ни к чему.
- 5) Привыкать говорить или молчать – с твердым выражением лица или с улыбкой. Сгнать с лица эту добрую, постоянную в разговорах с женщинами улыбку.
- 6) Всякое дело – хорошо ли, плохо – доводить до конца. Поэтому, когда берешься за дело, всегда знай, что его придется довести до конца, а поэтому хорошо обдумай: стоит ли начинать.
- 7) Наконец: жить настоящим, всегда имея в виду цель и смерть. Жить одному, наедине с собой, никого не допуская до внутреннего себя. Только на бумаге.

МГУ, 1-5 января 1968

Новый год встретил в Ленинграде...

Сегодня к вечеру угрызения совести за ненужно, ненаправленно (и уже грешно оттого) и грешно оттого, что грешил намеренно, проведенный день. Бог мой, из чего складывается моя жизнь. Учителя берутся сделать своих учеников хорошими людьми – никогда этого не добиться; важно посеять в юной душе зерна стремления к тому, чтобы ощущать себя истинно прекрасным и довольным собой человеком; а уклонения от этого направления неизбежно будут отмечаться той постоянной неудовлетворенностью и раскаянием. Важно постоянное стремление к Я-идеальному. И все же этого сознания недостаточно для меня.

Попытаюсь подобно молодому Толстому регистрировать проявления своих разнообразнейших, отклоняющих, дурных влечений, — подневно.

1) Взять сегодняшний день. Вчера засиделся – за чем, не помню – поэтому встать вовремя не встал, но и сон был нехорош, потому что во время сна испытывал раскаяние. Однако не встал. Лень, изнеженность. Телесные чувства одолели духовное.

2) Встав, не знал, что делать: ехать ли на факультетскую библиотеку, или заниматься дома. НЕСОБРАННОСТЬ (тут одно вытягивает другое, поэтому очень важно хорошее начало).

3) Днем съел один за другим четыре апельсина, зная, что (если не в пользу) то во вред. Однако съел. И тут телесное победило. ОБЖОРСТВО.

4) В библиотеке взял книги, которыми заниматься не могу по недостатку времени (завтра экзамен). Неумение определить то, что нужно в данный момент. НЕНАПРАВЛЕННОСТЬ (сродни второму).

5) Ишван позвал слушать пластинки – пошел, слушал его разглагольствования, притворяясь, что интересно. ПОДАТЛИВОСТЬ.

Живи один

Настоящий момент – критический

Nulla dies sine linea. Memento mori

Утром каждого воскресенья – писание писем.

6 января 1968

Письмо от А. Б-ва

Проснулся в 9; до 6 был на факультете: сдавал; сдал: фольклор: удовлетворительно. Не ропщу. 6–8 – впустую ушедшее время. 9–0: «Д», у итальянцев (Пьетро, Антонио, Анна-Луиза), марокканец, неприятный. Пил приятное десертное вино Romonie – болгарское: 1 1/2 стакана. Лег в 3 ночи.

Осуждать себя не могу, потому что от себя мало зависел сегодня (экзамены). А потом нужно было рассеяться. Думаю, что не худший способ выбрал: итальянцы, они живые и хорошие ребята.

12 января 1968, 0.25

Правило. Непосредственно перед тем, как почувствуешь, что можешь переступить черту запрета, который сам наложил, – к примеру: перед тем, как ответить согласием, когда предлагают выпить; взять карты в руки и т. д. – возьми и напиши на бумаге предполагаемое действие и последствия: посмотри на листок немного.

- 1) Знай, что настоящий момент – критический
- 2) Memento mori
- 3) Живи один

1) Толстой, когда ему было – по-моему – за 80, взялся вдруг изучать греческий язык. Он занимался им всю зиму, забросив совершенно все дела; ночью спросонок говорил по-гречески. Так надо. (А он уже написал «Войну и мир»).

2) Вспомнил рахметовское правило. Читать только лишь самобытное. Взять его себе (книги по науке, философии, искусству). Меньше, да лучше.

Перед сном читал Lawrence *Letters*.

14 января 1968

Встал в начале 12. – Перевели мне письма жен – Лар. Иос., Майи Васильевны (были напечатаны в *Forum'e, Vienne*). – Странное чувство, когда думаешь, что это происходит сейчас, в эту минуту; и я ловлю себя на мысли: все сюда не пиши: опасно. – Сегодня узнал о деле Гинзбурга. Я не волен совладать с тем чувством, которые вызвал процесс и приговор (7 лет): гнусно, грязно, постыдно. Совестно. Как современно звучит Толстой: «Не могу молчать!» И мне хочется бежать к людям, где понимают, где возникает единство чувства и сострадания, к людям, которые не молчат...

Профессия, которой я намерен посвятить себя, — и внутренне и сейчас – внешне: опасна для жизни.

21 января 1968, 16.25

С этого дня мне пошел двадцать первый год, и хорошо бы провести весь год так, как я провел этот день: одиночество, плодотворное, очищающее душу, отсутствие влияния, спокойствие, – вот когда зреют творческие думы. Душевное затишье: ничего не желаю.

Мысли о повести или романе... нет, нехорошо: о книге; снова вижу эту девушку и ее окружение. Почему-то вспомнил «Пора...» и подумал, что «Пора...» дрянь, неискренняя. То-то у меня будет книга!

Но сначала, уединившись на каникулах дома, я просто, чисто напишу один рассказ, думая о котором я недавно не сдержал слез. И не нужно заглядывать вперед, не нужно навязывать себе правил – нужно просто каждое мгновение жить сообразно с желанием сердца и головы. Зачем брать с кого-то пример, когда этот пример у тебя в душе, и пример этот истинный, т. е. ждущий воплощения, ты сам.

21 января 1968

третий час ночи

...Вот уже 3 час, как мне 20 лет. А столько нерешенного и необдуманного.

25 января 1968

После пяти, ночь, 26 утром – у А. Битова в Токсово.

– Зрелому человеку нельзя жить в нашем гос-ве. Оно убивает его. Оно или убивает все в нем, или убивает его самого.

– У нас же везде ищут против Советской власти. Мне же не было никакого дела до этой ерунды, у меня было серьезней. – Помолчал.

– Поверх барьеров...

14 марта 1968

Будет машинка, буду писать следующие интроспективные вещи. «Ухтомский».

1. Сновидения
2. Дневник. У. мысли.
3. Записки

...Правила к записям:

1. Быть предельно правдивым. Обязательство быть правдивым в дневнике, быть может, удержит меня от постыдных поступков... Глупо давать беспристрастное описание. Дневник должен быть живой жизнью Ухтомского; так чтобы можно было проследить его направление.

В столовой думал, что же такое талант. Свойство честно видеть мир и себя, вот что такое талант, а не способность к аллитерациям, музыкальности, живописности. Просто очень – видеть и писать полную правду, стремиться к правде. И мне открылось писатель-

ство в своем новом качестве, когда я поднимался по провонянной кухней лестнице 5 корпуса на 4 этаж.

Меня тянет написать воспоминания, чтобы освободиться от детства. Вот и Толстой писал в юности о Детстве...

Очень много бумаги будет накапливаться у меня. 780 листов дневника в год; 3500 в 5 лет. (Писать через 1 ½ интер.), – не считая других бумаг.

Молодой Толстой писал: предмет сочинения (т. е. мысль его) должен быть высоким (предмет может быть и низким)...

Помнить, что дневник пишу главным образом для того, чтобы исправить себя, а не для людей, которые будут читать.

Приучить себя к мысли, что он погибнет ненапечатанным.

15 марта 1968 я начал «Ухтомского». Какое приятное чувство узнавания своей жизни на бумаге...

«Франклиновский журнал студента Небольсина»

17 марта 1968, л. 45

Для меня ясно одно – что взрослой жизни, о которой я думал серьезно в отрочестве, такой, какой я себе представлял, – ее нет, и для меня ее не будет. В 16 лет я думал о том, как изменится мое самосознание в 20 лет, но оно неизменное, и я сейчас в 20 лет сознаю себя так же, как и в 13 – возраст иллюзий о будущей жизни; иллюзий, которые вдруг ушли.

Но жить подобно тому, как живут окружающие меня люди, я не могу, не хочу и не буду, и один Бог знает, куда я приду в своих поисках истинной жизни. Если же я [суть] лишь желания и стремления к ним, к поискам, то единственный выход отсюда будет самоубийство. Господи Боже, не оставь меня в стремлениях к тебе и в поисках Тебя. Помоги мне Господи.

МГУ, 14 февраля 1969

Чтобы заботы не сминали, надо подняться над ними; для этого необходимо уметь все день ото дня возникающие мелочи приводить в одно направление, мнимые сложности приводить к простейшему.

Чем больше я захвачен надеждами, тем спокойней и устойчивей должен быть. Что я должен помнить, чтобы хранить покой, и чем руководствоваться в сиюминутной, сейчасной жизни?

Следующим.

Прими все. Прими, проживи, прочувствуй, перестрадай, переживи все внешнее, от внешнего зависящее, от других людей, от другого человека, даже от любимого, даже от единственного; прими все. Невыносимую муку – вынеси. Будь со смертью вплотную – и все же выживи, выдержи, вынеси, спасись.

Мне 21 год и 24 дня... До 25 лет мне... 4 года. 365х4 – 1460 дней – как мало. А до 31 – 3650. Тоже немного.

В 1969 году мне остается 320 дней. Обидно отпускать дни так, как предыдущие 7694. Обидно проживать их подобно другим, когда решил, что твоя жизнь будет совсем, во всем иная, чем известные мне жизни современников. Среди них я не знаю ни одного человека, преодолевшего все препятствия и идущего к освобождению. Все удручающе сродни друг другу. Во всех одно и то же плохое. И во мне. Мое отличие от других в том лишь, быть может, что, осознав с течением времени и с великими переживаниями то обстоятельство, что плохое во мне вполне соответствует плохому в другом, в каждом, во всех и ничем особенно не отличается, кроме, допустим, степени самобичевания, присущего моему плохому, приносимому им в мою жизнь. Разница в том, что я не опустил, не расслабился, и никому не передал ответственность за себя и свою жизнь, за то, как и чем я ее наполню. Мне не легче оттого, что плох другой. Меня оскорбляет и угнетает такое равенство. Я постоянно хочу быть лучше, чем есть, сию минуту, один или среди других, в любых обстоятельствах хочу быть лучше себя – недовольство собой, вечный неприятный осадок после разговора, в котором я вел себя не так, как хотел на самом деле, после общения с другим, после дня, прожитого противно моему внутреннему мнению на то, как я должен был его прожить, – все это приметы если не самого роста, то расположенности и стремления к нему всего моего существа.

Однажды в памятном письме она назвала меня *лучшим из людей*. Им я хочу стать, лучшим человеком, и прожить хочу лучше других. Все мои силы отдаю только этому. 2 часа ночи.

18 февраля 1969

...Стисни зубы и приучайся не жалеть себя в своем одиночестве. Нужно привыкнуть к тому, что ты всегда один на один с собой. Самое страшное – надоесть себе.

18 марта, днем 1969

...Писать в этой тетради дневник решительно не могу. Какой-то этап времени отошел, а предыдущие записи лишь вызывают лишние, ненужные воспоминания. Во многом я изменился – в отношении ко многому. Да и прежний образ ведения дневника стал меня раздражать, так же точно как формой и неприглядностью этой тетради.

30 марта 1969

Неужели я так и погибну в самом начале любви, в начале таланта, в начале жизни. Похоже на то, когда чувствуешь эту подбирающуюся боль. Возможности любви и дара – откуда были они во мне? – уйдут вместе со мной. Что может быть хуже не узнать – на что ты был способен в жизни? <...>

Еще не сейчас. Год назад, 1 апреля, был близок к Богу, ~~год спустя чувствую близость~~

Я сегодня, 30 марта, умираю больше, чем на день: каждая минута этого дня для меня мера не времени, но страдания.

Умру один – а все они, кто жил возле меня, вблизи меня, останутся по-прежнему дышать и доканчивать жизнь в суете, а если я один говорю, что жить надо иначе, почему не живу (страшно сказать – не жил).

Все. Боль идет. Все.

11 ноября, вторник, 1969

Целый месяц не писал дневник и вообще не писал ничего, кроме редких писем... Утром читал в постели повесть В. П., подаренную вчера, читал, волнуясь, и очень, давно уже этого не было, захотелось писать, хотя бы только дневник. И как обычно вылилось это в поиски подходящей тетради. Однако не нашел...

13 апреля 1970

...За ушедшую неделю совсем ничего не делал, писать не получалось, отмечу только замысел «Мгновенных микроисповедей» и две прочитанных работы: «Содержательность худ. форм» Гачева и «Эпос и роман» Бахтина.

6 июля 1970

...Я чувствую потребность взяться за большое дело романа. Спасение от абсурда жизни – в литературе, в работе, в писательстве масштабном, с расчетом на долговременность книги.

Роман об университете, страниц в 500-600, необходимо компромиссный; но и эту характеристику можно обратить в достоинство, если отказаться от частной точки зрения и от позиции сочувствие-негодование.

Сначала – вопрос формы.

4 декабря 1970

Промежуток между датами вместил целую жизнь.

Ночью, с 8 на 9 сентября, в Москве, случился со мной острый приступ с обильным кровотечением, днем увезли в больницу, 4 Градскую, пробыл там до начала ноября, потом сутки в Ленинграде, встреча с Ингой П., потом Минск, жизнь там на транквилизаторах и снотворных, объяснение с родителями из-за моего решения жениться на Елене, отъезд, семнадцать дней в Москве, потом спонтанно-подготовленный отлет в Минск, где встретил Елену, уже взявшую билет на утренний самолет в Донецк, двое суток в загородном отеле, совместное бегство с намерением никогда не возвращаться более, и вот Москва, уже несколько дней живем в кредит, финансовый и жилищный. Ну да это так, информационно...

Солнцево Московской обл., 9 августа 1971

Добрался до 50-й стр [своего первого романа].

Перед сном говорили о страхе.

Сюжеты:

- (1) Библиотека для одного – старый и к-ый невозможно теперь осуществить из-за комнаты Мелькиадеса.
- (2) Персонаж из пометок на полях – тоже старый
- (3) Мусорный ящик (with head)
- (4) Роман о постоянном страхе: Страх страха – Госстрах

Общественная эволюция страха – от пещерного как источника религии – до моего века. М. б., XX один из самых религиозных периодов в истории.

Страх – человеческого – die Mutter

Не-человеческого – der Sohn

Страх, приходящий извне и внутренний, когда человек, сознательно и изощряясь, наделяет действительность элементами страшного. Неистинно страшное.

Страх, особенности, лица. Боишься самого себя, потому что *не совпадаешь*.

Самосуд – логическое завершение.

Что страшного может случиться с человеком? Страшно ли — тюрьма, лишение прав, лишение собственности, пытки, болезни, потери, — если все это еще не смерть, а если она не страшна?

Корни страха в тебе самом. Пределы его тобой обусловлены.

Смех – смерть – страх – смерть. Смех – преодоление страха. Смех это свобода. Страх, это рабство.

Манеры страха. Образ страха. Степени страха.

Мания освобождения, свободы...

17 июня 1973

Москва, Новопесчаная, 21

Еще было темно, когда Аурора разбудила меня. Постель под ней была мокрой и холодной, и я отдернул руку.

– По-моему, началось...

Еще не было пяти.

Я вышел. Спустился с крыльца на асфальт, который лоснился от росы. Птицы еще спали. Территория была обнесена бетонным забором. Сама клиника – большое, пятиэтажное здание из белого дорогого кирпича – напомнила мне школу.

Асфальтовой дорожкой я обошел здание по периметру, взглядывая на окна, часть из которых на первом этаже была целомудренно забелена.

Потом я вышел на улицу.

Здесь ходил автобус: я увидел столб с гнутой жестяной дощечкой. Но городской транспорт еще спал.

Напротив, за поржавелой оградой, был парк – старинный, запущенный, сумрачный.

Я пересек проезжую часть, нашел пару прутьев, раздвинутую кем-то очень сильным, и пролез. В зарослях отцветшей сирени обна-

ружил скамью, опрокинутую вверх чугунными ножками. Восстановил порядок и лег на ребристые рейки, изрезанные ножами в порыве посткоитальной энергии. Я был в одной рубашке, и перед восходом солнца меня охватил озноб. Я подложил сложенные ладонями руки под щеку, подтянул колени и сквозь прорехи листвы стал смотреть на белое здание клиники.

Потом закрыл глаза, но не уснул: мешало тиканье наручных часов. Не давала спать тревога. Кому же я – все еще вольный, все еще одинокий парень – стану сегодня отцом?

Отец... это было смешно.

Ко мне это было неприложимо.

Но время моей свободы истекало. Вдруг я, неожиданно для себя, стал просить Бога...

Я поднял воротничок рубашки и с усилием застегнул пуговку. Трясло меня, как на грани эпилепсии.

Во двор клиники въехала скорая, потом еще одна. Машины появлялись с промежутком в четверть часа, выгружая женщин на сносках. Приехал огромный, шестидверный «мерседес» с дипломатическим номером. Из него вышла японка в кимоно, и это меня немного успокоило: в плохой роддом рожать японку бы не привезли.

Я заставил себя расслабиться и задремал, обнявши самого себя.

В полдесятого утра вышла медсестра и огласила список новорожденных. То есть фамилия роженицы – и вес. Самый тяжелый ребенок весил 3.500, самый легкий – 2.800.

Фойе было битком: за каждую роженицу болели целые семейные общины, которые начинались принарядившимися бабками и кончались девочками. Мужчины все были пьяны – утро не утро. В одной группе, у которой родился мальчик, заиграли на гармонии марш «Прощание славянки», а в другой, где родилась девочка, стали вышучивать отца, толкая его в плечо: «Эх, ты, бракодел!..»

Были дети, параметры которых ни у кого не вызывали реакции, что означало: быть матерям-одиночкам.

Один отец стал требовать, чтобы сына показали ему по телевизору, а когда узнал, что временно не работает, стал засучивать рукава, собираясь тут же починить; его вывели во двор.

Кто-то горько плакал, сморкаясь в платок, кто-то хохотал.

Цветы всем возвращали, объясняя, что негигиенично.

У меня была девочка, три сто.

В центре, на улице Горького, я отстоял очередь за сирийской зубной пастой «Сигнал», двухцветной, красной и синей, и сделанной

по французской лицензии. Еще я купил мыло, хоть и мужское, но изготовленное в ГДР, а кроме того — зеркальце и гребешок. Заехав домой, я налил кипяченой воды во флакон еще зеленеющих на дне духов «Герлен» — чем не eau de Cologne?

Рубен с Наташей все еще спали, простыня сползла с их тел. Ничего, все будет и у них...

Я вынес пишущую машинку на кухню и настучал бессвязную записку. Такой записка получалась не намеренно, но, осознав это, я выдержал стиль взвихренности чувств.

Все это я отвез в клинику.

Дождавшись ответа, вышел во двор, обогнул здание и влез на карниз под назначенным окном в первом этаже. Кровать Ауроры стояла впритык к окну, которое не открывалось. Осторожно, напоминал я себе. Не выдави стекло... Стоя на карнизе, я дождался приноса и раздачи детей роженицам. Вот она, моя дочь!

У моей дочери было миниатюрное, но очень точно, филигранно точно обозначенное лицо, даже с выражением сердитости. Рыжеватые волосы липли к лысине.

С минувшей ночи Аурора изменилось. Живот исчез. В огромных глазах возникла глубина. «Материнская», – сказал я себе, целуя на прощанье оконное стекло.

МИЛОСТЬ ЖИМОЛОСТИ, 1977–1984

Париж, конец 70-х, без даты

Последним образом жизни, на глазах уходящей влево и в прошлое, была Берлинская стена, все это забетонированное, зацементированное, залитое прожекторным светом и автоматически простреливаемое пространство перед ней. Взгляд мой зайцем метался между этими невидимыми траекториями, пытаюсь избежать, тогда как я, один в запертом купе, держался за поручень открытого окна. Поезд постукивал по железной эстакаде над этой жуткой мертвой рекой, потом я увидел обратную сторону Стены, размалеванную граффити и никем не охраняемую, то был уже Запад, Западный Берлин, огни машин неслись по автобанам на огромной скорости, человек в одиночестве играл на рояле в своей вилле, люди сидели за ужином, и не хотелось, чтобы Запад кончился, но я знал, что до Федеративной Республики предстоит еще ночной кусок ГДР, по-

этому докурил, лег на спину, закрыл глаза. Чувство было – невероятности...

Первое, что поразило меня в Париже на Гар де Л'Эст, это полное отсутствие красного цвета. Никакого кумача. Чтобы понять мое визуальное блаженство, напомним дату высадки: 7 Ноября 1977. Советской власти, покинутой в Москве два дня назад, исполнилось бо. Но здесь по этому поводу никто не ликовал.

На выходе с перрона меня остановил патруль, два полицейских, один в штатском, который кивнул на тележку с моим багажом:

– Базука?

Отныне не бедный родственник, я вез с собой в подарок белый параллелепипед, длинный и толстый. Поскольку вопрос был задан добродушно и не без юмора, я тоже усмехнулся и вытянул из футляра конец киноэкрана. «Но. Синема!»

– Альман?

– Но. Рюс.

Взглянув на мой паспорт, ажаны успокоились, я не мог быть членом «Роте Арме Фракцион», на фильтрацию которых после убийства Шляйера они сюда были брошены, но штатский еще не готов был меня отпустить:

– Месье кинорежиссер?

– Писатель.

Теперь они все смотрели на меня с благорасположением. Экривэн рюсс. Своим недавним турне по Европе Солженицын весьма укрепил этот статус у правых сил, к которым они, несомненно, относились.

– Приехали в Париж писать роман?

Это было не совсем так, и, во всяком случае, согласно выношенным планам, Париж был только промежуточным пунктом моего путешествия на край, но для простоты дела я кивнул.

– И правильно! Здесь за роман в ГУЛАГ вас не посадят. У нас, месье, свобода. – Это слово он произнес, слегка нахмурившись и по-серьезнев, после чего сделал широкий жест рукой. – Allez-y!

Снимая тележку с тормоза, я надавил на нижнюю рейку пятками ладоней – новый для меня жест.

Париж, без даты

По эту сторону. Он рвется в небо, она в почву. Он – жить опасно, она, наоборот, пожив.

Наконец они переехали. В Бельвиль. Рю Рампонно, 21. Три комнаты на четвертом этаже.

1 марта 1978

Я натягиваю толстые шерстяные носки, вбиваю ноги в черные сабо, которые, вопреки национальному происхождению этой обуви с открытой пяткой – какому, интересно? Средневековому... внутри имеют золотую надпись Made in Sweden и куплены с никелированного лотка на рю Бельвиль за 90 франков. Сольды.

Я поднимаюсь посреди комнаты – в свитере и синих вельветовых джинсах. В сабо я чувствую я себя высоким, но непрочным. Собиют с копыт. Коровьих, на которых переходили границу задом-наперед в картине, которую видел на Невском в детстве. «Горными тропами»? Чувствую, что пересечь Париж в этой обуви можно. Но драться нельзя, останешься в носках на тротуаре. Задний ход исключен. Только вперед.

– Что ж, – говорю я, намотав за неимением другого верноподданный сине-бело-красный шарф и застегивая на нем замшевую туфурку, оставленную шурином, сбежавшим в Мадрид. – Если не вернусь, считайте антикоммунистом.

Библейские глаза мне отвечают состраданием.

Сабо гремят на лестнице, но это не самое страшное в перспективе пути через весь город на пригласившую меня «Свободу»: несмотря на носки, сабо мне передавливают подъем.

Париж, 1 сентября 1978

Позавчера вернулись из Бретани; в карманах моих джинсов еще атлантический песок. Никогда не думал, что выйду к океану. Сон... не помню, какой был сегодня сон, но как обычно это географическая смесь Союза с Западом, противоестественная и кошмарная. Перед тем как проснуться, я не знаю, что меня ждет. Я просыпаюсь в полной неуверенности относительно места моей жизни. Поэтому каждым утром Париж как возобновляющийся дар свободы. Необитаемый остров. Я боюсь разучиться языку, боюсь утратить точность интонаций. Надо говорить вслух. Вот, говорю... Язык, единственный способ выжить. Это очевидно. Свой язык. Мой. Год спустя после разрыва с гибельной родиной я все так же мечтаю написать роман, а пишу рассказы, и это страшно, разменяв третий десяток на малые формы прозы. А писать хочется, и все о любви, о том, как это на самом деле было в Союзе, не с дистанции раскаяв-

шегося грешника, а с прежним задором и безудержом. Ретроспективно засвидетельствовать о том, что мы все-таки жили и были. Меньше, как можно меньше «жизни», и как можно больше работы.

Франция, Монтрей, 28 декабря 1980

Если я вновь, после перерыва в 8 лет, полон решимости вести дневник, то только потому что ощущение связанности достигло в эту рождественскую неделю апогея невыносимости. Мне просто необходимо снова увидеть себя в честном зеркале дневника, который оборвался давным-давно, еще в СССР. [Почему?] Я предпочел диалог монологу, вот и все. (Какое горькое наслаждение, однако, предаться автобиографизму, который Томас Манн назвал «аристократическим», подозреваю, для самоутешения.)

Туман после полудня не рассеялся. Побаливает голова. Ломит поясницу. Душа полна горького дыму. Скоро мне 33. Так странно: я все еще живу, все еще существует во мне тот сомнамбулический и пылкий подросток, который так рвался из дому: хоть куда, хоть побродить по мерзлой свалке в январский вечер. Я не люблю своей «юности». И «зрелости» тоже не люблю. Отрочество — вот моя естественная эпоха. Когда на морозе сердце омывал ключ кипящей крови. Я не могу сказать, что так называемая «жизнь» меня обманула, потому что те мои экстатические моменты не имели ничего общего с «обдумыванием житья», это было просто предельное напряжение души перед тревогой, перед зиянием, жутким зиянием будущего.

(Когда раньше я вел дневник, я часто, конечно, эпигонски, а ля Толстой, адресовался к «Господу», «Отцу» и т. п. Сейчас, чувствую, запись не ищет вывести меня за границы «меня», если мне в себе и не уютно, не комфортабельно, то все же как-то стало самодостаточно. Сам себе собеседник. Можем остановиться на углу улицы в дождь. Можем насладиться друг другом и в полном бардаке. Прогресс, явный прогресс в саморазвитии...)

Не вполне понимаю, что я хотел сказать посредством вышесказанного. Во всех предложенных мне этой реальностью ролях я — к 33-м — оказался одновременно несостоятельным и преуспевающим. В качестве писателя могу уже полировать свой саркофаг (но пусть лучше он останется пустым). Кстати, раз уж об этом речь, сегодня мне приснилось, что дали мне премию, одну из 70 французских премий, с каким-то чрезвычайно маргинально звучащим названием, не могу вспомнить, но там вроде бы в названии «Теофраст»

монтировался с цифрой VI (этак мелко, мелко, по-западноевропейски). Книга моя была опоясана алой бумажкой. Я (во сне) делал вид, что предаюсь ликованиям, на самом деле мной владела привычная ироническая тоска, но от чего? Не от того [ли], что премия была (отрицая свою этимологию) далеко не первостепенной? Вот в чем вопрос. После изнурительного дня на пару с Эсперанс, с дочерью, мятежно проявляющейся на заднем плане, после дня, а также части ночи, посвященных болезненной проблематике сексуального освобождения (не менее чем!), несколько неожиданно было увидеть сон о литературе. Вообще что-то увидеть. Последние годы мной владеет «лирическая амнезия, попростому говоря, отшибло как-то память на сновидения.

Но как приятно это занятие, дневник! Как славно медленно, но, верно, с нарастающей верностью, погружаться в субъективное, индивидуальное болотце! В таком гнусном настроении садился, а вот чувствую, уже прояснилось, разгулялось на душе, и море жизни по хуй мне...

В тот же день

– Ты освобождаешься только через агрессивность. Я аристократическая женщина. Подпольные страсти мне скучны, – говорит Эсперанс, играя на гитаре свою, пожалуй, единственную мелодию, которая, можно сказать, сопровождает ее в этой жизни (из Пако Люсиа).

– Дневник пишут для самоутверждения, – говорит она. – Это маленькое «я», которое подпрыгивает: «Я! Я!..» А роман – это правда. Это – подсознание...

– Я живу для литературы. Для чего же живешь ты?

– Для кайфа. Для того, чтобы чувствовать себя свободной.

– Почему ты тогда живешь с погибающим писателем?

– Я не считаю, что ты погибающий писатель.

– Отсутствие материала для письма, пищи для размышлений, огня вдохновения, который возгорается из дружеского общения с себе подобными, разговоров о литературе, и проч., есть моя гибель как прозаика.

– Ты прекрасно знал, что, уезжая, ты выпадаешь из своей литературной среды.

– Ты мне ту среду тоже запрещала, так что ничего я не потерял в этом смысле. То есть, став жить с тобой, я изъясил себя из оборота в литературной среде.

- Ты тоже перестал пить.
- С Эпштейном мы пили мало, но говорили сутками напролет.
- Против Эпштейна у меня никогда ничего не было, я была против походов в ЦДЛ, откуда ты возвращался пьяный. Я изъездила тебя, чтобы ты написал свою первую книгу. Потом изъездила еще раз и посадила за французский стол, чтобы ты написал свой первый роман.
- Но вот я изъезженный – и что?
- Ты изъезжен не мной, ты изъезжен обстоятельствами. Я не виновата, что тебе пришлось, чтобы писать, уехать от Эпштейна и от других людей, которые тебя подпитывали. Не я отняла твоих друзей...

Париж, рю де Пуату, 11 декабря 1981

Смотрели с Э. по телевизору «Вкус sake» Озу. При этом я вспомнил, что Матусевич, чья третья жена – кореянка из Сеула, говорил о том, каким островочком воспринимается Европа, глядя оттуда, из Азии. Сходное чувство я испытывал в Таджикистане, когда Эсперанс была в Париже, особенно ночами.

Вышел после фильма на желтую кухню, сел перед машинкой и услышал – был второй час ночи – как ебут француженку. Открыл окно. Еблй внизу, в пристройке. Его словно бы и не было, полное акустическое отсутствие, а голос девушки, значимый в каждой синкопе больше, чем в двух самых тривиальных (но воспринятых мной как откровение) фразах: «Люблю, люблю» и «Как хорошо», которые возвращались, как будто голос был колесом, рулеткой – вот именно, и у меня было чувство, что я поставил все, что у меня было, все свои почти 34 годика, и, чтобы не узнать, что мимо, что промахнулся я, я закрыл окно наглухо.

Вот он я – по сю сторону случившейся со мной жизни...

И все это случилось, и Россия с вкраплениями советизма, словно бы не со мной. Вот я сейчас пишу, чтобы избыть слегка и чтобы легче стало, но внутренне как будто плыву в ночи над жуткой глубиной: и назад, нельзя, и вперед вряд ли доберусь. Присутствие скорби.

Сегодня была Анна Валь с началом своей рукописи. Читал я, скрывая угрюмость, и раздражительную ностальгию: через месяц у нее будет Япония, и советский опыт она завяжет в мешок своей книжки. Для нее это период. Одна из тем жизни. А для меня и Франция, в которой вот уже четыре года сижу за всё лучшими машинками, темой не становится и не становится. Не чувствую я ее. Презираю

я ее «милость и жимолость». То есть, за вычетом всего позитивного, в конечном итоге все же отрицаю.

Да и вообще ничто во мне уже не достигает неопровержимой самодоказуемой чистоты восхищения...

Господи! Без любви мне угрюмо, а стоит ей омыть меня, прихлынув на второй странице, как хоть волком вой. Неужели я все уже потерял? Всё еще живо, все, и мать, еще живые, можно дозвониться, некий баланс всеобщего, кроме бабушки, умершей в Ленинграде на моем втором парижском году, – но уже отрублено госграницей навсегда. И отравлено смертью. И я – я тоже тронут некрозом эмиграции. Хотя и больно, очень больно мне это сознавать...

Эсперанс сделала сегодня завивку и купила алые замшевые сапоги на средне-высоком каблуке. Ей 35. «Как же я такие смелые сапоги себе купила?» – безответно спрашивает она себя со вздохом – в то время, как я перед тем как погрузиться в черные (сатиновые, а не метафорические) простыни сна, смотрю на себя в зеркало: как же мама любила такого?..

Впервые эти стихи Ходасевича я прочитал в Минске, в Библиотеке имени Ленина, имея от роду лет 16 и грандиозные претензии к своей жизни. Чего-чего, однако, а эмиграции не предполагал тогда. Во всяком случае, не дальше Москвы.

Париж, Пасси, начало 1982

1. Сент-Уен – бульвар Понятовского – Бельвиль – Монтрей – Марэ – Пасси – и все это начиная с ноября 1977, то есть за четыре с половиной года. Избыток Парижа. Перебор.

2. Воистину: география моя запутана.

3. В моей жизни вообще нет ничего однозначного, простого, прямолинейного: и формула крови, и жена, и путь. Будто кто-то нарочно закамуфлировал от меня – для неузнаваемости? или в порядке защиты? – первоэлементы. Я не ропщу. Я бы не поменялся с тем мудрецом, который познает мир не покидая двора.

4. Наши герои проще нас. Через них мы себя изъяснить не можем.

5. Я сегодня читал главы из нового романа М. Ему, должно быть, мучительно неловко в процессе письма. Подозреваю, что писать ему вообще мучительно, потому что ему стыдно – это чувствуется – обнаруживать себя таким, как он есть. В глубине души он отдает себе в том отчет, но на поверхности выдает труд стыда за муки слова. Самое печальное в его «романизированной биографии» то, что он трусит дочерпнуть до последней правды, отчего, возможно,

презирает себя. Человека добросовестного наедине с собой видно сразу.

6. Исчерпанность современных форм письма. Опрощаться – стыдно, искать адекват – страшно. Компромисс – вот источник современных книг.

7. Никогда не считал я Э. Б. за «великого», даже за «крупного», даже за способного лично мне что-нибудь дать писателя. Он сам персонаж, раздувшийся беллетрист, почти графоман, если вглядеться с холодным презрением – просто позор.

8. Я выехал не за карьерой в духе Э.Б., а ради возможности найти адекват. Поэтому от атмосферы мне тошно. Но этот рынок не заслуживает, чтобы его испепелять, поэтому мое отчуждение – верно. Неверно только то, что не выразил достаточной иронии по поводу навязываемого мне статуса «французского писателя»...

Париж, без даты

После ужина с аксессуаром из грибов Сен-Клу мне приснился сон: неизвестно как, но я оказался в Союзе. Летний жаркий день, пустые пространства на юго-западе Москвы. Киоск. Я прохожу и возвращаюсь, заметив на прилавке стопку «Нашего современника». Это – мартовский номер, уже вышел, но до Запада, где я только что прочитал февральский, еще не дошел. Я читаю оглавление, журнал еще интересен моему западному видению. У киоска еще один гражданин, в очках, рубашке с короткими рукавами, в мятых брюках и туфлях на босу ногу: вышел по соседству. Типичный потребитель еженедельника «За рубежом». Он кликает меня по имени («Сережа»), когда я отхожу, произносит нечто благожелательное, вроде того, что «так держать!» Откуда он меня знает? Неужели за мной уже следят? Но потом я догадываюсь, что он узнал меня по г о л о с у, по фразе у киоска «Союзпечати»: меня – благодаря «Свободе» – знают в СССР.

Париж, «Олимпиады», 29/30.8.82

...Бог мой, неужели я уже спокойно отношусь к тому, что чудо моей жизни, то, о чем я горячечно мечтал в снегу на окраинах заводского района, в провинции, в СССР, на самом дне, – не состоялось? Чудо: способность все почувствовать, все принять – и вернуть преобразенным собой. Я так рано ощутил в себе эту мощь – вернуть, могучую силу благодарности за счастье жить, благодарности Богу, и это было так естественно! Почему я не вижу с тех пор этого

– моего – ни в ком? Все ведь Богом избраны. Не вижу. Все не то. И что я могу себе посоветовать? В снисходительности к ним, ко всем, делать свое, осознанное там, на дне, дело – славить Господа моего, славить, находя Его сквозь пелену бессмыслицы и отупляющего ужаса повседневной жизни, славить – и за ужас... Искать Его. Он исчез, заволокся. Но Он был – и я его знал. Это главное. Вернуть Бога. Вернуться к Нему!

Если Бог, это Творец, то личная борьба – и всеобщая – должна вестись за осуществление, сохранение или возвращение обратно вложенного в меня, в нее, во всех нас творческого начала, порыва созидать, создавать, порождать из ничего – всё, из уныния – радость, из убийственной серьезности и принужденности – веселую игру. С Богом возвращается веселость, и необходимо вырвать ее у Дьявола...

(Спасибо за момент сознания).

Париж, «Олимпиады», 15/9/82

...Беда дневника в том, что вместе с дистанцией пропадает снисходительно-ироническое отношение к персонажу. Другим не судья, я начинаю судить себя...

Париж, бульвар Араго, 29-30 ноября 1982

...телефонный звонок: умер Казаков. 29 ноября 1982. В Абрамцево – под Москвой, в России, которая реальна только тем, что там еще живут любимые люди, но бабушки уже нет, и она умерла без меня, оставив по себе зияние пустоты. И вот еще одна дыра, и это не Казаков, это я, я умираю, тупо глядя на новенький кнопочный телефон, бесплатно установленный государственной компанией РТТ. Все в жизни медленно: тянется, тянется. А потом...

Как писатель, он умер намного раньше; быть может, он уже агонизировал в момент нашего знакомства, потому что в том декабре, когда я видел его последний раз, он уже сознавал, что родиться не сможет. На это у него уже не было сил.

– Кто это? – спрашивает Эспе.

– С работы, – говорю я, глядя на ее ступню, узкую, теплую, с всегда неожиданной родинкой, которую я целую прежде чем укрыть ступню одеялом. – К двум нужен материал...

– Сделать тебе кофе?

– Сам сделаю. Спи.

Выкатываюсь из постели, встаю, плиточный пол в сортире ледяной, в зажигалке газ на исходе, и я чиркаю несколько раз, прежде чем зажечь газ, а потом, запивая кофе первые затяжки, ознобливо проясняюсь – лицом к лицу... В шестой, нет, в седьмой раз сменили в Париже адрес. На этот раз попали на бульвар Араго, XIII-й. Трехкомнатная квартира, четвертый этаж углового дома, где кафе «Марижан». Меблированная: 20-е годы в спальне, тоталитарные 30-е в столовой, начало 50-х в детской... 2700 в месяц.

Переписав свой некролог, отправил его в Нью-Йорк, в самую старую газету эмиграции «Новое Русское Слово», добавив в сопроводительном, что от гонорара, разумеется, отказываюсь. За статью там платят долларов 30. Теперь, с падением франка, на эти деньги мы могли бы протянуть три дня. Мог бы купить дочери новые сапоги взамен старых, вернее, купленных только в октябре, но уже запросивших каши (а недешевые были, в магазинчике детской обуви напротив «Галери Лафайет», за 400 франков, итальянские, но оказались – говно). Мне не 17 лет, а скоро вдвое больше, и давно я уже не начинающий и трепетный, я уже сильно тронут цинизмом профессии. Но, кажется, еще не изъеден весь.

Париж, бульвар Араго, 26 сентября 1983

Вот об этом и роман: АГОНИЯ ЛИЧНОСТИ под напором нивелирующих сил. Позиция свидетеля апокалипсиса, как у Селина в «Ригодоне». В любом социуме. Против тоталитаризма может работать равная ему сила – отсюда тема «тоталитаризации» демократии...

ЧЕЛОВЕК С ГОЛОВОЮ СВИНЬИ, 1984–1995

Мюнхен, середина 80-х, без даты

Ты слишком много куришь. Ты тоже. Да, но я хотя бы это сознаю, пытаюсь бросить. Три-четыре пачки в день на двоих – это все же 12-16 марок. Ходим, как клошары, прокуривая в месяц по костюму с Максимилиан-штрассе. Да. Трудно. Не невозможно, но трудно. В детстве нас не любили – поэтому.

Ни детства, ни любви не вернуть. Брешь в семейном бюджете не самое страшное. Представь себе наши спекшиеся легкие. Сужение сосудов. Во что мы превращаемся. А почему? Почему мы не выдер-

живаем без сигареты длительность времени, давление бытия? Психологическая хрупкость. Нежизнеспособность. Солженицын, тот бросил курить.

Потому что у него надличная цель. Потому что он сознает себя орудием Господа. Его карающим мечом.

Давай лучше книгу напишем.

Давай. Про что?

Про нас.

Для чего?

Просто так. Досье на нас лежит, по крайней мере, в пяти разведках мира. Пополним его. А заодно и для себя кое-что выясним. Делать все равно нечего. Блокированы со всех сторон.

Давай. Только самую суть.

Суть, она прежде всего в нюансах. В деталях. С чего начать? С предпосылок. Как в старом добром семейном романе. Филдинг, да? Или со «звона колоколов», откуда Толстой советовал начинать семейные романы?

Мюнхен, май 1986 – после Чернобыля

Этой ночью Эсперанса писала, а на работу вставать ей в 6. Сейчас, вернувшись, она спит. Ей 39. Мы еще живы. Мы еще вместе.

Три недели назад машина сбила Тай-Тая. Это было как раз в тот день, когда уровень радиоактивной зараженности в Мюнхене достиг наивысшей отметки. Когда дочь его принесла, я пришел вне себя от ярости. Я думал, у него сломано ребро. Но минут через двадцать, в такси, он умер. Когда я открыл сумку, я увидел, что привезли мы уже мертвое тело. Но я не поверил. Его шерсть, дымчато-серые завитки, были, как живые. Потом я помог сестре уложить его в прозрачный полиэтиленовый мешок. На дне сумки, у шва, еще было немного кровавой пены. Я вытер простыней следы его агонии. Простыню я отдал сестре, а сумку взял обратно. Дочь, всхлипывая, отрезала клочок у него с бока, и я положил его под пластик своего портмоне. Я вынул бумажку в пятьдесят марок, и сестра вернула десять марок сдачи. Мы вышли – я, дочь и две ее немецкие подруги. Двенадцатилетние дылды ростом с меня. На улицах были одни мы. Был полдень, фён – и наивысший уровень радиации. Мы остановили такси, это был тот же старик, который вез нас в клинику, но на пути туда мы были полны надежд.

Через два дня в Баварии радиоактивность спала, но повысилась в соседней земле Баден-Вюртемберг; и именно туда, под Штутгарт, отправилась Эсперанс, чтобы привезти щенка. Он тоже ласса-апсо – тибетская порода. Маленькие собачки с рыком льва – так они называются – выведены для внутренней охраны буддистских храмов. Мы долго искали ему имя. Наконец дочь сказала: «Робёр».

Сейчас Робер спит в ногах Эсперанс.

Обречены ли мы на рак щитовидной железы, или на лейкемию? Не знаю. Но они достали нас и на Западе. Всю Западную Европу в целом, и нас в том числе, беглецов.

Ничего. Ничего...

Франкфурт-на-Майне, вокзал, 7.10.1986, 2 часа ночи

До отхода поезда на Дармштадт еще 2 с половиной часа.

К счастью, меня еще пропустили на вокзал – очень существенный момент. Немец перепроверил мои сведения, но впустил, благо вид у меня еще не вполне опустившийся. Борода, правда, но с зонтиком. Хорошо, что купил сигареты.

Итак, франкфуртский вокзал ночью. Ву night, так сказать. Это – не опыт большинства. Но и не меньшинства также. Это опыт одиночек. Таких, как я. Под огромными сводами вокзала всего 7 человек (в момент взгляда).

Малайка, взглянув на меня, приставила палец к своему виску. Видимо, я произвожу впечатление. Я думаю.

Ничего. Плохо, что сапоги промокли и ноги липнут. Боюсь, что разносятся.

Прошли двое полицейских, но пишущий я не вызвал у них подозрений. Пишущий — безобиден...

В России вокзалы гуманнее, там есть скамейки. Здесь ни ***, кроме точек опоры.

Мюнхен, без даты

«Деревенская проза» – это 5-6 карликов с солженицынской бородой. Vologda connection. С. – дитя факультетов славистики. Русский фашизм – наиболее дремучий из всех существующих. Фашизм вечных суворовцев, «кадетов». Недомерки на службе у Главпура. Култ смерти, сверхнасилия, замороженность. Кузнецов, – кующий сверхдурака. «Либералы» – «человеческое»...

20 лет после 17-ти. Кошмар. Вся жизнь...

25 января 1992

Дома! На том же диване, где все это началось 7 января. Живой. Конвалесан. Еще Эспе привела латиноамериканскую поговорку, ради которой я и взялся за перо. Трусливые люди срут два раза.

МАТЬ ГОРОДОВ, 1995–2004

Прага, 25 сентября 1995

Жестом Богарта снимать крошку табака с губ.

Мне все равно, я все вставлю в свою книгу. Какую? Я пишу роман...

Перед отлетом за границу:

Скажи что-нибудь хорошее, но оба не знают что.

Прага, Водичкова 39, 8 июля 2002

Так мысленно я называл основной тот фактор нашей общей жизни, не видя при этом ничего конкретного. Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй. Стих 18 века, где обло значит тучно, озорно – нагло и пакостливо, а лайй – лающее. Револьверный лай его к моим временам слышен не был, но обло оно было на всю без малого одну шестую земной суши – если говорить только лишь о сфере легального влияния.

В страшном сне представить себе не мог, что это чудище откроет на меня все свои пасти сразу. Как я смог его так разъярить? С единственной книжечкой, с интересами сугубо интравертными, с фамилией, которую и выговорить с первого раза в этой стране никто не мог?

Отнюдь не Солженицын.

«Он не был другом моего сына! Они просто учились вместе! Он просто к нему заходил!» — повторяла в предсмертном бреде мать москвича Миши Э., о чем он рассказал мне перед убытием в Америку.

Мое дело было на контроле у Андропова, так что телодвижениями ограничиться они не могли. В Минске допрашивали мою мать, добиваясь, чтобы она написала им заявление с просьбой вернуть сына. В Ленинграде допрашивали мою сестру. Что же говорить про столицу, где я прожил последние десять лет и где, за несколько месяцев до моего отъезда, меня приняли в Союз писателей СССР. В Москве таскали на допросы всех, с кем я пересекался. Что они могли показать? Отголосок этих травм я услышал в публикации Б. Хо-

лопова, своего начальника по отделу публицистики журнала «Дружба народов». В своих мемуарах, в том же журнале опубликованных, он упрекает меня за раздвоенность – якобы им, шестидесятникам, не свойственную. Что ж, не поверял я ему свои чувства к коммунизму.

Двадцать пятый год, как я уехал, но только сегодня утром 8 июля 2002 года поэт К., живущий теперь в Ганновере, добавил еще один пазл к ретроспективно невероятной картине последствий того выбора, который я совершил в 1977 году.

К., знакомый и сосед по последнему дому в Москве, напомнил, что это ему я оставил ключи от своей квартиры. Он принес туда свою машинку, водил девушек. Он работал на даче, когда услышал по Радио Свобода (приемник он слушал постоянно) мое заявление. Первой мыслью было: ключи! Что делать с ключами? Он поспешил в Москву, но дверь моей квартиры открыть не решился, позвонил к моему соседу, главному редактору «Советише Геймланд». «Вы уже знаете?» Редактор знал. «Я машинку хотел забрать...» — «Вас уже опередили», – ответил редактор, которого уже опросили (но показать он ничего не мог, поскольку мы, новоселы, знакомы не были). Не знаю, как с его машинкой, но мои ключи, которые жгли ему карман, К. в конце концов сдал Юрию Верченко, который в Союзе писателей СССР представлял и ЦК КПСС, и КГБ. Верченко поразил его своим веселым цинизмом: «А холодильник у него там есть? А кровать?». Не знаю, использовалась ли моя квартира в качестве «хаты», но из КГБ к К. воспоследовал звонок. Его пригласили, он отклонил. Тогда к нему домой явился полковник с фамилией, которая запомнилась ему как «Котеночкин», нечто ласковое, да и сам визитер был не страшен – кругленький, лысенький. Но, видимо, убедительный: последующие встречи КГБ с К. проходили на площади Дзержинского. «Ваш бывший сосед активно выступает», – сказали ему, предлагая участие в планах по умерению моей активности. Написать открытое письмо. Предложили даже командировку в Париж для встречи и беседы по душам.

Такой возможностью увидеть Париж К. не воспользовался.

«Так ты за эти годы так и не разу там не побывал?» – «Нет». – «Может, и правильно...». – «В начале 90-х, в Питере, – сказал я, – повесили сына моей крестной. Уже при Горбачеве. Аполитичный юный инженер...»

К. у себя в Ганновере на это помолчал.

«Зуб у них на тебя большой».

Прага, начало 2000-х

Они снова пришли ко мне, в мой бархатный куб, – встревоженные духи «матери городов».

На этот раз целой делегацией. Парацельс с Целетной, Леви... Тоже и Моцарт — впрочем, по праву.

Смутные времена. Транзитные. Что-то кончилось, что-то не началось. Шумы и ярость идиотов. Вторжения, захваты, оказания братской помощи, экспорт революций и формаций, в марксовом, то есть, смысле... Удары фронтальные, удары в спину. Я увидел полковника Рыбкина, супруга будущей детской говнописательницы, но пока еще тоже агентессы, я увидел его простреленное тело на обочине шоссе, и это означало, что устранен полковник был не классовым врагом, а коллатеральным процессом борьбы с космополитизмом, начавшимся далеко к востоку, в «столице зла». Триста! Я увидел месяц своего рождения, месяц гибели отца во Франкфурте-на-Одере, но бодрый январь надежды, и этих крепких ребят, выскакивающих из вагонов московского экспресса на перрон Хлавни Надражи. Три сотни. То, что «сделает разницу» в предстоящем выборе маленькой страны между двумя вариантами «светлого будущего»... На самом деле, конечно, они прибыли не только поездом, и не одним составом, все было тоньше подготовлено.

Или вот из нового...

Нет, я не большой поклонник Швейка, не надо делать выводов. Моя задача – помогать Америке. Собственно говоря, это должно быть задачей всего прогрессивного человечества. Проблема в том, что эта помощь для своей реализации иногда находит затейливые пути. По-русски говорят об этом коротко и ясно. Но русский я постольку, поскольку я американец. Непонятно? Гарант «русскости», как и любой другой национальной узости, ограниченности и сектаризма, – это все та же Америка the beautiful, наш упор и взлетная площадка в иные миры...

ВСЕГДА ВЫБИРАЙ НЕИЗВЕДАННОЕ, 2005–2013

Бруклин, Шибсхедбей, 3 марта 2005

«Я раздавлен, отхаркнут Временем – и упиваюсь своим ничтожеством». Не обо мне слова Чорана? Они датированы. 13 января 1963.

В тот день... Я был накануне 15-летия. Зимние каникулы. Заводской район.

Не могу вспомнить, какое в точности число, но точно, что пятница... 3 марта? Разбужен был около 7-ми звонком Ю. Перед сном я усмехнулся при мысли Чорана (которого вчера приобрел в магазине «Черное море», где стоят мои старые книги в количестве трех) – согласившись на встречу с кем-то, он немедленно стал чувствовать потребность его убить. Усмехнулся, поскольку подумал о Ю., к которому должен был ехать с утра. Звонков было много, засыпал и просыпался, и кончил тем, что даже проложил по карте путь к Penn Station. На ночь глядя. Чтобы не заниматься этим утром. И все напрасно...

Кинутость. Вот, что я испытываю в Америке к исходу первой недели. Последовательную. Чувство намного острее, чем в Европе... Но что делать? Как-то надо прожить этот день, а у меня нет иных идей, чем снова пуститься в прогулку к Интернет-кафе на Брайтон Бич. Час туда, час обратно. Кофе в том кафе нет. Когда я выразил удивление по этому поводу, молодой человек меня не понял. Там, сказал в окно, делают прекрасный турецкий кофе. И добавил: «А здесь нерентабельно. Пока». Я же имел в виду пражские Интернет-кафе, с которыми познакомился, благодаря М., ежедневным посетителем того, что на Пшикопе, и все это в лоне тысячелетней культуры...

Не заснул. Читал Чорана. Холодно, ноги стынют. Взял телефон позвонить П. – **й. Заплати... Источник энергии только в камере, и я обратил его на себя, сделал три снимка, каждый раз обмирая от жути, что это – я, я – который в НЙ...

«Уютные брауниз, джентльмены на углах в верблюжьих пальто»... Все можно и должно оспорить, пишу я [в ответ на эти утешающие слова Саши Кабакова], проснувшись около 4 дня. В сигарете Parliament ultra lights попался «дубок». Кто бы мог подумать. Нет, курить можно только Marlboro Lights. Хотя Чоран к моему возрасту бросил. Тоскуя при этом по глотку кофе и затяжке. Собраться и выйти. На это ушел весь день, сейчас пятый час... St East Brooklyn. Это, где я живу. Sheepshead Bay. В местных русскоязычных газетах спеллингуют так, что звучит по-турецки – Шипсхедбей. Залив Овечьей Головы? Газеты: яблочные полифенолы сжигают жировые отложения на животе... Прочитал «Расширение пространства борьбы». Сосут не нам, все верно. Но надо позаботиться о себе.

Выйти за сигаретами. До угла., затем налево по Avenue Z. «Зи» – говорят здесь. Купить там заодно газету. Иногда мне кажется, что не было более тупого поступка в моей жизни...

Воскресенье 7 марта 2005 (снова ошибся: б!)

Был в верхнем Бруклине... Обратно с компьютерном грузом довез ливанец на лимо...

После пасты внутренне тот же комфорт, когда я завертываюсь с головой в якобы верблюжье одеяло с изображением тигра, прикрываясь сверху шерстяным (с изображением лани). Все та же мамма. Господи, прости мой эгоизм, но как мне повезло, что мама жива и в свои 84 исполнена жизнью!...

8 марта, вторник? 2005

...Что, выпался? – Нет, отмучался! <...>

Несмотря на включенный ФМ, болтающий по-американски, снятся ушедшие из моей жизни люди. Проснулся первый раз с глазницами, полными слез, которые почувствовал, перевернувшись на спину... Basement. Не совсем подвал, но потолок я трогаю рукой повсюду. Чтобы не зазнавался и много о себе не думал, мир послал мне газету с рецензией на только что вышедший в Америке роман Мосли «Человек из бейсмента»... Пока я собирался, началась такая пурга, что я отменил не только «бесполезный» выезд к П., но и поход в Интернет-кафе «Кибер Парадайз» на Брайтон Бич...

Вашингтон, ДиСи, 15 апреля 2005

Прохожий в зеленой спецодежде поднял голову – происхождение не читается. Джунгли Амазонки?

Пятнадцать минут на метро до Белого Дома.

Как оттуда видится страна Россия?

4/16/05, 01:34 am

...В бруклинском бейсменте думал, что умру. Впервые в жизни спал ниже уровня земли. Читая на ночь, разумеется, Чорана. Согреваясь, вспоминая Эдуарда в лефортовской камере, отжимался под огромным постером “Ночное кафе в Арле” – больше ничего в гостинице не было, пока не перекатил оттуда стол из кухни, где от холода за компьютером ноги отнимались...

30 апреля 2005

Друг по телефону сообщает, что первые месяцы в Америке были радостью цвета, хроматической эйфорией – после Союза. Мне же после почти трех десятилетий в Европе печально не хватает оттенков, нюансов, пастельных тонов. Тревожит, что не понимаю смысла, скажем, за этим мрачно-желтым колером таксомоторов, школьных автобусов... но ведь должен быть? ОК, когда в Париже я вознамерился приобрести одеяло для Сью, нашей бесплатной постоялице, и спросил насчет предпочтительного цвета, девушка сдавлено произнесла: “Lilac”. При этом по-американски честно зардевшись. (Сейчас листаю журнал *Woto* и вспоминаю, как беспощадно боролась Сью со своей ориентацией, заданной в престижном университете; о, то были времена... Обложка журнала, впрочем, в бледно-зеленых тонах). То есть, в этом смысле мне понятно. Но автобус, развозящий детей? Кстати, один недавно врезался, двое малышей погибли... и, глядя на фото безутешных родителей, я спрашивал себя, нет ли тут умонепостигаемой связи с цветом, – а он глубоким тоном еще угрюмей, чем такси... Конечно, традиция, конечно, хроматическая оппозиция Атлантике... Что же касается интерьеров, я бы все последовательно перекрашивал в блан-кассе, соответствие которому здесь, видимо, *off-white*. Но заикнувшись об этом, был не понят.

5/20/05, 08:39 pm

...Одна из трагедий чистого невозвращения – ни от кого еще не слышал, – что твои люди не уходят. Ты не был на похоронах. Не проводил в последний путь. Не знаешь точно. Поэтому они с тобой. Весь сонм. Импликации многообразны; иные, благодаря твоему отсутствию, упрямо продолжают жить, тогда как сам ты, не смотря на седеющую эспаньолку а ля Троцкий, переходя из страны в страну, а с континента на другой, пребываешь в вечно подростковом...

6/12/05, 01:18 pm

Jouse Carol Oates: “Проблема заложена в самой природе дневника. Если я стану говорить правду, эта правда, скорей всего, будет пустишной. Если не дезорганизующей, смехотворной, угнетающей в своей тупости. А если я не буду говорить правду, я утрачу интерес письма”.

6/25/05, 08:29 pm

“На Запад податься, что ли?” – мысленно спросил у самого себя и начал вдруг смеяться. Не до истерики. Умеренно. Спеша оправдать себя же тем, что в виду имел Сизтл, штат Вашингтон, что там еще... Да. Прибежавший на Восток.
К вопросу, с которого все начиналось жизнь назад.

9/1/05, 08:06 am

Наслушавшись в Европе про географический идиотизм американцев, первое время так и отвечал – что из Европы я. Смотрели, как на придурка. Самые неожиданные люди каждый раз просили конкретизировать. Даже этот мулат, латинобандит. (Или он из Мозамбика?) С другой стороны, слыша, что я из Чешской Республики, из Германии, из Франции одновременно, будучи к тому же русский писатель с «финляндизированной» фамилией, не говоря о прочем, – никакого удивления. Поэтому в Америке чувство, что я – в порядке вещей.

11/23/05, 10:29 pm

Разве что снег пойдет, оговорился в шутку, поскольку всю светило солнце. Но вышел к семи вечера – идет. Искрится. Все равно пошел. А сейчас всю метет. Сделалась зима. Так-то господа. Это вам не падение коммунизма предсказать.
(в чем, кстати, тоже не совсем ошибся)...

12/15/05, 11:08 pm

Другу-диссиденту (отчески-строго):
– А ты хорошо подумал? Америка без нас обойдется – без любого из нас. А вот мы без Америки...

12/19/05, 08:43 pm

Год был еще тот. Но пережил... Ужели? (1) потерю четвертьвековой работы со всеми импликациями, включая экзистенциальный ужас от низоподлости коллег (2) потерю Старого Света (3) иммиграцию в Америку (4) Бруклин и брайтонскую подлонизость (5) сумел, однако, не возненавидеть НЙ (6) штат Массачусетс (7) потерю и обретенье дружанов (8) <...> (9) двух Кать и Машу с convertible (10) пять компов и шесть смен Операционной Системы (11) с потерей и частичным восстановлением написанного кровью (12) обретение ЖЖ с его серьезно-проникающими чувствами (13) <...> (14) <...> (15)

локальный интернационал на 2,500 юных звезд, которых являюсь ходатаем в столице США, которую также пережил (16) романы «На крыльях Мулен-Руж» + «Суоми» (17) рассказ на 40 стр. «Ива Джима» (18) несколько статей (19) плюс массу поебени вроде перечисленной, но не запомненной... А главное – что мама жива-бодра. В наступающем 85. (Или 87 – поскольку там недовыясненность даты рождения... Все у нас правильно. Как надо. Как должно быть)

12/21/05, 09:57 am

Почему в Париже не остался? Клаустрофобно стало. Все якобы познал. И любопытство. Ветер, ветер странствий... Да вот и друг мой Жорж, уже под 80 было, до мозга костей паризьен, вдруг взял и переехал в Экс. Но долго там не выдержал. Обратнo вернулся в Латквартал...

Я выдержал.

12/21/05, 10:32 am

Не едут... Между тем, стал думать, почему остался за пределами. Миллион тому сошлось причин. Но одна из них, что русские, которыми неизменно восхищаюсь, казались дубоватыми. Прошу прощения. Слоновокожими. Тоже не так. Власть тьмы – непросветленности – в отдельно взятом. Нет, не пугала. Напротив – что вы. Но были трудности коммуникации. А ведь как будто русский тоже. Советский – говоря точнее. Часть того сброда, который ужасал Астафьева. Но без меня стал сброд не полон.

12/21/05, 03:37 pm

Список ностальгий, пережитых в порядке утрат:

– По Германии (фантазмагорической) – По Ленинграду – По Черноморскому побережью (спорадически) – По Прибалтике – По Западной Белоруссии (отсоединенной) – По Ленинским горам – По Бретани – По Парижу (и тут считая по аррондисманам) – По Толедо – По позднеосенней ФРГ – По Праге – И вот теперь отчасти по НЙ Сити.

12/24/05, 09:58 pm

Дружбан подъехал

Э. позвонил (был Якобсон, но такого, как Э. здесь не было). На 11 часов «Амтрак» опоздал из Алабамы. Невероятно. Последствия как бы Катарини. Молод и взвинчен. Но не мальчик из МГУ. Заслу-

женный профессор. И где-то так звучит. Все это значит: завтра вздрогнем.

12/27/05, 12:33 pm

Afterwards

С подъемного крана, что в поле зрения, сняли Вифлеемскую звезду. Остался реять звездно-полосатый. Стрела перемещается – уверенно, бесшумно. Вдохновение, ты где?

2, 4-5 декабря 2013

Риджвуд, Нью-Джерси.

Из монологов Маши за рулем:

- Имея кресло с подогревом спинки, не говори, что у тебя открылась анахата...
- Я его не допоняла, а он себя не дообъяснил...
- Всё должно быть сказано. Всё. В другой, в бессловесной жизни, этого шанса не будет...

Materials and Discussions

Гасан Гусейнов

Из Ковидного дневника – год первый

From the Covid Diary – Year 1

Хотя бы за одно можно быть благодарным соцсетям – они сохраняют дневниковые записи людей, которые обычный свой бумажный дневник давно забросили, а то и не заводили никогда.

Почему я решил начать с 13 марта 2020 года? Потому что в этот день нас, преподавателей и студентов, отправили на «добровольную самоизоляцию». Слово карантин оказалось под запретом. Людям, живущим в больших городах, повезло меньше. Нам, замкадышам, или жителям ближнего Подмосковья — гораздо больше. Я получал тогда хорошую зарплату и не знал забот. Одиночество меня в целом радовало. Даже разбросанность семьи по городам и странам — дочь с внуком в одной, жена в другой, отец с его семьей — в третьей. А я в четвертой. Но не просто в четвертой стране, а в Четвертой Трое, или в Третьем Риме. В течение дня вместо того, чтобы переговариваться с близкими, я то и дело записывал что-то — и в фейсбуке, и в блокноте, и для газет. Тягучее время не карантина, а загадочной «самоизоляции», эту медленную вязкую реку, нет смысла повторять, но посмотреть на одну только ковидную составляющую добровольного домашнего ареста может оказаться полезным.

13 марта 2020 г.

Переходящим в онлайн-режим преподавания, - а это, похоже, неизбежно в ближайшие дни, - рекомендуют пользоваться ZOOM'ом.

Навскидку мне понравилось, лицензию приобрел, студентам, до 100 душ в один присест, можно участвовать бесплатно из ста точек. Пока еще не начали, но у кого есть опыт, расскажите!

17 марта 2020 г.

На первое место из всех карантинных книг я поставлю роман Даниэля Дефо «Дневник Чумного Года». Эта книга — вторая часть дилогии. Первую — «Робинзона Крузо» — читают все, а вот роман о Лондонской чуме 1665 года — единицы. И вот настал момент, ко-

гда многие, очень многие набросятся, наконец, на «ДЧГ». Бэрджесс объяснил мне, как читать эту книгу. Самому Даниэлю де Фо во время чумы было пять лет. Дневник, легший в основу книги, принадлежал перу его дяди, тоже носившему фамилию Фо. Но великий писатель не просто переплел дневниковую фактуру с воспоминаниями о детских переживаниях, а создал тот жанр литературы, в котором за несколько столетий будет написано всего несколько книг. Об этом прекрасно написала в послесловии к собственному переводу романа на русский язык Ксения Николаевна Атарова.

Дефо много размышляет о том, как встречаются бедствие богатые и бедные, какие привычные ошибки совершают те и другие, как могло бы быть устроено общество, в котором разрыв между богатством и бедностью был бы не таким широким и глубоким, как в Англии середины 17 века (и, например, России начала 21 века). Социология будущего — вот что такое «ДЧГ».

Врачи, священники и шарлатаны

ДЧГ дает нам не только портреты прекрасных врачей, добрых пастырей и опасных шарлатанов, но и предлагает каждому из нас в самих себе распознать своего внутреннего помощника и своего внутреннего капризного губителя. Еще не было никакой психологической прозы, друзья, а она, оказывается, уже была. Прав был Энтони Бэрджесс!

Стремные и кочумные

Внутренний друг. Здравый смысл. Кто его знает, что это за птицы. Но как же был мудр покойный дядя Даниэля Дефо, что скрупулезно записывал цифры и факты, которыми потом воспользовался его гениальный племянник. Невероятная трудовая дисциплина, точное понимание того, где лучше выждать, а где лучше действовать по возможности быстро, тренировка внимания и вера в разум как высшую силу, — неважно, набожный ты или безбожник, — это поле для разговора, который займет тебя читатель, ровно на ту глубину, с которой ты перестанешь дрожать от коронавирусной паники, если, конечно, эта паника тебя хоть как-то задела.

Доброта и злоба

Человек — удивительное существо. Один будет делиться последним, прекрасно понимая, что ему самому точно не хватит и на себя. Другой будет за час, за минуту до собственной смерти пытаться ограбить ближнего или просто нанести тому урон. Нам, обыкновенным людям, хочется найти равновесие между благодарностью и обидой, суетливостью и апатией, избыточной щедростью и лукавой прижимистостью, самомнением и самоуничижением, пресыщенностью и вожделием, вдохновением и унынием, сладким сном и земным горем, ночным кошмаром и дневным покоем. Даниэль Дефо поможет тебе, читатель, найти свою дорогу. Ибо наступает карантинное время — время толстых книг.

17 марта 2020 г.

Вынутый из могилы товарищ Сталин никак не мог выступить перед народом.

Сказать надо было простейшую духоподъемную фразу из какого-нибудь советского фильма. Но зубы его выбивали чечетку о край стального цилиндра, выкованного на секретном заводе в качестве инструмента для питья, да и отвык он в могилке от общения с подданными:

- Граждане пассажиры, - проговорил он не своим голосом, - вам бы только день простонать и ночь продрожаться!

Требовательные телевизионные богдыханы злились и снова закапывали Йосьсарионыча у кремлевской стены.

- Время еще есть. И не такое бывало. Опомнитесь и прокукарекает то, что нужно! - говорили друг другу богдыханы.

17 марта 2020 г.

Два слова о туалетной бумаге.

Меня удивляют некоторые наши антропологи, которые находят в интересе постсоветских россиян к туалетной бумаге подражание, например, японцам или итальянцам.

Все-таки человек устроен сложнее.

А главным советским мифом о туалетной бумаге, центральным дискурсом, пронизывавшим все советское общество сверху вниз, было происхождение докторской и любительской колбасы.

В СССР считалось, что наполнителем вареных колбас и была туалетная бумага. Этой тайной производственного процесса обычно

объяснялся дефицит туалетной бумаги в СССР. Ею же объяснялся и дефицит колбасы.

Поскольку последнее двадцатилетие построено на культе Эсэсэра, то нельзя исключить грандиозной массовой aberrации.

Скупая дефицитную в недалеком прошлом туалетную бумагу, граждане РФ используют ее как символический субститут более питательного колбасного продукта, доступного сегодня на каждом углу, но воспринимаемого порой как не совсем подлинный: отсюда все эти названия “Слово мясника”, “Честная ветчина” и т.п.

Туалетная бумага, ладно накрученная на ровные бобины, обнулила колбасу как, возможно, сфальсифицированный продукт.

Это обнуление колбасы высвобождает, наоборот, беспрепятственный выход на-гора вторичного продукта, что в условиях нашего непростого времени сблизает росграждан с самим Гегелем, объяснявшим, как раз на примере колбасы, отчего его современники символическим субститутутом золота и денег тоже считали говно, а не колбасы. Отсюда — и вторая субституция: покупая туалетную бумагу, россияне бессознательно толкуют это действие как обналичивание денег.

Таков, на мой взгляд, идеологический и историко-культурный букет нашего загадочного поведения на рынке подтирочных услуг.

17 марта 2020 г.

О неожиданной пользе просвещения, или о том, Как педагог-опсимат, высокомерно выкладывая недорогой ручной работы коврик своей незамысловатой учености перед бакалаврами, принуждается к получению от собственных учениц и учеников того самого нового знания, перед коим померкли бы и подлинные звезды и монстры науки и образования, и что из этого вышло.

Да, студенты объяснили мне, зачем толпы метут туалетную бумагу: они делают из нее медицинские маски на каждый день!

До известной степени, однако, это продолжение советского карго-культа вареной колбасы.

Глобус СССР снова наскочил на земную ось самым неприятным местом (до сих пор помню этот удар по копчику, когда перепрыгиваешь через школьного коня).

18 марта 2020 г.

Поэтизмы в ленте начинают подражать картотеке Левы Рубинштейна, но с какой-то плебейской эквиритмичностью:

Что-то с долларом там происходит.
Не грузите меня негативом.
Я подседа на два сериала.
- Ну, а двадцать второго апреля?
- Он же Ленина все-таки любит.
- Обнуленный летал над столицей.
- До чего неуместный мужчина.
- Подлетает к Кремлю птеродактиль.
- Геликоптер, а не птеродактиль.
- Геликоптер, а в нем - птеродактиль!
- Это очень хорошая маска.
- Но она пропускает флюиды!
- Не флюиды, а только миазмы:
Я б флюиды охотно словила.
Не грузите меня негативом!
Вы грузите меня позитивом!
Потому, что я с севера, что ли,
мне тепло в карантинной неволе.

19 марта 2020 г.

Некоторые решили, что мое указание на Гегеля как источник философии закупки именно туалетной бумаги в критический момент — это шутка. А вот и нет.

“Прекрасная черта — то презрение, которое питают и демонстрируют в Германии к деньгам. Немцы приписывают им происхождение, ниже и презреннее которого не бывает ничего. Это наглядно изображается в фигурах, называемых «Деньгоиспражнитель». В основе этого лежит, очевидно, какая-то мифологическая связь. Такого низкого происхождения не приписывают ни сосискам, ни чему-либо еще”. (Пер. В.А. Рубина).

Вот почему, покупая туалетную бумагу, люди грезят, что, как теперь говорят, “в моменте” можно одновременно напечатать денег и закупить гегелевских сосисок.

Фасад отеля Кайзерворт в Госларе украшен этим самым деньгоиспражнителем.

Von Ogmios - Eigenes Werk, CCo.¹

---

¹ <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=39775173>

23 марта 2020 г.

Ночью приснился сон: озон привёз книги, среди них — букинистическая, начала 1960-х, довольно зачитанная, названия не помню, жанр — “патриотическая поэма”; каким-то чудом запомнил две первые строки. Вот они:

Поселился Раппопорт

У метро “Аэропорт”.

На этом месте я уснул, а разбудил меня круглолицый усатый мужичок, повторявший: “Сегодня день прозаика! Сегодня день прозаика!”

Я опять проснулся было, но тотчас снова уснул. А во сне подумал: “Что за ерунда! Откуда он взялся-то? Не автор ли это той поэмы патриотической — из прошлого сна?” И опять проснулся. И правильно сделал: у изголовья сидела обиженная кошка и говорила: “Ну что, Робинзон Крузо, так и будем дрыхнуть?” И после паузы добавила: “Да ещё в день прозаика!?”

Может, сегодня и в самом деле день прозаика?

23 марта 2020 г.

Пишет мой старый друг и коллега Б.Б.:

“Пиар не самая сильная сторона немцев, особенно когда это тема солидарности и помощи другим. Помогают тихо, без лишнего шума. Увы, сегодня событий, о которых не сказали по телеку или не написали в сетях, как бы не существует. Более того, складывается ложное впечатление. Про телефонный разговор российского и итальянского начальников, в ходе которого договорились о нескольких бортах помощи, рассказали все, в том числе немецкие СМИ. А про то, что еще с января в Италии работают немецкие врачи из Charité, что Италия получила срочный транш на 25 миллиардов евро из европейского фонда (состоящего в основном из немецких денег), что дополнительно к этому европейцы оплатили для Италии поставку 2 миллионов масок, - вот про это и многое другое никто ничего не пишет. Информацию надо искать, а кому охота? Проще сказать, мол, всё, Европа, кранты тебе и твоим ценностям, теперь вот каждый за себя. Неправда.”

24 марта 2020 г.

По настоятельной просьбе автора — моего старого друга и коллеги Б.Б., а также из-за развернувшихся жарких баталий в комментариях с

переходом на личности, которые отвлекают десятки людей от карантина и от помощи страждущим, я скрыл от дальнейшего просмотра и комментирования предыдущее сообщение, в котором было сказано, что

- а) ЕС и Германия оказывают помощь Италии в борьбе с пандемией, вызванной covid;
- б) медийное сопровождение этой помощи — отвратительное; в отличие от ловкого пиара со стороны РФ;
- в) слухи о смерти Евросоюза преждевременны, хотя мечтающих подорвать ЕС в мире хватает по обе стороны Атлантики и Тихого океана.

Поскольку у меня тут не СМИ, никакой ответственности за то, что будет сказано в комментариях я не несу. Если кто-то чувствует себя спровоцированным, протестуйте, не нарушая правил карантина, принятых в ваших странах.

27 марта 2020 г.

Когда говорят пушки, музы молчат.

Когда говорят музы, сороки молчат.

Когда говорят сороки, пчёлки молчат.

Когда говорят пчёлки, блохи молчат.

Когда говорят блохи, бактерии молчат.

Когда говорят бактерии, вирусы молчат.

Когда говорят вирусы, пушки молчат.

Когда говорят пушки, музы снимают кино.

Когда музы снимают кино,

гейши кутаются в кимоно.

Когда гейши закутаны в кимоно,

мужчинами завладевает Оно.

Когда мужчинами завладевает Оно,

их вызывают в РОНО.

Когда мужчин вызывают в РОНО,

значит, кому-то не все равно.

Когда кому-то не все равно,

он уходит за это на дно.

Когда кто-то уходит на дно,

на суше остаются не все.

Когда на суше остаются не все,

больше места волку и лисе.

Когда больше места волку и лисе,

мужчина вспоминает о женской красе.
Когда он вспоминает о женской красе,
в предчувствии пира сбредаются все:
Музы, и пушки, и блохи, и волки,
Бактерии, гейши, сороки и пчёлки,
И только обиженный вирус молчит,
Имеющий бледный невидимый вид.
Он маленький — не разглядеть в темноте,
Да он и при свете не виден нигде.
Он НЕ ПРИГЛАШЁН! Из-за этого ада
Всегда актуальна, друзья, “Илиада”.

28 марта 2020 г.

Сегодня суббота, оказывается. Это значит, что я не пользовался общественным транспортом (электричка, метро, трамвай, автобус, маршрутка, такси) две недели. Рубрика “железнодорожноподслушанное” впадает в гибернацию, подмораживается, замирает, т.е. подчиняется приказу “замри”; старые записи даже выкладывать не хочется: опять нарисуеться какое-нибудь клоачное рыло и будет учить меня своим морально-этическим нормам — говорить одно, думать другое, делать третье.

Сегодня прозвучала записанная вчера лекция на тему “Словарь как жанр литературного сотворчества”. Проект называется “Умная методика”. Ссылка в первом комментарии.

Нашушывается методика вынужденного длительного перехода в онлайн.

Пока вырисовывается такой простой вариант. Сначала нужно в одиночку записать короткую лекцию с презентацией (немцы такую называют Impulsreferat — толчковый доклад), потом завести ее для студентов, самому при этом присутствуя в виртуальном классе, даже отвечая на возможные короткие вопросы в чате, а потом уже проводить семинар.

Так, постепенно, очень постепенно, даже борцы за онлайн-образование поймут, что от преподавателя это дело требует втрое-вчетверо больше времени, чем привычная аудиторная работа.

Прослушал ранее записанное двухчасовое занятие живьем со студентами, которое провел вдвоём с прекрасной коллегой из Кембриджа. Тема — “Повтор и ритм в изобразительном искусстве и в литературном тексте”. Воспроизвести запись нельзя из-за моей невнимательности: я не попросил студентов отключить микрофоны,

хотя и сам мог бы это сделать одним нажатием кнопки. В результате мощным звуковым фоном идёт — что? Правильно — звон посуды, стук вилок, ложек, ножей, чашек, кружек, бутылок. Только два эпизода в самой лекции идеально соответствовали этому аккомпанементу. В первом я показывал греческие килики и амфоры, во втором цитировал Ходасевича “здесь музыка и звон посуды и лиловатый полумрак”. Это, кстати, камень в огород тех, кому онлайн-семинары не нравятся “отсутствием атмосферы, человеческого тепла”. Наоборот! Акустически и спиритуально (кто его знает, что там было нóлито в те звонкие сосуды) эффект присутствия превзошёл самые смелые ожидания.

30 марта 2020 г.

Отдельная квартира у нашей семьи появилась в 1962 году. В это время все еще помнили наизусть фамилии Зиганшин-Крючковский-Поплавский-Федотов. Ну, и очереди, мука, кукуруза. Мы с отцом как-то сидели на кухне и решили обсудить, сколько дней могли бы продержаться в квартире, если бы вдруг оказалось, что выходить нам нельзя. Сначала разговор был серьезным, а потом мы как-то сбились на шнурки Чарли Чаплина, границы съестного раздвинулись до абсурда, и сейчас я не помню, на скольких днях мы сошлись. Запасов съестного в доме почти не было.

А вот у блокадников Гринбергов на 4 этаже всегда был некоторый запас мясных и рыбных консервов, сухарей. К стене на кухне они приклеивали этикетки от съеденных шпрот, ветчины, конфетные фантики. Почему-то я не сообразил сфотографировать эту стену, и вообще не сразу понял, что своим коллажем, этой многолетней инсталляцией, они лечили старую травму.

30 марта 2020 г.

- Скайпиться-зумиться?!

- Стерпится-слюбится...

31 марта 2020 г.

“В Госдуме предложили наказывать тюрьмой за фейки о коронавирусе”.

А ведь такое предложение мог внести только сам коронавирус!

Не будь коронавируса, в Госдуме предлагали бы наказывать тюрьмой за предложения наказывать тюрьмой.

Коварная вещь парламентаризм.

Особенно там, где он фейковый. До появления коронавируса в Госдуме предлагали наказывать тюрьмой за предложение считать Госдуму фейковой.

Такое предложение мог внести только сам его величество Фейк.

Ведь фейк — это обнуление сущего.

Вот почему Обнуленное так волнуется при появлении Коронованного.

Финальная сцена “Ревизора”.

Настоящий Правитель мира заставляет фейковых созваниваться.

О этот звон над Бермудами!

Госдума просто обязана принять закон, наказывающий тюрьмой за фейки.

Почему ещё не принят закон, наказывающий годом тюрьмы день 31 марта за наступление дня 1 апреля?

И первое апреля надо сажать! Чтоб неповадно было!

По ком он, этот звон над Бермудами?

О бермудозвоны, кто вас короновал?

Не иначе вирус какой...

Дай ответ! Не даёт ответа...

7 апреля 2020 г.

Интересно, как будут говорить об умерших от последствий коронавируса?

Ушел под корону?

Накрылся короной?

Ковиднулся?

Оковидился?

Переехал в Ковидиополь?

Короновался в хорошем смысле?

Может быть, это как-то украсит жалкие формулы остающихся: “от нас ушел”, “ушел из жизни”. Откуда ушел, ежу понятно, а куда ушел, не говорят: про “лучший мир” и “мир иной” давно забыли четверотроянские угрюмые борцы с пошлостью.

7 апреля 2020 г.

Гимн самоизоляции и самообнулению (шепотом)

Самбо нашего языка

Самозанятый лежит -

Саморезами шуршит.

Шутки шутками, а ведь эпоха эта началась еще в позднесоветские годы.

“Автомобиль на самоконтроле”. А “самоокупаемость”? А самодеятельные, извините, художники? А “самоуспокоенность отдельных руководителей”?

А потом пошли самовыдвиженцы.

А потом самопровозглашенные республики.

А самоуправление? Оно может быть только местным, конечно.

- Не занимайтесь самолечением!

- А, извиняюсь, самолетостроением?

- Самолетостроением — сколько угодно!

- А доставка?

- Нет доставочки. Только самовывоз, мужчина!

Так что перестройка была только введением в конец СССР, в самообнуление ее последнего поколения.

Самоизоляция сомнамбулы.

Самообнуление самоизолированных.

- Что такое самоубийство?

- Самообнуление самозанятых на самоизоляции.

Когда-то Карл Радек говорил: “В честь Максима Горького называют города и заводы, парки и самолеты. Предлагаю назвать в честь великого пролетарского писателя всю нашу эпоху Максимально Горькой!”

Нам до такой пишности, конечно, далеко. Но и эпоха самообнуления — звучит гордо.

8 апреля 2020 г.

Чтобы отвлечь людей от страха перед возможным заражением коронавирусом, СМИ то и дело задают российским писателям-фантастам и футурологам вопрос, как изменится жизнь в мире после неизбежной победы над пандемией. Популярный ответ: мы наблюдаем похороны глобализации.

Мир будущего — это, дескать, национальные государства, устанавливающие новые альянсы и жестко регламентирующие жизнь граждан в своих границах. Дистопия мира после мировых войн. Понятно, почему такая аберрация возникает в головах постсоветских властителей протухших советских дум и догм. Не совсем по-

нятна их уверенность в победе над ныне бушующим вирусом COVID-19.

Между тем, и для многих политиков, а также, например, для деятелей церкви и для ученых, этот вирус (вернее, гигантская популяция вирусов — нежизнеспособных недосуществ) обладает собственной субъектностью. Это — молчаливая и довольно хитроумная личность, к появлению которой человечество было подготовлено десятками фильмов ужасов и старыми сказками. В центре триллеров — воплощение нечистой силы, которая ставит под вопрос основные декларируемые ценности данного общества.

Свойства субъекта, воплощающего нечистую силу, определяются на основании целей, которые тот перед собой ставит. В фильме Йоргоса Лантимоса «Убийство священного оленя» нечистая сила заставляет семью выбрать жертву и, во избежание гибели всех, собственными руками убить одного из детей. Все так, как в настоящей греческой трагедии.

Стоит задуматься, отчего богини судьбы, рока, кары у греков и римлян — это сплоченные коллективы — мойры и эриннии, грайи и парки — поодиночке бессильны. То у них один глаз на троих, то один зуб, но действуют они весьма эффективно, когда обнаруживается то, за что можно и полагается напасть или потянуть.

Популяция вирусов COVID-19 обладает некой специфической злокозненностью. Считается, что, нападая на текущую человеческую популяцию, этот вирус щадит тех, что покрепче, а отбраковывает ветхих и больных. Поскольку лекарства от врага пока не существует, государства по-разному готовятся к нападению. Более стоические (например, шведы и белорусы) готовы подпустить врага поближе. Они говорят, что неизбежность жертвоприношения не должна так уж осложнять жизнь того большинства граждан, которое переболеет «коронай» как легким насморком: тракторист защищен от судьбы своим атрибутом — трактором. А если не повезет, умрет геройской смертью. Недаром президент Лукашенко, стоя на хоккейном льду, напомнил корреспондентке слова Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Довольно неожиданно, что именно этот муж выбрал в качестве сценарного образца древнегреческую трагедию.

В странах, имевших в прошлом более печальный опыт активной сознательной отбраковки «негодного человеческого материала», — другая тактика, основанная на максимальной защите самых уязвимых, т.е. больных, старых, слабых, — людей, которые и без того уже налегли на социальную систему. Им до сауны с водкой, а тем более до трактора «Беларусь», уже не добраться.

Зададим вопрос адвоката дьявола. Вместо того, чтобы прагматично воспользоваться редкой объективной возможностью и разгрузить популяцию от тех, кого приходится годами держать на этом свете, отнимая ресурсы, например, у системы образования, человечество решило придать своей борьбе с COVID-19 принципиальное качество — намерение отбить у болезни как можно больше тех, кому суждено было умереть. Это — героический акт сопротивления судьбе. Удар приняли, например, итальянские врачи, которые заразились, пытаясь спасти стариков в домах для престарелых на севере Италии.

С точки зрения дьявола, смерть этих врачей была напрасной. Некоторые думают, что и для остальной популяции было бы полезнее, если бы умерли тщетно цепляющиеся за жизнь старики, а не эти молодые специалисты, которые могли бы жить и жить.

Когда решение, например, о том, кому давать аппарат ИВЛ, принимает конкретный врач или конкретная медсестра, то спасительная трубка, говорят, достается тому, у кого выше шанс вылечиться, и не достается тому, кто объективно ближе к могиле. Не знаю, так ли это. Но у нас ведь три поколения выросли людей, в которых впихивалась этика фадеевского «Разгрома», где героические красноармейцы грабят и обрекают на смерть семью корейца, оставшуюся без пропитания.

Но на уровне популяции коронавирус показал все же нечто совсем другое. Он показал, что рациональность и установившаяся всемирная солидарность сосредоточена на спасении как раз тех, кто и без всякого COVID-19 находится одной ногой в могиле.

Победить вирус было бы легче всего, если бы сообщества государств и народов разрешили вирусному субъекту поураганить, по-

том просто похоронить всех умерших, а выжившему большинству — вернуться к повестке дня, выработав иммунитет против нового вируса и изготовив вакцину на будущее.

Такая победа над вирусом означала бы, однако, капитуляцию, или принятие тех самых условий, которые этот субъект, по-видимому, поставил человечеству. Вот почему ограничение поля действия вируса идет рука об руку с сохранением ценностей открытого общества и самой жизни тех, за кем он пришел. Это противостояние, возможно, приведет всех к колоссальным экономическим потерям и к потере качества жизни. Особенно обидно, когда ради спасения мало ценных жизней стариков в жертву приносится гораздо более ценная молодая жизнь. Это так в каждой отдельной семье, в каждой конкретной биографии. Но вот на уровне популяции в целом важнее всего сохранение принципа человечности. Вот почему, после того как через год-полтора вирус объявят побежденным, глобализация продолжится, а службы противостояния подобным инфекциям приобретут наднациональную юрисдикцию. Вместе с тем, углубится понимание и совсем другого права людей, дальнейшее существование которых сулит им только муки, - права на эвтаназию. Но и это право — личное, а не популяционное.

А как популяцию — да, нас как популяцию сейчас изучает корона-вирус.

А популяцию вирусов изучают немногочисленные ученые — в попытке защитить не лучших из нас, а всех.

9 апреля 2020 г.

Масло вместо пушек

(драма)

Готовлюсь к занятиям.

Понимаю, что надо сделать перерыв на производственную гимнастику.

Вот, думаю, теперь и не поймут, отчего ее так называли. Дичь и гиль, дурь и чушь.

Коврик расстилаю для производственной гимнастики.

Включаю “Дождь” — надо послушать мудрые мысли Константина Сонины.

Он говорит о необходимости поддержать пенсионеров.

Меня, стало быть. Хоть я и работающий пенсионер.
Такая же муть, как производственная гимнастика.
Ну ладно, как работающий пенсионер готовится делать производственную гимнастику?
Он планирует недалекое будущее.
После гимнастики нужно принять душ и можно выпить кофе.
И тут я вспоминаю, что не переложил пачку сливочного масла в масленку.
А тут Сонин как раз говорит, что, мол, тучи над городом встали, в воздухе пахнет грозой.
Надо, думаю, срочно исполнить задуманное. Масленка томится в шкафу, масло — в холодильнике.
Вспоминаю охальника Рабле. “Ты моя масленочка! Я твое маслице!”
Фуяслице, вспоминаю я Солженицына, и организую встречу масла и масленки.
Мои движения быстры и точны.
Но тут выясняется, что пачка масла на 5-6 мм (примерно) длиннее масленки.
Стараясь не думать о Рабле, отрезаю остаток. При слове “остаток” вспоминаю, что у меня и лаваш кусок остался.
Остаток тянется к остатку.
Быстро делаю кофе.
Быстро, очень быстро разламываю лаваш и запикиваю в тостер.
А тут и кофе готов.
Вместо производственной гимнастики и душа под Константина Сониного получился Константин Сонин под кофе с лавашом и сливочным маслом.
А тут и сумерки пали.
Какая уж тут гимнастика!
Обломовщина одна!
“Десять лет ждала наша публика романа г. Гончарова. Задолго до его появления в печати о нем говорили как о произведении необыкновенном...”
Казалось бы, человек, который помнит начало статьи Н.А. Добролюбова, должен понимать опасность обломовщины и важность производственной гимнастики?!Нет, не должен.
Лаваш с маслом и кофе кроет эту вашу производственную гимнастику, как Гончаров Добролюбова! Так и запишите.

12 апреля 2020 г.

По миновании Ковида-19 и Каина XVIII обязательно произойдёт вот что. К движению metoo примкнут мужчины. Нет, не те, кто справедливо сочувствует жертвам Харви Вайнштейна, а другие — мужчины, ставшие объектом домогательства женщин.

Мужчины не говорят об этом не только по, как подсказывает Шопенгауэр, природной мужской глупости (“черствая самовлюбленность”). Просто домогательства женщин к мужчинам бывают овеяны такой романтикой и скрыты такой паранджой, что джигит принимает ее за собственную бурку и — хватать! — а уже ни шашки, ни папахи! Не говоря уже, извините за выражение, о спасительном коне.

12 апреля 2020 г.

У меня подсчет (не расчет, а именно скромный подсчет) примерно такой же, как у главы Еврокомиссии:

Урсула фон дер Лайен: «Пожилые люди должны остаться на карантине до конца года».

Если считать, что все началось в начале декабря 2019, и вот сейчас только обволакивает северное полушарие от тайги до Британских морей, а до пика ждать еще месяц примерно, то получится 6,5 месяцев — туда, а потом — с той же скоростью 6,5 месяцев оттуда, итого — 13 месяцев карантина.

И это без учета приступов массового кретинизма с народными гуляниями по случаю резкого сокращения числа инфицированных и появления света в конце туннеля.

Так что мой реалистичный прогноз для тревожных пожилых — сидеть на самокупаемости до конца января — середины февраля 2021 года.

13 апреля 2020 г.

- Хочешь разбудить во мне зверя?

- Ну, допустим.

- Скажи еще раз: “Роскошь человеческого общения”.

13 апреля 2020 г.

ВОСР, ЧК, ВКП(б), РСФСР, ВАСХНИЛ, НЭП, НКВД, СССР, ЦК КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС, колхоз, ГУЛАГ, БАМ, ВОВ, МГБ, КГБ,

ГСВГ, ГДР-1953, ВНР-1956, ЧССР-1968, ВПОКСВВА-1979-1989, а тут и СССР закрылся.
РФ, СФ, ГД, АП, ФСБ, МЧС, ЧГК, СМС, ТЦ, МКАД, ЦД, ИИ, ФБ, COVID19, ХЗ.

13 апреля 2020 г.

История это не то, что происходило с ныне покойными в прошлом, а то, что мы делаем сегодня.

Вот почему она повторяется.

Пример:

Под видом восстановления исторических названий была развёрнута программа забвения СССР.

Историческое название станции метро “Кировская” было заменено на бессмысленное “Чистые пруды”.

Ни один студент не знает, кто такой Киров, что случилось в 1934 году, что за этим последовало и т.д.

История обезличивается.

“Стал метро рыть отец Витькин с Генкой...”

Это надо объяснять. Но “Чистые пруды” мешают.

Без убийства Кирова нет понимания убийства Немцова.

“У нас, товарищ, теперь “Чистые пруды”! Мы хотим начать историю с чистого листа!”

Вытравить память о том, что было вчера, и с этой опустошенной плоскости разглядеть вдали половцев и печенегов.

Они, кстати, и пришли — маленькие нарушители большого спокойствия.

14 апреля 2020 г.

В молодости, когда ничего не было, приходилось записывать на каких-то клочках бумаги, а потом татуировать это все на внутренней стороне черепа. И вот один старший товарищ любил приговаривать: “Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься!”

Вот почему я не согласен с теми, кто обижается на священнослужителей, которые произносят речи, с точки зрения людей светских и агностиков, мешающие пастве предохраняться от заражения, а то и речи, чуть ли не восхваляющие коронавирус за то, что тот пришёл к нам сюда, по их мнению, с карательно-воспитательными целями.

По-моему, светские требования к священнослужителям высшего ранга несправедливы.

Они управляют идеологической машиной и учением, в основе которого простая мысль: другая жизнь выше здешней, настоящая жизнь, вообще говоря, наступит только после смерти.

И у показной роскоши, золоченых пуз и лицемерия, по-моему, функция — религиозная: хочешь возроптать? с мерками обыденной жизни подойти? поддаешься искушению дьявольскому! а ты смирись, окуни в лжицу слезную свои контактные линзы и возлюбь золотое пузо пастыря своего — как образ врат небесных.

Конечно, это рассуждение вчуже человека без “океанического чувства”, но — сочувственное.

14 апреля 2020 г.

Прочитал предложение мудрейших экономистов, как распорядиться средствами собранного на черный день Фонда Национального Благосостояния.

Предложения эти мудры и соответствуют как раз тому, что на днях сделало правительство Германии, раздав деньги предпринимателям и объявив о повышении пенсий с января 21 года.

Но советский исторический опыт подсказывает мне, что никакого Фонда Национального Благосостояния, как бы это так помягче сказать... Ну, т.е. институционально и ноуменально он, конечно, есть, в каком-то высшем смысле, где-то на небесах, или как платоновские идеи, он существует. А вот чтобы в этом грешном мире, то, боюсь, неколебимая сдержанность властей объясняется как-то иначе.

Радует одно: могу ошибаться.

14 апреля 2020 г.

Первые признаки старости я начал записывать с 28 лет, когда дочка родилась. Я ещё не знал, что это старость. Только годам к 50 понял. Дальше — больше. Важно отличать ее от другого, иногда очень похожего. Это не слабоумие, не сплин, не хандра, не меланхолия, не опсиматия, не опистохрония, а банальная старость. Вот пример.

Не смотрел ни одного российского сериала: только отрывки (штук 10, общая продолжительность не больше 30 минут) с лексическим материалом в роликах ютуба. Увиденных нескольких минут до-

вольно, чтобы услышать: “Старик, ты не имеешь права себе это причинять!” И тут же ответить: “Лады, старичок!”

Правда, у меня и телевизора нет. Вернее, монитор есть, но он отапливается только от интернета.

Телеорафобия — это культурный признак старости, потому что “там иногда что-то все-таки бывает”.

Старик экономит силы, и его этим “иногда все-таки чем-то” не купишь.

Далее, удовольствие от самоизоляции перекрывает почти всю — так, тут всем закрыть уши! — “некомфортную побóчку”.

Отсутствие некомфортной побочки, на которую жалуются молодые коллеги, это второй признак старости, выявляемый карантинном.

О седине в бороду и бесе в ребро расскажет любой сопляк, выдающий себя за старика: не слушайте его.

15 апреля 2020 г.

Москва хочет быть круче и Ухани, и Нью-Йорка:

раздали людям кьюаркоды и поставили в очередь за уханькой.

Заставь дурака богу молиться — он лоб расшибет.

15 апреля 2020 г.

Кстати, вчера прослушал в прямом эфире Марка Ц. и Присциллу Ц. — разговор с крутейшим дядькой-эпидемиологом.

Вошел в тот момент, когда зрителей было 36,5 тысяч, лайков тыщ пять и 300 комментов.

Тут возможность лайкать и комментировать была отключена, и за 5-7 минут зрителей осталось 17 тысяч.

Еще раз: Марк и Присцилла Ц. в прямом эфире задавали вопросы и получали ответы, а слушали их не 17 миллионов, а 17 тысяч обитателей фб.

По-моему, это невероятно.

Заседание правительств некоторых стран после этого разговора живо напомнило мне заседание правления ЖСК Наука-9 1977 года о создании рабочей группы для переговоров с магазином “Комсомолец” с целью преодоления антисанитарии и скорейшего, до июня-июля с.г., ограждения железобетонными конструкциями стихийной свалки и предотвращения возгораний мусора, приводящих к массовой миграции крыс от свалки в подвал домов 6, 8 и 8а.

16 апреля 2020 г.

Эта речка, речка Бирюса,
ломаю лёд,
шумит-поёт
на голоса.
Тогда ещё ложил народ
на енти вирусá.

16 апреля 2020 г.

Кто помнит советские годы, была такая хохма о трех стадиях старения:
водка, селедка, молодка
вино, кино, домино
кефир, клистир, сортир

и вот пришло обновление:

коронка, удаленка, нетленка
вариант:
удаленка, ковидка, нетленка
Вы спросите, почему нетленка? А чем еще заниматься на удаленке?

21 апреля 2020 г.

Кстати, о вирулентных мемах далеко-недалекого прошлого.
Все, что происходит с обнулениями — что президентских сроков, что цен на нефть, — это иллюстрация к одному выражению, бывшему в ходу у преферансистов и шахматистов времен моего отрочества:
ПИЖОН СКАЖЕТСЯ.

21 апреля 2020 г.

Трудно быть спокойным человеком. На всякий случай достал таблетки валерьянки. Глядя на упаковку, стал еще лучше спать. Сегодня приснилось, что остановился в гостинице с очень неудобной кроватью. Прямо измаялся за ночь. Оказалось, что спал одновременно на айпаде, бормочущем немецкие новости каждые 15 минут, и на книжке, к тому же и свет не выключил.
Тут же вспомнился старый анекдот о Рабиновиче в провинциальной гостинице:

- Возмутительно, у меня в постели — клопы!
- А вы кого хотели за эти деньги? Грету Гарбо?

25 апреля 2020 г.

Вы спрашиваете, что такое профессиональная деформация?

Так я вам расскажу.

Когда после четырех пар лекций и семинаров по риторике ты ставишь для одного маленького мальчика на удаленке кукольный спектакль по скайпу на острую педагогическую тему “Корова учит Слопенка какать в горшок”.

И вот спектакль окончен. Занавес.

Режиссер-постановщик складывает актеров в ящик и идет в ванную мыть горшок после Слопенка!

25 апреля 2020 г.

Звонит по скальпу товарищ из Киева:

- Ну шо у вас?
- Да шоу-биз! А что у вас?
- Та эпидэмия пандэмии, як и у вас.
- Не, у нас — пандемия мениппеи.

26 апреля 2020 г.

Люди, задевшие нервишки о щупальца ковидки, начали признаваться в худших преступлениях. Один покаялся, что не читал Гашека (“Швейка”), другие пошли вверх по руслу канона. Еще немного, и выяснится, что большинство не читало ни Стерна, ни Рабле, а некоторые не осилили даже “Ада”.

А с астрономией у вас как, ребзя? Со взрывотехникой?

28 апреля 2020 г.

Скромность в рабочих кабинетах, роскошь на трудовом языке — намоленном-намозоленном. Вот какими станут наши полицейские!

Обнулять твою, как хорошо.

А то ведь какие уёжищные слова зафуячили в наш язык косметологи и вирусологи.

Уж на что я, человек, метеорного языка чурающийся, а каково женщинам и детям? Лицам пожилого возраста?!

УХОДОВАЯ косметика. Это покойников смазывать?

Совсем обнулись.

Что вирус с людьми делает, а?
НЕ СОРВАТЬСЯ НА МАЙСКИЕ, ёж мою мышь.
Самоизояйцевого близнеца сегодня брил: ржет, сучок, подмигивает, уходovou косметику требует.
НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ взалкал самоизояйцевый.
Кто ж тебе, дураку, из старых аномий и аномалий нормальность-то сделает?
Взошла звезда зубастая,
Команда молоткастая:
Не заплывай за буй!
Ведь заразишься, шастая,
Научишься, ушастая,
Дурному слову “жуй”.

28 апреля 2020 г.

Да что вы все с этой пандемией носитесь? Вы бы еще мрачную предпандемийную эпоху вспомнили с ее засильями и мышьиной возней динозавров от международной политики! Давно пора перейти к обсуждению параметров постпандемийного мироустройства, с его многополярностями и окончательной победой наших ценностей нестяжательства и духовного единства!

28 апреля 2020 г.

- Товарищ пресс-секретарь, а почему наш главнокомандующий по случаю коронавируса карантин не объявляет?
- Вы, товарищ, как пишете слово “карантин”?
- Ну как пишу? Ка-ран-тин!
- Верно. А “коронавирус”?
- Ко-ро...
- Ну вот вам и ответ! Голубчик, эстетически немислимо в ответ на КО-РО вводить КА-РА. Это, образно говоря, как если бы наш главнокомандующий художника Коро захотел выставлять, скажем, у нас в Каракумах. Или попытался вырвать коронки у Карабаса-Барабаса. Или карася поджарить без корочки. Нонсенс. Да еще при нынешних ценах на энергоносители.

29 апреля 2020 г.

Несмотря на ежу понятные издержки, признаюсь: мне нравится эта изоляция и возможность никуда не ходить и нигде не болтаться. Лет 25 назад, в многочасовой пробке на пути из Бремена в

Лейпциг, я коротал время, заполняя многостраничную анкету германского автомобильного клуба ADAC. Конверт с заполненной анкетой на ближайшей бензоколонке бросил в почтовый ящик и забыл о ней. Прошло около года, может, и больше, и я получаю от ADAC письмо, в котором сообщалось, что обработка анкет закончена, и я, оказывается, отношусь к примерно 7 процентам т.н. Stausüchtige, или к меньшинству “зависимых от пробок”. В отличие от нормальных людей, мы, Stausüchtige, в пробках не нервничаем, а максимально расслабляемся и даже начинаем чувствовать себя лучше прежнего. Мне сразу вспомнились какие-то странные вопросы анкеты. Например, отчего это в пробке я не испытываю волнения. Выбрал отвечающий моим чувствам ответ: “Зачем же волноваться, если я все равно ничего изменить не могу?” Ответов на выбор было много, очень много, а отвечал я как есть. Тогда еще никто не боялся тотального контроля, и некоторые вопросы были просто на да и нет.

Вот и теперь голое понимание, что лично я могу выбирать только между поднятием духа и сдутием вплоть до испускания духа, не позволяет мне этим самым духом падать. Немного смущает одно. То, что германский автомобильный клуб, да и не он один, считает зависимостью, или психической аномалией, лично мне кажется как раз здравомыслием.

1 мая 2020 г.

Интересное дело: в РФ вроде принят закон против фейковых новостей. Но фейковые новости каждый день публикуют официальные российские СМИ. Массово.

Несколько раз в день работающие там люди обманывают, цинично вводят в заблуждение своих сограждан. Самый мягкий пример:

Вот заголовок новости на vesti.ru:

1 мая 2020 08:39

Глава Роспотребнадзора рассказала о первых послаблениях самоизоляции

А вот сама новость:

Как сообщила Глава Роспотребнадзора Анна Попова, одними из первых этапов при возникновении возможности послабления режима ограничений, введенного из-за Распространения коронавируса в России, станут разрешение прогулок по 2-3 человека и заня-

тий спортом на свежем воздухе. Также будут разрешены прогулки с детьми.

Из нее следует, что никаких ПЕРВЫХ ПОСЛАБЛЕНИЙ САМОИЗОЛЯЦИИ нет.

“Одним из первых этапов при возникновении возможности послабления режима ограничений, введенного из-за Распространения коронавируса в России”.

Смысл: Ну чего вы лезете, когда, когда? А вот как возможность появится, так сразу, а пока — сидите тихо.

Но добраться до этого смысла человек, уже отравленный клоачным газом, уже не может. Именно поэтому он выбегает на улицу и не предохраняется. Его обманули, обнадежили и жестоко обманули.

Это и есть клоачный язык: ложь, выданная за правду.

3 мая 2020 г.

Коронаскептики напоминают мне людей, которые призывают к полной отмене огнетушителей и пожарных команд. Аргументы у них примерно такие:

- у разумного человека никогда не будет пожара, потому что у него все продумано, ну зачем ему огнетушитель, в конце-то концов;

- пожары, конечно, случаются, но дураку и огнетушитель не поможет, а расходы на пожарные команды — это баловство, ибо

- гораздо больше людей тонет или гибнет в автомобильных и авиационных катастрофах; лучше потратить деньги на новые больницы, добротные курсы вождения автомобиля и регулярные прыжки с парашютом;

- все люди, получающие из бюджета деньги за якобы предотвращение пожаров, на самом деле проедают их в ожидании редких возгораний, а иной раз даже сами поджигают, чтобы потом погоройствовать;

- вот почему лучше дать сгореть тому, чему суждено было сгореть, а потом уже зажить нормальной жизнью — без дармоедов, явно сколотивших глобальный злодейский общак для “пожарных команд”.

Возражать этим людям не пробуйте — целее будете.

4 мая 2020 г.

- Милый, а кто это??

- Дорогая, вся страна искала антитела, как я мог остаться в стороне?!

5 мая 2020 г.

Два слова о философии.

Один из моих учителей говорил:

- Когда читаю лекцию, всегда помню, что в аудитории обязательно есть кто-то, кто разбирается в предмете лучше моего. Это не обидно, просто об этом никогда не нужно забывать.

За сорок пять лет истина эта не померкла.

В кондитерском магазине два кавказца. Один — доктор филологических наук, другой — продавец.

- Печенье имбирное?

- Да написано же - имбирное.

- А что-то не чувствуется аромата имбиря.

- А у камфет “Снижек” аромат снега чувствуешь, да?

- Ну...

- А печений “Сталичный” чем пахнет? Сталицей пахнет?

- Ну...

- Нет, ты сам скажи, свайми славами, да или нет?

- Ну...

- Что ну? Имбирный — названи харощи. С чаем исьещ харашо.

Обидно одно: он никогда не посещал моих лекций.

6 мая 2020 г.

Один из источников беспокойства людей — недостаточная информированность и недоверие к властям, страх перед властями, но и парадоксальная надежда на власти.

Казалось бы, сделай хоть что-то, чтобы воспользоваться твоим выгодным положением. Не делают.

Вот пример. Посмотрел я тут статистику смертности в Москве в 2017-2018 гг. Она имеется в открытом доступе.

В марте-апреле 2017 года в Москве умерло 19656 человек.

В марте-апреле 2018 — 22526.

Теперь сравним эти данные с тем, что пишут о марте-апреле 2020 и только о жертвах коронавируса.

Итак, за март-апрель 2020 — около 200 человек.

Казалось бы, капля в море.

Но людям плохо объяснили две вещи: почти все умершие от ковида подолгу находились в больницах, где лечатся сотни и тысячи больных, занимая коечный фонд, отрывая от дела и попутно заражая множество врачей.

Иначе говоря, абсолютный показатель смертности сам по себе мало что говорит о состоянии дел с медициной.

Еще меньше говорит и показатель т.н. “зараженных”. Это не зараженные, это — люди, у которых в Москве и области сейчас диагностировали ковид или его следы. А в Ярославской или Новосибирской? Да они далеко от Москвы, и там все зависит от расторопности местных властей, назначенных туда из той же Москвы. Вот почему я, скорее, соглашусь с теми, кто все цифры по всем регионам России отбросит как не вполне достоверные.

Какие же цифры власти обязаны были бы опубликовать в эти дни, чтобы а) успокоить граждан и б) на пальцах показать, почему тем следует придерживаться тактики самоизоляции?

- Все (разумеется, анонимизированные) данные за 2017–2019 гг. по коечному фонду, загруженности больниц, смертности в каждой больнице по месяцам;

- все данные по числу выписанных из больниц;

- все данные по числу умерших в больницах;

- все данные по числу умерших дома или на улице;

- отдельно — все данные по врачам: сколько их было в 2017-2019, сколько было потеряно и т.д.

И вот только на этом фоне — данные по коронавирусу вчера и сегодня.

Учет и контроль существует только для этого.

В противном случае вся статистика, которую мы получаем сегодня, служит, действительно, нагнетанию паники у одних и нелепой уверенности у других, что “ничего не происходит” и “никакой пандемии нет”.

Она есть, а главная проблема наших соотечественников — все та же, что для А.С.П.: “Мы ленивы и нелюбопытны”. Данные брал отсюда.²

---

² <https://ritual.ru/poleznaya-informacia/articles/statistika-smernosti-v-moskve/>

6 мая 2020 г.

любовная лирика наших широт

эх оторва ты моя
некоронованная
бессимптомная
эх симпотная
антителом ковидным
изолированная
в соку масочном
маринованная
карантинным туком
вскормленная
сковородка удаленкой
раскаленная

7 мая 2020 г.

У армянского радио спрашивают:

- Чем отличается коронавирус от вируса в короне?

Армянское радио подумало было, что вирус на двадцать лет старше, но решило все-таки не отвечать на этот провокационный вопрос.

8 мая 2020 г.

Нескучный сад.

Нескучная страна.

Два телефонных хулигана разыграли мэра Праги, и потом суждения обоих ставятся в новостную ленту рядом с телефонными же переговорами настоящих министров и президентов.

Закрадывается смутное подозрение: как доказать-то, что и в последнем случае это были не пранкеры?

Или это больше не имеет значения?

12 мая 2020 г.

Если бы мой фейсбук был СМИ, я бы непременно составил график сравнительной эффективности глав государств и правительств стран, столкнувшихся с этим повидлом19. Критерии простые — понятность действий населению, уровень одобрения, скорость исправления ошибок, близость к экспертному сообществу и т.п.

12 мая 2020 г.

Восстановить СССР не получится, но кое-какая мелкая моторика сознания у людей восстанавливается. Как писали в газетах 1953 года о нетленном теле товарища Сталина, только-только водруженного на вечный покой рядом с Лениным, “наблюдается улучшение состояния клеточного вещества”.

А главное свойство мелкой моторики советского сознания — какое?

Правильно: подтекст важнее того, что сказано прямо.

Это я к чему?

Как только главнокомандующий сказал, что главная цель — “сохранить жизнь и здоровье людей”, люди эти начали догадываться, что вот теперь-то, и в самом деле, им, пожалуй, лучше остаться дома.

А после слов “родные мои” некоторые захотели прорвать линию товарища Маннергейма. Иф ю ноу вот ай мин.

14 мая 2020 г.

Новая роскошь

В предпандемийной жизни соцсетевые люди пересказывали свои разговоры с таксистами.

Теперь пересказывают разговоры с парикмахерами и педикюршами.

Кто станет самым модным постпандемийным собеседником — психотерапевт или домовой?

19 мая 2020 г.

Редко бывает, что все так упрощается, но ведь и в самом деле осталось две России — те, кто убивал и убил Сергея Мохнаткина, и это Россия большинства, и те, кто оплакивает Сергея Мохнаткина, и это Россия меньшинства.

Поэтому не смешите друг друга, не повторяйте “не забудем, не простим”. И забудете, и простите.

31 мая 2020 г.

Снится мне квадратный книж для издательства “Малыш”:

Африканский слон

одолеет любой заслон.

***

- Львы ль вы?
- Мы — львицы-безгривные лица.
***

А ты, Носорог,
не три нос о рог!
***

А я — Гну:
свою линию гну
***

Ржавый фрак свой ражий граф
в рыжий шкаф убрал (Жираф).
***

А вот и Зебра — 3 ребра
из эбена и серебра.
***

Бегом бегите, бегемоты,
в Сетуни помойте боты.
***

Ой, ошиблась география:
Крокодилы — Солнца мафия:
приплыли в Чоботы
зеленые роботы.
***

От деревни Ликовá
до самого Мичуринца
шелестит лиственной травой,
пока не окочурится.
***

Краток летний наш сезон,
мерзнет африканский слон.

1 июня 2020 г.

Побóчка от крепкого йода
Мне sóму слегка разнесла.
Стихи от эрота-удода
Психея к утру принесла.
В юубову видеоточку
Бьет Галкин, а Дмитрий Гордон
Везет с Украины молочку
На этот наш Армагеддон.

Вся очка, заочка, поточка
Уходят в глубокий онлайн.
У препода в лапах заточка —
Дидактики новый комбайн.

4 июня 2020 г.

“С метафорой ты не пропадешь никогда!”

У меня был дальний родственник, психиатр. Фамилия его была Грузмарк, а звали его Семен Израилевич. Он грассировал, как Эдит Пиаф, и очень любил произносить слова, в которых “р” рокотало бы не менее двух раз, как в словах рододендрон или рубероид. Но были и одноэрные слова, близкие ему профессионально. Например, Мусоргский, шизофреник, метафора.

Он хотел эмигрировать и очень любил повторять это слово. Эмигрировать он мечтал в Австралию, но жена настаивала, кажется, на Канаде, которую он в пику ей называл Северной Америкой.

Видел я его всего два раза в жизни, в общей сложности мы общались, наверное, часов десять. Я уверен, что в Северной Америке Семен Израилевич освоил слово крэш-курс. А тогда, в середине и в конце 1960-х, мы слова этого не знали. Но все мудрые психиатрические советы Грузмарка навсегда со мной.

Мы как раз только что купили черно-белый телевизор “Темп-6”. Он попросил включить это чудо техники. Давали фортепианный концерт. Кто был за роялем, уже не помню. А вот играть должны были, и это совершенно точно, “фортепьянные миниатюры Мусоргского “Картинки с выставки””. Грузмарк произносил эти слова почти одновременно со знаменитой ведущей тогдашние концерты дамой, а потом буквально впился взглядом в экран. Там как раз поднимали крышку рояля.

- Посмотри сюда внимательно.

- А что там?

- Смотри-смотри. Запомни. Для хорошего психического здоровья выбирай метафору поярче и продумывай ее, не отбрасывая и другую! Это даст тебе равновесие, гармонию, структуру. Посмотри на рояль.

- Ну, рояль... Не знаю даже, что сказать...

- Как не знаешь?! Или гроб, или гигантская мышеловка!

Выбирай.

- Мышеловка все-таки веселей, — отвечаю я.

- Мышеловка это Дебюсси или Равель. А Мусоргский — это гроб. Но он шизофреник, так что мышеловка это хороший ответ. С метафорой ты не пропадешь никогда!
На следующий день он уехал к себе в Одессу, а оттуда в Северную Америку, и больше мы никогда не виделись.
Зачем я это вспомнил? А я знаю?

5 июня 2020 г.

А ну-ка, песню нам пропой, коронавирус,
веселый вирус, смертельный вирус!
Моря и горы ты обшарил, но не вырос,
Хоть все на свете песенки слышал.
Спой нам, вирус, про дикие горы,
Про глубокие тайны морей,
Про птичьи разговоры,
Про синие просторы,
Про смелых и больших людей!

8 июня 2020 г.

Самосохраненные возлягут с самоизолированными.

23 июня 2020 г.

Когда завещание оформляют, пишут: “В случае моей смерти...”.
Когда нормальный человек обдумывает завещание, он говорит проще: “Когда я умру...”
Но есть и люди, которые формулируют так: “Если я умру”.
Это не обязательно слабоумные. Скорее — люди со слабой волей, распространяющие эту слабость на ум.
Они не в состоянии представить себе, что мир будет существовать без них, что все эти привычные штучки отойдут на склад, попадут в чужие руки, будут уничтожены следующим, тоже временным, кстати говоря, владельцем. Это еще не безумие, это только прости-тельная жалость к себе.
Но есть грань, за которой жалость к себе становится безумием.
Тогда говорят так: “Если другие узнают, что я думаю, что не вечен, они ведь, чего доброго, начнут рыскать глазами в поисках кого-то другого! Не меня!”
Таким людям легче отменить реальность, погасить свет для всех, лишь бы не увидеть, как свет погасили у них за спиной, а их самих, например, просто отправили на пенсию. В увлажненный коридор

[имеется в виду специальное помещение, через которое должен был пройти каждый, кому была назначена встреча с президентом Путиным].

24 июня 2020 г.

13 марта 2020 года я выпил 3 рюмки водки в музее по случаю завершения конференции.

С тех пор выпито:

3 рюмки водки (три мухи, так что в общей сложности меньше 50 мл)

треть бутылки красного вина (со студентами в честь окончания магистратуры)

2 бутылки пива

и еще одна бутылка пива.

Это все не нарочно: выпивки у меня — залейся.

Что меня удерживает, спросите вы.

Очень давно столько не читал. С детских болезней.

Приближаюсь к норме, которую некогда советовал один из моих учителей: “Если на тысячу страниц прочитанного напишешь одну свою, это хорошо, хотя не всегда получается”.

Году в 1975 наш общий с Николаем Шабуровым старый друг Саша Столяров рассказал сон о винном магазине, в котором продавали книги, или о книжном магазине, в котором продавали вино. Как мы смеялись!

Потом, в 1990-х, я заходил в десятки таких книжных с вином или винных с книгами — от Бремена до Салерно.

Связь вина с книгой очень важна, слишком важна, чтобы можно было о ней тут легкомысленно болтать.

Но одиночество у нас какое-то фейковое.

И винопитие в таком фейковом одиночестве тоже было бы фейковым.

Выпить очень хочется.

Но опьянеть в фейковом одиночестве значило бы оскорбить Диониса.

Вот почему мой ответ спрашивающим таков: “Трезвенничаю во славу Вакха!”

4 июня 2020 г.

Ачот ляг о карантине в сельской местности

Сперва мы по болотам крикали,
в зеленой ряске извазюкались,
потом по скальпу покалякали
и в зуме в сиську назюзюкались.

26 июня 2020 г.

Лучшие новости 26 июня 2020 года.

16:42 Бисексуальная атеистка из Чечни рассказала о пережитом насилии

16:03 Скорая помощь выбросила окровавленного россиянина в памперсе у гаражей

29 июня 2020 г.

Сидидома, Гоморра!

30 июня 2020 г.

- Во что превратился наш язык, это же ужас какой-то! Что они с ним делают, варвары!

- Так делайте его лучше, чище, выше.

- Что вы глупости говорите?! Язык развивается естественно, он меняется очень медленно, человек не может ничего изменить!

- Но вы же говорите, что кто-то его испортил и продолжает портить.

- Да, эти невежественные люди, которые засоряют наш великий и могучий язык этими мелкими и бессильными англицизмами, распоясались и диктуют свои нормы.

- Может быть, он не такой могучий и великий, если его могут так испортить какие-то мелкие вкрапления из других языков ?

- Как вы смеете так говорить? Не нравится — уезжайте в свой Чуркистан!

- Ну хорошо, я уеду, а вы-то что будете делать?

- Как-нибудь без вас разберёмся. Идентичность свою отточим.

1 июля 2020 г.

Есть и что-то смешное во всей истории с обнулением. Записался на электронное голосование, проголосовал против.

Но не тут-то было. Оказывается, я все это время участвовал в лотерее.

Выигрыш — 2000 рублей — перевел в помощь слепоглухим.

Хотя, увы, не исключено, что это тоже надувательство, и эти баллы испарятся в облаке, сквозь которое массажисты идут в бункер к обнуленному.

Как будто попал в модернистский роман о всеобщем обнулении, который в начале 1980-х написал Александр Давыдов.

Карантин — это учебное загробное царство.

Одиннадцатую песнь “Одиссеи” отныне читаю глазами Аякса, а не Хитроумного.

4 июля 2020 г.

Антиковидное антиковедение:

“Незаметно захватывает неокрепшие души антинаучная теория так называемых идей певца крупного капитала Платона. Лишь настоящие материалисты-герои гибнут в неравной борьбе с идеями, и только мелкобуржуазная сволочь вырабатывает антитела и смиряется с торжеством пресловутых идей и идеек циничного академика-рабовладельца”.

20 июля 2020 г.

За всем этим сумасшедшим домом я забыл главное!

Вчера довелось мне совершить пешую прогулку в город — в аптеку надо было зайти. Смотрю — киоск “Мороженое”. Я — туда. В маске, в синих перчатках, из которых, когда я поднимал руки, тонкой струйкой тек пот.

- Здравствуйте.

- Здравствуйте.

- У вас мороженое “Радуга” есть?

- ВЫ ЧТО ВСЕ, С УМА ПОСХОДИЛИ????

31 июля 2020 г.

Сейчас едва ли не всё толкуют как целенаправленную провокацию. Не задаваясь, по природной нашей тупости, простым вопросом: “А не провоцирую ли я сам этим вот публично высказываемым подозрением других? Ах, это у меня просто спонтанное любопытство? Ах, я же просто поверить не могу, что вы, такой умный, сделали это просто так! Ой, а, может, и правда?...”

Но оставим слабоумным что-нибудь в утешение.

Некоторые события можно истолковать как наказание кому-то за что-то.

Например, весь этот ужас с обязательными масками в Европе очень уж похож на наказание для тех, кто называл мусульманок в чадрах и паранджах “пингвинами”. Месть “пингвинов” в солнечный день.

17 августа 2020 г.

Новости русского языка.

ТАСС сообщает сегодня:

“Медиков привьют от коронавируса параллельно с третьим этапом исследований вакцины”.

Если перевести эту белиберду на русский язык, то получится, что “медики станут подопытными третьего этапа исследования вакцины”.

В параллельном мире живут журналисты ИТАР-ТАСС и организаторы испытаний.

21 августа 2020 г.

Так ведь если [Алексей Навальный] в Германию полетит, они там вещество и найдут. Помощь подлодке “Курск” не приняли по похожей причине. Научитесь уже, наконец, не только бояться, но и думать, и чувствовать по-чекистски. Это проще простого: подумайте о самом гнусном, самом подлом возможном решении, и попадете в точку.

25 августа 2020 г.

Сейчас некоторые почему-то смеются над словами Дмитрия Быкова “Я не люблю Лукашенко, но предателей Лукашенко я не люблю еще больше”.

Но что имеется в виду?

Сейчас объясню на пальцах.

С 1999 года я довольно много всякого понаписал и издал несколько чужих работ о языке В.В. Путина — о его собственном речевом облике, об ее воспитательном воздействии на вверенное этому гражданину население, о тех предсказаниях, которыми избилует речь второго и четвертого президента РФ.

Как персонаж моих скромных писаний В.В.П. ни разу не обманул моих ожиданий и не опроверг моих оценок. Полное единство формы и содержания.

Диалог поверх всех барьеров: он для меня — пользователь и, в политическом смысле, создатель “клоачного языка”; я для него — “пещерный русофоб”.

В качестве объекта филологического исследования Путин для меня близок к идеалу, хотя я никогда не сказал о нем буквально ни одного доброго слова. Наверное, только под пыткой сказал бы, не знаю.

Главное, что я не люблю в Путине, это чистота чекизма. Представитель третьего поколения этих исторических неудачников, прежде всего, смешон в своих попытках изобразить монарха. Он чувствует эту смехотворность собственных телодвижений и умственных упражнений и, конечно, ненавидит всех, кто видит это вместе с ним. Надо сказать, большого ума для этого (как показывает мой собственный пример, кстати) и не нужно.

Но ведь помимо самого героя последнего двадцатилетия всем нам попадались люди, которые начинали как горячие сторонники этого вождя, а потом — силой обстоятельств или собственного прозрения — начинали писать о нем дурно.

Как относиться к вам, многочисленным мыслителям о России, которые — кто до 2004, а кто и до 2008, а кто и до 2014 года — не только смирились с глумлением этой термоядерной и ядовитой карикатуры над Россией и миром, но еще и поддакивали его кукловодам: “Нам надо пройти этот этап! Сейчас это единственно возможная сила, которая объединит Россию!”?

Пожалуй, таких “предателей Путина” я не люблю еще больше, чем самого Путина.

Кстати, зря вы все так ополчились на бывшего президента Республики Беларусь Лукашенко А.Г., сторонники которого, вероятней всего, подделали результаты выборов. Ведь в Беларуси, в отличие от богоспасаемой Руси, есть смертная казнь.

Стараниями А.Г. Лукашенко и парламента РБ, отлитыми, говорят, совсем недавно в закон, эта самая смертная казнь полагается за попытку государственного переворота, которую вышеназванный Лукашенко А.Г. сейчас и предпринимает.

Стало быть, бывший президент РБ видит перед собой не абы кого, а прямой скелет с косою.

Скелет этот можно и трактором задавить, но трактор же не оружие все-таки, вот и хватается предполагаемый преступник за автомат:

вдруг хоть кто-то из его охраны окажется законопослушным гражданином...

25 августа 2020 г.

В воспоминаниях одного чекиста прочитал, помню, как Иосиф Ромульдович Григулевич после неудачи его покушения на Троцкого в компании Сикейроса и в ответ на успешно проведенное при участии Наума Эйтингона и Рамона Меркадера, предложил товарищу Сталину в конце войны отравить товарища Тито. Для этого нужно было изготовить коробку сигар, из которой в момент поднятия крышки вырывался бы некий дымок с ядом. Товарищ Сталин проигнорировал предложение т. Григулевича, и тому пришлось даже немного помотаться по миру, чтобы не оказаться раньше времени Петровым и Бошировым.

Мы одомашнили анчар
для развлечения янычар

1 сентября 2020 г.

Помню, как мне исполнилось 6 лет, помню, как исполнилось 7 лет. Как мне исполнилось 67 лет, тоже едва ли забуду. Но всегда буду благодарен НИУ ВШЭ и Михаилу Андреевичу Осадчему, автору лежащей в основе этого документа экспертизы: теперь я избавлен от необходимости давать комментарии о нашем расставании многочисленным СМИ, которые сегодня, как говорили когда-то, обрывали мой телефон.

3 сентября 2020 г.

Понятно, почему клоачный так обиделся: ведь как сказанул он двадцать лет назад своё “мочить в сортире”, так и понеслась. Никакого более глубокого геополитического суждения не высказал. Мог бы работать таксистом, а так и остался мочильщиком в привокзальном сортире. А это обидно.

7 сентября 2020 г.

Сидят садист и мазохист в камере.

Мазохист:

- Ну помучай меня, ну что тебе стоит?!

Садист:

- Что-то не хочется мне.

- Выведи нас из клоаки! — просят клоачники своего Обнуленьша.

- Куда? Зачем? Вы же сами выбрали эту русофобскую пещеру!
И ведь прав, прав, тысячу раз прав: сами, всё сами.

10 сентября 2020 г.

В 1989 в “Вопросах философии” вышла моя статья “Ложь как состояние сознания”. Что-то из этого наивного опуса остается в силе и сейчас. Но в целом все происходит в СССР/РФ по старой присказке, вычитанной в каком-то экспедиционном отчете.

Первая блошка — как вошка.

Вторая блошка — как плошка.

А третья блошка с плеча скатилась
и с соседской собакой сцепилась.

Глубоко забрались. Простого выхода не будет.

14 сентября 2020 г.

“Только новичок в политике мог надеяться, что мертвый Ленин, отпущенный из мавзолея, отвлечет Россию от ее полуживого шакала — этой бешеной собаки империалистического либерализма. Свое отхожее место в истории — за родиной, за Сталиным — этот новичок уже занял. И никакая курица в мире не сможет вынуть эту жемчужину из проруби презрения мирового пролетариата!”

Москва. Красная площадь, Мавзолей. Ленин

18 сентября 2020 г.

С Новым годом, дорогие товарищи евреи! Шана това!

Для пуцего веселья воспроизведу сегодняшний вацапный разговор с товарищем, не имеющим аккаунтов в соцсетях:

- Как папа? Он где сейчас?

- В Иерусалиме, дорогой.

- Погоди, Чингизыч, но еврей-то вроде по ихним правилам ты?

- Ну да.

- А в Иерусалиме — он?

- Ну да.

- Вот она, настоящая разгадка таинственной русской души: совершенно неважно, кто еврей, а кто нет!

- Обнимаю, дорогой.

- Взаимно. И ты им там скажи, пусть держатся! И за нас там два слова скажут типа кому надо.

22 сентября 2020 г.

Роль женщин в постсоветской истории.

Трудно не сравнивать

Юлию Навальную, Марию Колесникову, Киру Ярмыш, Любовь Соболь с так называемыми мужчинами во главе обоих государств.

С автоматом в руках или со спецстаканом, чтобы не отравили, этот мужской продукт постсоветской политической истории еще огрызается, еще очень опасен, а больше всего он боится как раз сравнения с прекрасными женщинами-воительницами, бесстрашными, любящими, умными.

Управлять эти президенты могут только с помощью мужского жлобья в масках, избивающего безоружных женщин и подростков с открытыми лицами.

Обидно, что картина так проста: даже порассуждать не о чем.

29 сентября 2020 г.

Один дурак задал мне вопрос, “каково мое мнение о войне” на Южном Кавказе. О войне — худшем из зол. Мое мнение его интересует не просто так, а как “представителя азербайджанской культуры”. Мол, что ты на это скажешь, пантюркистское отродье? Как поведешь себя, не начнешь ли юлить перед судом жертв и праведников? Если у меня есть френды, интересующиеся этим вопросом в этно-племенном, так сказать, разрезе, очень прошу сразу пройти на выход, к остальным клоачникам.

2 октября 2020 г.

Меня иногда спрашивают...

Ясное дело, никто никогда меня об этом не спрашивает, но и доказательств у вас никаких нет, что не спрашивают, так вот: Меня иногда спрашивают, неужели у меня не осталось в памяти каких-нибудь чувств из эпохи Брежнева?

Ну, я сначала отнекиваюсь, а потом отвечаю, что остались. И это не только чувство тоски. Некоторые чувства даже впервые и возникли в эпоху Обнуления.

Эпоха Брежнева ушла, а вот эмоции, которые она сеяла, проросли только сейчас. В брежневские годы нам все время талдычили про “чувство глубокого удовлетворения”. Даже анекдоты о нем были, а вот самого ЧГУ — никогда.

Мог ли я думать, что ЧГУ возникнет в наши дни? А оно возникло.

Дело в том, что за двадцать лет я ни разу не сказал о Клоачном Обнуленце ни одного доброго слова.

Иногда, в самом начале нулевых меня пытались убедить некоторые прибалтнанные, что вот, мол, доказательство его вменяемости, или политической прозорливости, или понимания, что у нас иначе нельзя, но я не поддавался.

Никакого интеллектуального подвига в этом нет, конечно, но чувство глубокого удовлетворения — есть.

Поэтому прозревшим на третьем десятке лет правления чекистской банды мой совет: изучайте историю своей страны.

Хотя бы детям своим передайте отвращение к себе за слепоту.

7 октября 2020 г.

Интересно, каким именно своим клоачным девизом обнуленный войдет в историю?

- Мочить в сортире?
- Она утонула?
- От мертвого осла уши?
- Сопли жевать?
- Это не факт, что человека нужно было убивать?
- Убийство Политковской нанесло больший вред России, чем ее журналистская деятельность?

Дополнения из комментариев:

- Обрезать, чтобы ничего не выросло.
- Буду краток.
- Скощухи не будет!
- Двущечку вlepили.
- Потом — суп с котом.
- Мы попадём прямо в рай, а они просто сдохнут.
- Наняли шлюх за 10 долларов, чтоб меня дискредитировать.
- Бандерлоги, стуча копытами, ушли в сторону леса.
- Тогда он был бы не бабушкой, а дедушкой.
- История российско-американских отношений — очень давняя и имеет разную окраску 2009, при визите Обамы.
- Замучаетесь пыль глотать.
- Вот Ганди умер, и поговорить не с кем.
- Печенегии...
- В 1937-м утром человека арестовывали, а вечером родственникам выдавали труп.

- Зря вы хрюкаете! (2020)

30 октября 2020 г.

Вчера жена грибов нажарила. Белых.

Ночью ей приснилось, что вступила боевиком-наблюдателем в какую-то организацию в Латинской Америке, и начальником у них Мадуро. Очень неприятно было, говорит, массу знакомых встретить в этой банде.

А мне приснилось, что надо выступить в Госдуме, и я туда прихожу, как был, в шортах и тишотке, а они там на стены какие-то карикатуры в формате Аз приклеивают скотчем, а мне говорят, ну, мол, неудобно в таком виде все-таки выступать: ядерная держава, начальник из бункера будет смотреть, ехай, говорят, домой, переоденься, мы тебе машину дадим. И дали машину, но пока я ездил, кстати, не домой, а куда — не помню, но смотрю — рюкзак с компьютером пропал по дороге, я кинулся искать — они в гараж меня завезли под Думой, а там — бесконечный лабиринт, с какими-то магазинчиками, и в одном искусственных кошек для детей и одиноких взрослых продают — желтых, полосатых, глаза мигают, и какая-то женщина жалуется, что дочка огорчилась: кошечку купили, а та не растет. Ей говорят, а вы, мол, сдайте нам, ту, маленькую, а себе побольше купите: у нас все размеры. И действительно — кошки ходят по магазинчику под Думой, глазками своими оранжевыми посверкивают, и все разных размеров, очень похожие на настоящих.

Рюкзак не нашел, а пока искал, еще и куртку кожаную потерял, как и дорогу к Думе. Запомнилось только, что на 16:40 у меня там вчера выступление было назначено. Но не срослось. От огорчения и проснулся. А тут и жена с Мадуро, новости из банды передает. Но у них там, судя по рассказу, тоже не получилось.

Грибы были вкусные, но далеко белому до мухомора!

11 ноября 2020 г.

Моей маме казалось, что лучше мацу не заказывать по телефону (“разговоры прослушиваются”), а посылать за ней меня прямиком на улицу Архипова. Нужно было купить две пачки примерно по 3 кг, завернутые в белую гляцевую или в ложнокрафтовую бумагу с печатью раввина Левина (для нас и для Гринбергов).

Иногда вместе с мацой и мешочком мацальной муки мне вручали в синагоге брошюру-молитвенник на следующий год.

Брошюра начиналась словами:

“Отче наш небесный, благослови правительство СССР — оплот мира во всем мире”.

4 февраля 2021 г.

Концлагерь в Сахарово

Посмотрел репортаж Владимира Роменского от концлагерька в деревне Сахарово. Там пока еще все плохо организовано, но одно резануло страшно.

Корреспондент “Дождя” случайно напоролся на иностранку — гражданку Туркменистана, муж которой вышел в магазин и был задержан, а потом привезен в этот лагерь, где и начал ждать депортации в свой Туркменистан.

Жена принесла очередную передачу.

Корреспонденту, который мне очень нравится за бойкую и дельную работу, сразу стало скучно, и он переключился на своих.

Вы спросите, почему ему стало скучно?

Да потому что передачи свои эта женщина возит в Сахарово не два дня, а ДВА ГОДА. Рейсов в Туркменистан нет.

Казалось бы, ну спроси ты человека, на каком основании сидит ее муж: ведь был бы преступник, сидел бы в тюрьме или в колонии, а так, стало быть, просто рейса ждет...

Но она для корреспондента — чужачка.

10 февраля 2021 г.

Два слова о Европе, или Норманнскую теорию — в жизнь!

Сейчас накинутся на Константина Богомолова-Собчак, мол, Европа ему не нравится. Но Европа не нравится и Герхарду Шредеру, бывшему канцлеру Германии, а ныне строителю газопровода в обход ужасной Украины, не нравится “загнившая Европа” и Лепенке во Франции, и неонацистам из “Альтернативы для Германии”, которые вынуждены терпеть в своей бывшей Европе соседство “всех этих арабов, вьетнамцев, евреев, русских немцев и турок”, не нравится Европа и многим живущим в Германии евреям и русским немцам, вынужденным терпеть “всех этих...” и друг друга.

И британцы отплыли, вон, на целый Ламанш от Европы подальше, плюнув на Гибралтар, а, может, и на Шотландию с Северной Ирландией, — лишь бы не с Европой!

Почему же людям в Северной Евразии запрещать говорить то, что они себе придумали?

Наоборот, чем больше Богомолов или, скажем, мининдел Лавров будут выступать за свои особые ценности, за стойкость духовитых портянок, за домострой, за крепкий мужской гендер, тем скорее настанет момент, когда другие российские трудящиеся захотят снова попробовать старую добрую норманнскую теорию. Раньше я в нее не очень верил, считал легендой. А сейчас вижу, что да, было дело, и без варягов — никуда. Тем более, что и вся фанера, из которой мудрец в старом советском анекдоте предлагал изготовить ероплан, пошла на строительства далее не спираемого дворца на Идокопасае.

Славься, Константин Богомолов, славься, мининдел Лавров! По-скорее бы ваши оппоненты сказали друг другу: “Вперед, за варягами!” Вот только где те варяги?...

24 марта 2021 г.

Не заступиться за Киру Ярмыш

Простая вещь, но не все понимают. Не исключено, что большинство не понимает, но тем хуже для большинства.

Подвергли репрессиям группу людей. Один из этих людей оказался автором книги, которую должны были представлять на ярмарке — вместе с другими книгами других авторов.

Ты — тоже автор, и ты понимаешь, что другого автора репрессировали (незаконный арест, пока — домашний, и наглый цензурный запрет на представление книги — это репрессия), но тебе очень неудобно перед другими хорошими людьми, тебе очень хочется показаться (все ведь давно друг друга не видели). И ты мужественно решаешься на компромисс: я пойду, но я там всем обязательно скажу про Киру Ярмыш!

Но это тот случай, когда слова будут горохом об стену, а вот действие — полным и однозначным: в этот трудный час, выбирая между принципом (неделимой свободой) и репрессиями (ведь это не я так сделал, что она не может представить книгу), я выбираю репрессии.

И вот как раз за эту поддержку следующим попадешь под репрессии ты сам. И за тебя на тех же основаниях никто не вступится.

В 1986 году А.Д. Сахаров сказал примерно следующее: “Когда совсем ничего не можешь сделать, придержишься принципа”.

Сейчас как раз такая ситуация: у общества (интеллигенции, называйте как хотите) нет принципов, и оно платит за это дорогую цену — и все вместе, и каждый в отдельности.

11 июля 2021 г.

Составные части антипрививочной идеологии

Раньше я думал и написал, что у российских антиваксеров есть две базовые причины, по которым те отказываются от прививок: “авось не заражусь” и “небось шмурдяк какой вколют”.

Но сейчас главным стал аргумент “это-мое-тело, и-не-вам-мне-указывать, как-им распорядиться”.

Кто помнит, в 1970-х гг. в СССР очень в ходу были т.н. этнические анекдоты. Разумеется, о политкорректности тогда и речи не было, и анекдоты о евреях и армянах, чукчах и грузинах, японцах и русских принимались как данность.

И вот был такой анекдот.

Делегация японских рабочих приезжает в СССР, и советский рабочий спрашивает, как, мол, у вас там в Японии с рабочим днем.

- Очень просто, - отвечает японский рабочий. - Третью времени я работаю на себя, треть на хозяина, треть — на Японию. А как у вас?

- Ну, на себя советскому человеку работать зазорно — у нас все-таки не капитализм. Хозяев у нас нет. А на Японию мне насрать.

В отличие от фольклорных аргументов первого порядка (авось и небось), аргумент второго порядка дышит героическим свободомыслием и индивидуализмом (“так лучше, чем от водки и от простуд”), но главное в нем — важность моих эмоций, моей самооценки, а на всех остальных — как советскому рабочему из анекдота — на Японию.

Против этой триады — “авось”, “небось” и “насрать” — бессильны все вирусологи и эпидемиологи мира, вся статистика и, что занятно, весь собственный прошлый опыт.

17 июля 2021 г.

В сообщениях о ковидных смертях знаменитостей появилась новая нота.

Вчерашние вирусологи стали туроператорами Харона:

- Взошел на борт Ладьи еще и NN.

- Хорошего путешествия! — откликаются комменты.

Лайк со слезинкой ребенка, с обнимашками, с сердечком.
Не ритуальный зал, а речной вокзал какой-то.
Правда, Лета, Стикс и Ахерон повыходили из берегов...

18 сентября 2021 г., 20:39

Новое расследование Эркюля Пуаро.

Мистер X носит часы, которые исчезают, оставляя после себя только отражение на полированном столе.

Мистер У носит часы, не обращая внимания на дату. При этом, как все счастливые люди, он умеет начать процедуру, к примеру, голосования в 15:24, а кончить — в 15:10. При этом, как показал Андрей Мальгин, это его неповторимое действие может, оказывается, повторить любой человек, просто пройдя по ссылке, видимой на телеэкране.

Мистер Z, из ролика Марии Певчих и Георгия Албурова, видимо, по совместительству с госслужбой работает в том цирке, которому румынские пограничники продали часики, собранные Остапом Бендером перед бегством с родины.

Итак, господа X, Y и Z носят часы.

Носить часы в наше время — это примерно то же, что рассказывать замогильные советские анекдоты, цитировать Ильфа и Петрова и подписывать школьникам телеграм-каналы золотым пером прямо на титульном листе. Мне, пенсионеру, это можно, а руководителям современного государства нельзя.

Правда, Эркюль Пуаро все поставил на свои места.

По его словам, все вышеперечисленные не наблюдающие своих часов часовладельцы — не кто иные, как иностранные агенты. Один представляет бокситодобывающие страны Африки, другой — царство самого товарища Вельзевула, а третий, страшно сказать, Германскую Демократическую Республику. От имени этой самой ГДР, полагает Пуаро, господин У и решил отомстить своему бывшему ведомству за то, что его отправили в свое время завклубом в город Д., который отличался от других крупных городов ГДР тем, что там не ловилось западногерманское телевидение, из-за чего эту часть Саксонии местные жители прозвали “демократическим мешком”. Но У-то в душе был настоящим агентом и всю жизнь мечтал захватить вражеское государство и незаметно для врага привести это государство к краху.

На наших глазах ему это удалось.

Этот мотив и вскрыл Эркюль Пуаро.

Господин У хотел доказать всем, какую страшную ошибку допустило руководство КГБ СССР, отправив его на такой унижительный пост. Мечь господина У оказалась поистине страшной.

Всего за двадцать с небольшим лет скромный сотрудник Штази сумел парализовать волю населения самой большой по площади страны мира к сопротивлению, разрушить конституционный строй этой страны, превратить вчерашних ближайших союзников и братьев вдоль границ в настоящих врагов. Правда, один навык из прошлой жизни советского человека он сохранил — ношение часов.

Но, усмехается Эркюль Пуаро, часики эти идут в обратную сторону. Да и выставлять дату господин У так и не научился.

Людмила Улицкая и Дмитрий Шалин

Из автобиографических диалогов

From Dialogues on Autobiography

20.02.2021

Дорогой Дима! Вот отрывок из моего дневника 2017 г. Только сами сократите пожалуйста! Ваша ЛУ

20.02.21

Люда,

Спасибо за замечательный материал – прочел на одном дыхании. Не хотелось бы его сокращать, делать нарезки, а печатать весь текст в рамках подборки, связанной с *Энциклопедией юности* может не получиться. Главным образом из-за отведенного листажа и числа участников обсуждения. Свяжусь с редакцией, узнаю про возможность увеличить общий объем материала, а пока хочу вас расспросить об альтернативных вариантах-форматах публикации.

В автобиографической части ваших дневников вы касаетесь близких мне вещей – выбора судьбы, неизбранной стезе, путешествии как виртуальном освоении непржитых миров... По ходу чтения у меня возникло желание написать комментарий к вашему мемуару, вроде того, что я сделал в связи с автобиографической прозой Эпштейна-Юрьенена. Не знаю, понравится ли вам эта идея. Если мои заметки придутся не ко двору, их можно отложить в сторону и печатать ваш мемуар отдельно. Тем не менее, дайте знать, если такой вариант вам не представляется абсурдным.

Есть и другие варианты. Я прилагаю к сему посланию выдержки из моей *переписки с Мишей Эпштейном*, опубликованные в его юбилейном сборнике, как пример еще одного формата публикации. Если у вас возникнет желание обменяться со мной мнениями по мемуарно-автобиографическим вопросам интересных вам и мне, то можно было бы подумать и о таком формате.

А что касается обсуждения *Энциклопедии*, то, может быть, вы напишете отдельно несколько страниц/параграфов по этому случаю. А нет, так нет.

Так или иначе, будем печатать ваши дневники.

Всегда ваш, Дима

20.02.21

Ох, Дима! Стрела попала в цель! И в какую! Вчера я прилетела из недельной поездки в Египет – паломничеством к умершей смерти я бы назвала эту поездку. Сегодня день моего рождения – мне исполнилось 78 лет, и это нарушило концепцию моей жизни, в которой 77 лет я назначила последним годом. И промахнулась! Теперь приходится на ходу менять проект! И связан он с дневниками, которые веду много десятилетий. Текст, который я вам прислала – его маленький фрагмент. Я собрала из дневников – не могу сказать книгу – скорее файл, который называется “Двадцать месяцев”, откуда посланный вам фрагмент. Что делать с этим корпусом текстов – не знаю. Я договорилась с моей подругой и лит. агентом Юлей Добровольской, что все завещаю ей, и пусть поступает как сочтет нужным и как сложатся обстоятельства, скорее пейзаж... Возможно, вы и есть фигура в этом пейзаже...

Я в ужасе и в восторге от бездонности жизни. Вчера вечером улеглась после тяжелого перелета и слушала М.В. Юдину – и всплыл эпизод с ней, который на моих глазах развернулся в начале 70-х. Читаю ваше письмо с упоминанием Венички Ерофеева – и снова картинка одного забавнейшего вечера, когда я его, пьяного, тащила на вокзал от Котрелевых, а муж мой, великий, между прочим, художник, который мужем тогда не был, пришел в ярость, истолковав мой уход с Венечкой в духе нашей шальной молодости... Но текст пригодный для вашего проекта у меня действительно есть. Поищу и пришлю. Суть его в том, что человек представляет собой текст, записанный последовательностью букв-нуклеотидов, составляющих индивидуальную последовательность ДНК каждого человека, а все написанное человеком является текстом ВТОРОГО ПОРЯДКА, то есть текст, произведенный текстом. Замечу, что по образованию я генетик и знаю, что

говору. Если я этот текст найду, то пришлю, потому что мне кажется, что он вам пригодится. Ваша Л.У

20.02.21

нашла:

СЛОВО, ТЕКСТ

“В начале было Слово...” – это первые слова Евангелия от Иоанна. А какое это было слово – устное или письменное? Я смею предположить, что слово это было записано химическими формулами.

Текст всеобъемлющ и многогранен. Первые тексты были биологические – сама Природа, создавая живые существа, записывала их свойства химическим алфавитом ДНК. Этот алфавит в 1953-м году человек сумел прочитать. Таким образом, первые письмена жизни не были буквенными текстами, первые письмена писались химическими соединениями. Оказалось, что все живое представляет собой запись, своего рода шифровку, которая разворачивается в инфузорию, в крысу, слона и человека. И человек являет собой сложнейший, лишь частично прочитанный текст. Вдумайтесь – это величайшее чудо жизни: прочтение человеком текста, которым записаны его качества физические и умственные.

Возможно, человек не самое лучшее произведение Природы, но оно уникальное. И уникальность его заключается прежде всего в том, что человек научился производить собственные тексты. В каком-то смысле, производимые человеком тексты – второго порядка. А как еще их можно назвать, эти тексты, от первых знаков, нацарапанных обломком камня на стене пещеры до шедевров Данте, Шекспира, Пушкина?

Владимир Иванович Вернадский, великий российский ученый, стоял у истоков великого открытия ноосферы. Если биосфера – совокупность всех живых существ, от инфузории-туфельки до человека, то ноосфера – хранилище всех мыслей, обращенных в тексты, всего интеллектуального богатства, созданного за 200

тысяч лет существования человека. Это главный продукт деятельности человека, осознание мира глазами человека.

Человеческая культура, сохраняемая текстами, нотными знаками, графикой и живописью – великая запись Творения, если угодно, дневник Господа Бога. Но пишут его люди, и не обязательно люди гениальные. Даже самый заурядный человек, записывая свои повседневные мысли и дела, оказывается участником и творцом уникальной человеческой культуры.

Первые каракули ребенка и высочайшие шедевры поэзии – все это тексты, создающие человеческую культуру. Мы, люди, созидаем культуру, а она созирует нас.

20.02.21

Люда,

Я уже несколько лет внимательно слежу за исследованиями в нейробиологии и эпигенетике. Напечатал несколько статей об открытиях в этой области и их значении для социологии и социальной психологии (все по-английски, а то бы переслал вам, но их можно найти на [странице моих публикаций](#)). Вот какие неожиданные переключки.

Планы, к счастью, не всегда сбываются. Вы загадывали на 77, не угадали. Сколько запрограммировано в вашем биокультурном геноипе никто не знает. Возможны сюрпризы, открытия – в музыке, в людях, в творчестве.

Раз уж так сложилась судьба, почему бы вам не заняться своим эпистолярием, дневниками? Как следует из ваших выкладок о знаках-текстах – генетических и прочих, в них закодирована не только ваша личная судьба, но и эпоха.

Уверен, что Юлия Добровольская справится с задачей. Найдет компетентных редакторов, когда придет время. Подыщет издателей, все напечатает. Но это будет наследие другого рода, чем то, на которое вы могли бы сподвинуться.

Не знаю, впишусь ли я в сей пейзаж, но этого нельзя исключать. Мы почти ровесники (я родился в Питере в 47-м). Вы раздумывали об эмиграции, я решил на это шаг. Склонность к рефлексии определенного рода у нас налицо. И музыкальные склонности, похоже, во многом сходятся.

Давайте сделаем тест, который поможет решить, стоит ли нам сотрудничать в подготовке к публикации ваших (и моих) записей/воспоминаний.

Ниже прилагаю сноски на свое карантинное искусство – оцифрованные и выложенные в интернете записи любимых музыкантов, пропущенные через фильтр моих аффективных пристрастий (чтобы услышать записи, нужно ввести пароль: cdclvsd). Если эти компиляции вам что-то говорят, то в нашем биокультурном генотипе есть переклички.

Ваш, Дима

Chopin's Introspection 165

Scarlatti's Lucidity 119

Monteverdi's Madrigals 21

Arvo's Prayer 55

20.02.21

Дорогой Дима! Спасибо за подарок! Это лучший вид подарков – места не занимает, не думаешь, кому бы передарить и всегда с тобой! Спасибо! Люся

23.02.21

Arvo's Prayer – неизвестный мне автор, прекрасно. В остальном – полное попадание!

23.02.21

Люда,

Arvo Pärt – эстонский композитор. Это выдержки из его *Fratres* (1977). Действительно, необыкновенная музыка.

Возникнет желание услышать что-то еще из моих подборок, сообщите и я пришлю сноску.

Читаю *Священный мусор* (спасибо за подарок), делаю записки и выписки, а в голове крутится строка из ненаписанного стихотворения:

“И судьбы близких примеряя на себя, воспоминаний некролог я бережно слагаю”

Сегодня у меня семинар по классической теории для аспирантов; когда освобожусь, поделюсь соображениями о возможном диалоге через океан.

Ваш, Дима

23.02.21

Дима, да я Пярта давно знаю, слушаю. Просто я не поняла, что речь идет именно о нем. И не узнала ухом, потому что ухо мое довольно тупо. Ему надо долго вдалбливать, чтобы оно запомнило. А сегодня собрались идти на концерт Владимира Мартынова – тоже, конечно, знаете, но он позвонил, и сказал, что билетов для нас нет, из-за карантина сократили количество мест. Пойдем завтра. Однако признаюсь, что у меня есть главный композитор, которого слушаю почти ежедневно, думаю, легко догадаетесь, кто он.

После *Священного мусора* еще вышла книжка *Бумажный театр*.

23.02.21

Люда,

Я провел более сотни интервью, главным образом с социологами. Из них десятка три с россиянами – Галина Старовойтова, Юрий Левада, Борис Грушин, Виктор Шейнис, Василий Селюнин, Мариетта Чудакова. Моя переписка и четыре интервью с Игорем Семеновичем Коном, моим университетским учителем, пожалуй, наиболее характерный образец. Эти материалы по большей части опубликованы в журналах и размещены в разделе “*Интернациональная биографическая инициатива*” Центра дем культуры.

Вообще жанр интервью односторонен, мне ближе диалог, разговор, беседа. Или “интервюар” – смесь интервью и мемуара, где один жанр переливается в другой, документы приобщаются к делу вместе с комментариями, мемуарные материалы перемежаются с эссе по поводу и без.

Мы могли бы начать диалог по имейлу, неспеша и под настроение. Увидим, как он пойдет и пойдет ли. У меня есть к вам вопросы, связанные с вашими автобиографическими заметками и литературными опусами (меня, в частности, интересует их пересечение). Буду рад ответить на ваши вопросы, если такие появятся. Бестактные/неинтересные вопросы нужно игнорировать. Ранее сделанные комментарии можно редактировать, изымать, дополнять. По ходу дела следует делать ссылки на письма, дневники, записи – уже опубликованные или выложенные с обоюдного согласия в интернете. Хотелось бы поработать с вашими дневниковыми записями вошедшими в “Двадцать месяцев”. Это важный ресурс для понимания пробуждающегося самосознания и триангуляции событийно/нарративной траектории жизни.

Наш диалог без взаимного решения не стоит никому показывать. А когда и если возникнет желание что-то опубликовать из этих диалогов, то сделать это, я думаю, будет не очень сложно – в России, в Америке, еще где-то. У Центра дем культуры есть свое онлайн-издательство, и там всегда можно разместить материалы слишком объемные или неудобоваримые для других платформ.

Вот пример вопросов, которые у меня возникли при чтении *Священного мусора*.

Возможно, это проекция, но тема эмиграции, альтернативной судьбы – *unclaimed fortune* – одна из сквозных в вашем жизненном опусе. Маша уехала в Германию, Люда переселилась в Италию, Горбаневская во французском галуте, Аронич – лягушка путешественница, и вот напрямую: “сказала бы Г.М. ‘да’, вышла за него замуж и уехала в НЙ в 85-м году. И гуляла бы не по Гайд Парку, а по Сентрал Парку...” Между тем, применительно к себе

вопрос об эмиграции и решении вы не обсуждаете. На него скорей всего есть ответ в других работах (к сожалению, здесь могу достать только переводы ваших книг). Когда зародилась мысль о возможном исходе, менялось ли отношение к перспективе все оставить и переселиться в мир иной, что повлияло на окончательное решение, и такое уж оно окончательное?

Я давно обратил внимание на то, что, когда пишем о людях нам соприродным, мы наделяем их качествами, которые ощущаем в себе или которые хотели бы видеть в собственной натуре. Когда я писал некролог Володи Шляпентоха, коллеги социолога, я перечитал его собственные некрологи, написанные на смерть его друзей и коллег, и убедился, что это во многом так. Набоков – ученый и писатель, гений самостояния и самоконтроля, человек, не приемлющий российского разгильдяйства и религиозно-политической истерики, и гуляет он как кот сам по себе. Во всяком случае, так он видится вам как биологу и литератору. Это вы про себя? Если да, то есть ли у Набокова-человека (и писателя) черты, которые вы отмечаете в себе с удовлетворением, с сожалением, еще как-то?

“Все живое представляет собой запись, своего рода шифровку”, пишете вы. “И человек являет собой сложнейший, лишь частично прочитанный текст”. Тема биокультурного генотипа, человеческой породы, предначертанности судьбы – еще одна константа в ваших работах. А как быть со случайностью и хаосом бытия? Эпигенетика указывает на механизмы индивидуального (и группового) развития, которые обуславливают фенотип помимо и вопреки генного кода. Как примирить свободу воли и творчества с всезакодированностью жизни?

Есть еще много вопросов, но день на исходе, я измотался и заканчиваю свое послание.

О Владимире Мартынове в другой раз. Что касается вашего самого любимого композитора, вот два варианта: (1) Моцарт, (2) Бах.

Ваш, Дима

24.02.21

Дорогой Дима! Я готова отвечать на ваши вопросы. Диалог – замечательная форма общения. Это еще Платон заметил. Что касается “триангуляции событийно/нарративной траектории жизни” – мне хотелось бы обойтись в нашем общении без этой терминологии.

Ваша Л.У

24.02.21

Люда,

Обойдемся без триангуляции. Что касается Платона, то его диалоги не лучшая модель беседы-разговора. Там один автор раздает реплики всем участникам, причем его оппонентам достаются не самые убедительные доводы. У Горгия и Протагора была более интересная аргументация, чем та, которую им приписывал Платон. Судя по альтернативным источникам (например, у Аристоксена), исторический Сократ фигура более многогранная и интересная, чем его портрет в платоновских диалогах.

Я собрал нашу переписку как она сложилась к сегодняшнему дню (см. под скрепкой). Что-то вроде предисловия к возможному диалогу. Исправил какие-то опечатки, добавил сноски на цитируемые материалы. Посмотрите, подправьте. Может быть, возникнут идеи как делать подборку наших разговоров.

Ваш, Дима

П.С. В своих письмах я обращаюсь к “Люде”, вы подписываетесь “Люся” – как правильно?

25.02.21

Люся меня все зовут. Дайте еще пару дней, а то вдруг много работы образовалась, да еще и лондонского внука подбросили.
Люся

25.02.21

Люся,

Внуки, дети, семья прежде всего. У нас нет дедлайна. Появится время и настроение – вернемся к диалогу.

Дима

08.04.21

АВТОБИОГРАФИЯ ДЛЯ ШАЛИНА

Начальная точка автобиографии – длинный половик в виде дорожки, по которой я неуверенно и целеустремленно иду вслед за большим мячом, который катится передо мной по направлению к цели, тонконогой конической этажерке с книжками. Сегодня эту первую сохранившуюся в памяти годовалого ребенка картинку можно интерпретировать двояко: можно рассматривать ее как знак будущей писательской биографии, а можно представить ее как могильный памятник, завершение многих удачных жизней людей, избежавших газовой камеры.

Следующая ранняя картинка – я сижу на стуле, изображая Людмилу, которой я и являюсь на самом деле, а вокруг меня изображают битву Руслана и Черномора два пятилетних молодых человека. Один из них, Саша Хелемский, был моим первым и пожизненным другом. Он профессор математики, сейчас находится в Греции. Привет, Саша!

Потом начался двор – первый опыт социальной жизни, который я прошла вполне удовлетворительно. Особенно если вспомнить, что в 1953-м году в стране, после высылки десяти разных народностей из Крыма и других мест, дошла очередь до евреев, и, как говорят, теплушки для московских евреев уже были готовы к приему пассажиров и стояли на запасных путях. Я во дворе дралась, защищая право быть тем, кем я родилась.

Школа не оставила ярких воспоминаний. Лучший эпизод относится опять-таки к 1953-му году. Учительница младших классов, пожилая женщина с седеньким пучком и брошечкой на воротнике, Антонина Владимировна Богданова, с указкой в руке подошла к огромному, во всю стену плакату, на котором изображена была костюмированная “Дружба народов” в момент первомайской демонстрации.

“Смотрите, дети – сказала эта великая женщина, – мы живем в многонациональной стране! Вот видите, украинка, узбек, белорус, грузин – все народы в нашей стране равны. Здесь есть евреи и татары. Нет народов плохих и хороших, но есть отдельные люди, которые могут быть и хорошими, и плохими.”

Пять еврейских девочек в классе побагровели и опустили голову, покраснела также и татарка. Это был первый урок социализации.

Да, биография. Закончила школу в 1960-м с твердым намерением поступать на биофак. Мне не сразу это удалось – пришлось два года поработать в гистологической лаборатории, набирая рабочий стаж. Это – написанный спустя лет пятьдесят роман *Казус Кукоцкого*.

Закончила биофак в 1967-м году по специальности “генетика”. С генетикой я рассталась через два года – меня выгнали за самиздат из Института Общей Генетики. Но если бы я сегодня снова выбирала профессию, я бы снова выбрала этот основополагающий предмет – человеческое исследование самого себя. Нет ничего важнее и увлекательнее. Это новый смысл древней и неразрешенной философской задачи – “Познай самого себя”.

Следующее десятилетие было потрачено на браки, разводы и рождение двух сыновей. У меня два сына, Алексей и Петр и четыре-пять внуков. Про старшую внучку мне трудно утверждать что бы то ни было: она дочка жены моего младшего сына, я и сама не знаю, числит ли она меня бабушкой. Очень талантливая, даже мощная, я бы сказала девушка. Живет сейчас в Китае с канадцем-мужем и завела там бизнес.

А что? Это ведь тоже моя биография!

Замужем я была трижды. Мой последний муж, с которым мы прекрасно и разнообразно провели сорок четыре года – художник Андрей Красулин. Андрей – очень важная часть моей жизни. Думаю, никакого писателя из меня бы не получилось, если бы рядом не стоял человек такого творческого наполнения, рядом с которым “веники расцветают”. Что говорить, он “высший класс”!

Мне 78 лет. Биография идет к концу. Не могу сказать, что меня это огорчает. Картинки, которые были мне показаны за это время, замечательные. Люди, которых мне послала судьба, лучшие из лучших.

На днях была на Введенском кладбище. Там похоронена с довоенных времен начиная вся моя семья. Андрей поставил там довольно большой лаконичный камень, без всяких излишеств. Там есть место и для меня. Можно уже выбить буквы “Людмила Улицкая 1943 - ”

И пробел для цифры, которую выбьют, когда настанет час.

14-18.04.21
Люся,

Спасибо за автобиографическую заставку к нашему разговору, задающую общую схему жизни, детали которой щедро разбросаны по страницам ваших книг – *Священный мусор*, *Бумажный Театр*, *Поэтка*. Помимо мемуарной прозы, я прочел несколько романов, повестей и рассказов – *Казус Кукоцкого*, *Зеленый шатер*, *Веселые похороны*, *Первые и последние*, *Сквозная линия*, *Конец сюжетов*, *О теле души*. Сейчас читаю *Искренне Ваш*, *Шурик*, а на очереди еще книг десять, из числа тех, что удалось разыскать и купить.

Пьеса Чао, ЧАУ!, где вы с любовью и иронией рассказываете о русском космизме, навела на мысль, что ваш жизненный проект сродни фёдоровскому. Вы не воскрешаете мертвых, но возрождаете в памяти полу/забытых людей и делаете это с такой животворной симпатией, что они обретают своего рода бессмертие. Развертывается двойная спираль жизни, и каждый новый виток судьбы декодирует время, эпоху, и – кодировщика.

Еще одна мысль вертелась в голове по ходу чтения вашего оeuvre – не зря ли я отрываю вас от дела? В вашей художественной прозе можно найти множество интеллектуальных откровений и биографических сюжетов, сопоставимых с жизненными коллизиями. Там можно найти ответы на какие-то из моих вопросов, пусть не всегда в интересующем меня ракурсе.

Бумажный театр с его непрозой – образец того, как можно публиковать дневниковые и эпистолярные материалы с ретроспективными комментариями. Где-то вы пишете, что уже дали сотни две интервью – вряд ли имеет смысл добавлять двести первое к этому списку.

Разговорный формат мог бы расширить круг привычных тем, вывести нас к менее заезженным сюжетам. Но совсем не факт, что диалог у нас завяжется и его участники захотят его поддерживать. По правилам игры, каждый из нас может в любой момент сказать: “Мне чурики” и отложить диалог до лучших времен. Когда появится время и настроение, можно вернуться к разговору. А если по причинам, от нас независящих и прочих, этого не произойдет, ну, значит не судьба.

Посмотрим, как сложится ситуация. А пока несколько соображений-вопросов, возникших в ходе чтения ваших работ.

***

В *Священном мусоре* вы вспоминаете, как вам “попала книга совершенно неизвестного писателя Владимира Набокова – *Приглашение на казнь*. Я испытала ощущение встречи с абсолютно новым миром. Я не знала, что такое бывает. Так произошло первое соприкосновение с современной литературой”. Там же вы упоминаете *Отцовские бабочки* Набокова, блистательно идиосинкразический текст, который и мне помог понять, почему вы нашли в этом человеке родственную душу. Россия как terra incognita, предмет исследования ученого и поэта, лепидоптеролога способного разглядеть то, что у всех под носом, но что остается незамеченным:

Такого рода атласы бабочек русских, т. е. более или менее сообразные со степенью развития лепидоптерологии в конце девятнадцатого века, не выпускались вовсе, а так как ввиду изложенных причин и условий толстейшие шметтерлингбухи не вмещали России, она оставалась неведомой и незаметной страной, безнадежным пробелом, что, кстати сказать, отзывалось роковым образом на

попытках иных монографистов изучить истинную связь между палеарктическими формами.

И вы исследуете “лепидоптерологическую фауну” Российской империи, делая это со скрупулёзностью естествоиспытателя, наделенного талантом сказителя. Ракурс у вас несколько иной – вы подходите к делу как биолог и генетик. Отсюда заостренное внимание к наследственно-историческим корням рода и видовым вариациям родных сердцу “чешуекрылых”.

В *Отцовских бабочках* я обратил внимание на пассаж, где Владимир Набоков привязывает собственную стилистику к риторике родителя:

Я вдруг узнаю в слогe моего отца истоки собственной прозы: брезгливость к замазке и размазыванию, взаимная приспособляемость мысли и слова, геометридно-гусеничное продвижение фразы – и даже зачатки моих скобок. К этим чертам следует еще добавить благосклонность моего отца к точке с запятой (часто – перед союзом, что находится, верно, в связи с языком его университетских наставников, “that scholarly pause”, отголосок неторопливой английской логики, – но вместе с тем родственно столь ценимому им Монтеню); и я не думаю, чтобы развитие этих черт под моим часто вычурным пером было актом сознательной воли.

На [Четвертой конференции по русской культуре](#) вы рассказали, как, открыв письма деда столетней давности, убедились “в какой-то степени мы несем в себе наших предков. Четверть дедов моего деда – во мне, до незначительных жестов и движений” (см. [видеозапись сессии по автобиографии](#) с 35-й минуты). И у меня с этим наблюдением связаны воспоминания.

На третьем курсе философского факультета ЛГУ я со своим приятелем Юрой Шором организовал [Малый философский факультет](#) и сочинил [приглашение ученикам](#) выпускных классов Ленинграда записываться на занятия. Тогда же моя мать, [Евгения Гутман](#), показала мне записку об открытии музыкального клуба при Выборгском дворце культуры, написанную вскоре после окончания войны моим отцом. Меня ошеломил этот документ –

интонация, структура текста, пристрастие к перечням, стилистика и синтаксис столь характерная для отца бессознательно воспроизводились в моем обращении. От него же, со слов мамы, я унаследовал музыкальные способности, тягу к сочинительству, и какие-то менее симпатичные черты. Я никогда не видел своего биологического отца, артиста театра и кино [Леонида Погорелова](#) (он исчез из поля зрения до моего рождения), но моя склонность сочинять музыку, организовывать конференции и редактировать коллективные сборники – совсем не свойственная моей матери – явно от него. Все, что осталось от отца – это [фотография](#) с короткой биографической справкой на обороте.

Итак, тяга к научному познанию у вас от предков, прежде всего от отца и матери, как и стремление выразить себя в слове: “Мое писательство произошло, с одной стороны, на пустом месте, с другой – на месте, унавоженном моими предками. Прабабка писала стихи, бабушка – очерки в газету *Гудок* и еще кое-куда, дедушка, несмотря на многолетний лагерный срок, — автор трех работ в очень разных областях: от демографии до музыки. А папина книга *Мой друг автомобиль* о том, как надо починять карбюраторы и прочие организмы машины, лежа под ней на старой телогрейке, стоит где-то на полке. Так что генетика налицо”.

У меня по этому сюжету несколько вопросов.

ДШ 1а. От кого из ваших предков вы унаследовали эмоциональный настрой, свойства характера, чувственность?

ДШ 1б. Сохранились ли документы и достоверные факты, указывающие на семейное сходство такого рода?

ДШ 1в. И какие ваши черты не имеют очевидного прототипа?

***

В автобиографическом эссе читаю, “Закончила школу в 1960-м с твердым намерением поступать на биофак. Мне не сразу это удалось – пришлось два года поработать в гистологической

лаборатории, набирая рабочий стаж. Это – написанный спустя лет пятьдесят роман *Казус Кукоцкого*”.

Не только в *Казусе*, добавлю от себя. Образ молодого биолога-ученого, набирающегося опыта в лаборатории, у вас сквозной, как и мотив ухода в гуманитарную сферу. Этот судьбоносный сюжет развернут в самой биографической из ваших книг, *Священный мусор*, в разделе с многозначительным названием ‘Благодарственное слово крысе’:

“Ученая дама приподняла марлевую салфетку с лотка — в нем шевелилось несколько новорожденных крысят...

— Крыски мои, — проворковала ученая дама, взяла живого крысенка двумя пальцами, погладила по еле заметной хребтинке другими ножницами, покрупнее, лежащими слева от лотка, точно и аккуратно отрезала головку. Слегка вздрогнувшее тело, ненужный остаток, она сбросила обратно в лоток, а головку любовно уложила на предметное стекло. После чего испытующе посмотрела на меня и спросила с оттенком странной гордости:

— Так можешь?

Господи, Господи, Господи... Каким только испытаниям Ты нас не подвергаешь! И Авраам положил сына своего на жертвенник и вознес нож, но Ангел Господень остановил его руку... Как изменились меры и весы... Но каждый из тех, кто совершает это движение, бывает спрошен в некий единственный миг: можешь?

— Могу, — сказала я, хорошая восемнадцатилетняя девочка, мужественно справившись с позывом к рвоте, — могу, — и взяла в левую руку атласную розовую пакость, а в правую холодные, прекрасно подогнанные по руке ножницы, и, зажав просвещенным разумом глупую душу, нажала на верхнее кольцо. Головка упала на предметное стекло.

— Молодец, — похвалила теплым голосом Тамара Павловна — вот так ее звали”.

А вот зарисовка из *Зеленого шатра*:

Маленькая и сухая, как блоха, Вера Самуиловна трясла нержавеющей кучерявыми спиралями, вылезающими из

большого пучка на лоб и на щеки, и учила новую лаборантку так, словно знала заранее, какой прекрасный специалист из нее получится. Вера Самуиловна смотрела на пышные Тамарины волосы, на маленькие ловкие пальцы, отмечала ее сметливость – девочка могла бы быть ее дочкой, скорее внучкой... Перед Тамарой открылась новая картина мира: человек представлялся ей теперь марионеткой, управляемой молекулами гормонов, от которых зависел не только рост, аппетит, настроение, но и умственная деятельность, привычки и навязчивые идеи. Главным режиссером всего этого спектакля жизни Вера Самуиловна назначила эпифиз, маленькую, скрытую в глубинах мозга железу. Дивная, загадочная, только посвященным доступная картина! Другие ученые отдавали первенство гипофизу, но в данной сфере право на заблуждение не каралось тюремным заключением.

В рассказе *Туши, туши, где их души...* из сборника *О теле души* повествуется о трудной карьере биолога по имени “Женя”: “В конце шестидесятого года она, не добрав всего один балл на вступительных экзаменах в университет, поступила работать в биологическую лабораторию – набираться жизненного и профессионального опыта, а заодно и получать рабочий стаж, который сильно облегчил бы поступление на биофак в будущем”.

<...>

Вариации на тему данного автобиографического казуса встречаются и в других работах, где личность автора проецируется на литературные персонажи. Тамара, Женя, Наташа – все эти героини “любопытны”, “сметливы”, “находчивы”, способны преодолевать страхи, действовать решительно, и радикально менять траекторию жизни. Отождествлять автора с лирический героем, как мы знаем, негоже, тем не менее какие-то из этих черт вам, наверное, близки.

Вопросы:

ДШ 2а. Приходилось ли вам писать литературные портреты с натуры и, если да, насколько сознателен был этот процесс?

ДШ 2б. Когда художественный образ начинает приобретать черты автопортрета возникает ли желание что-то в нем изменить, подретушировать?

ДШ 2в. Творчество в науке и искусстве соприсродны, а бывает так, что навыки ученого-естествоиспытателя у вас вступают в противоречие с инстинктами художника?

***

В биографическом дискурсе как правило есть несколько реперных точек. В вашем автобиографическом эссе их несколько: девочка из далекого детства, следующая за ускользающим мячом; детская инсценировка с участием друга жизни Саши Хелемского; двор, где вы защищали право быть самой собой; назревающая высылка евреев на периферию СССР; откровения учительницы по поводу этнических различий; история с гистологической лабораторией с последующим поступлением на биофак; изгнание за самиздат из Института Общей Генетики; десятилетие браков, разводов и рождения сыновей; отдельный пассаж о мужьях; предварительные итоги жизни; преддверие смерти.

Разумеется, этот перечень не исчерпывает знаковых событий жизни Людмилы Улицкой. Ваша литературная деятельность, например, здесь специально не выделена, если не считать отсылку к роману *Казус Кукоцкого*. Не затронуты здесь темы диссидентства, эмиграции, филантропии, постсоветской действительности, и другие сюжеты, описанные в других публикациях, где они развернуты не всегда по одному лекалу. “Начальная точка автобиографии – длинный половик в виде дорожки, по которой я неуверенно и целеустремленно иду вслед за большим мячом, который катится передо мной по направлению к цели, тонконогой конической этажерке с книжками. Сегодня эту первую сохранившуюся в памяти годовалого ребенка картинку можно интерпретировать двояко: можно рассматривать ее как знак будущей писательской биографии, а можно представить ее как могильный памятник, завершение многих удачных жизней людей, избежавших газовой камеры”.

<...>

Ретроспективно восстановленная траектория жизни зависит от контекста, аудитории, особенностей эпохи, авторской задачи, и еще много от чего. Вы могли бы выстроить и другую схему, где доминантами памяти стали бы чтение, музыка, литература, друзья, размолвки, путешествия, романы. Эти грани вашего бытия раскрываются в вашей прозе, непрозе, и беллетристике (не знаю, как лучше перевести на русский английское “fiction” и “nonfiction”). Все ваше творчество подтверждает любопытный факт – современная литература насквозь автобиографична. Вы это и сами подчеркиваете: “Конечно, эта история моей жизни давно уже проросла в разные тексты, которые мне приходилось писать... Но всё, что хотелось мне сказать об этой особенности нашего поколения, я уже написала во множестве рассказов, в романе *Медя и ее дети*, в *Казусе Кукоцкого*... Жизнь перерабатывает материал, из слез, переживаний и трагедий вырастает человеческий опыт. А писатель, глядишь, и напишет что-нибудь...” (*Священный мусор*).

Документы воплощают в себе эпоху, перекочёвывают в литературу, и вновь трансформируются в личные свидетельства. Роль чтения как основополагающей для бытия интеллигента тому пример.

На [Четвертой конференции по русской культуре](#) вы рассказывали о формирующей роли чтения в вашей жизни и проводили аналогию между чтением у людей и импринтингом у животных (см. [видеозапись сессии по автобиографии](#) с 24-ой минуты). В *Казусе*, в *Зеленом шатре*, в рассказах разных лет множество коллизий с книгами и историй о людях, самозабвенно отдавшихся чтению.

<...>

Как исследователя автобиографического дискурса меня здесь прежде всего интересует взаимообусловленность личных документов, литературного творчества, жизненного опыта писателя, и исторических ипостасях эпохи.

Сформулирую несколько вопросов из этого кластера.

ДШ за. Насколько сознательно и целенаправленно вы используете документы – дневники, письма, воспоминания, мемуары – в своей писательской работе?

ДШ зб. Смогли бы вы очертить альтернативную траекторию своей жизни, и если да, то какие повороты судьбы, ключевые эпизоды, и смысловые пласты вы бы тогда выделили?

ДШ зв. Если близкие вам люди узнавали себя в ваших литературных портретах, как они на это реагировали?

***

Демонстрация на Красной площади 25 августа 1968 года, пожалуй, самое знаковое явление правозащитного движения второй половины 20-го века. “Смеешь выйти на площадь” – постоянный рефрен мемуаров о той поре. В *Священный мусоре* он у вас звучит так: “Я стояла в некотором отдалении и с ужасом наблюдала все перипетии Наташиной биографии, и сердце мое разрывалось от страха за нее, от невозможности принять ее выбор, и от стыда всё-таки – что я не могла, да и совершенно не хотела бы сидеть рядом с ней на Лобном месте. Потому что она была не просто гражданка своей страны, а великая гражданка”.

И еще: “Надо бы выйти на площадь. Но ноги не доходят. Дела, дети. А я вот думаю – может, ну их на фиг? В конце концов, общий-то замысел был не наш, сверху спустили!”

Схожие чувства испытала Маша Слоним: “Сорок пять лет назад “великолепная семерка” вышла на Красную площадь. Протестуя против вторжения советских войск в Чехословакию. Среди участников были мои родственники и друзья. Меня туда не позвали. Я даже не знала, что они затевают эту отчаянную акцию. Я потом думала: вышла бы я тогда на площадь? Скорей всего – нет. У меня был двухлетний сын. А Наташа Горбаневская вышла. С восьмимесячным Осей в коляске! (*Поэтка*)

Ира Максимова: “В 1968 году Наталья родила второго сына – Иосифа... Оске было неполных четыре месяца, когда разразились чехословацкие события. Наталья сразу заявила: этого нельзя проглотить, надо бороться, возмущаться, кричать на весь мир о своем несогласии с политикой Советского Союза. Каюсь, я была в

ужасе – плакала, уговаривала ее промолчать, побережь себя и детей. Но разве можно было ее остановить?”

И у Сергея Ковалева чувствуется амбивалентное отношение к этому судьбоносному событию, хотя он уверен, что вышел бы на площадь, если бы заранее знал о демонстрации: “Очень важное для моей судьбы событие – Чехословакия и суд над демонстрантами на Красной площади. Я попал бы в число демонстрантов, если бы заранее знал. А я не знал... Повторяю, я был бы на Красной площади, если б знал. Но я рад, что там не был. Почему рад? Мне рано было садиться или даже ехать в ссылку.” (*Диссиденты*)

Очень красноречив эпизод с собранием, где вам предстояло голосовать за резолюцию, осуждающую демонстрантов:

А по Москве пошли собрания трудящихся – все дружно осуждали демонстрантов с Красной площади. Кажется, в середине сентября всех сотрудников Института общей генетики Академии наук собрали в большом зале на последнем этаже. И как-то так строго собирали, что не пойти было невозможно. Я села в заднем ряду, возле двери, собираясь выскользнуть перед голосованием. Все сотрудники были удручены предстоящим мероприятием. Официальные люди что-то промямлили, дело шло к голосованию. Я свои возможности хорошо знала – на площадь я выйти не смогла бы, но голосовать – это тоже было за пределом возможной границы. Я встала и направилась к двери, возле которой предусмотрительно села. Потянула дверь – а ее заперли. Вторая дверь находилась возле президиума, и идти к ней надо было через весь зал. Я и протопала через весь замерший зал. Признаться, чувствовала себя ужасно – как голая. Хотя была я раздетая девчонка, на высоких шпильках, которые еще и цокали. Длинный зал. Я иду и думаю: ведь сейчас спросят, куда это я направилась. Даже ответ заготовила – “Поссать!” Но никто меня и не спросил. После этого собрания подошел ко мне молодой доктор Саша Нейфах и стал оправдываться – понимаешь, тебе хорошо, а у меня лаборатория... А потом, через года полтора, меня выгнали. Но не за эту дерзость, а уже за самиздат. Это и был мой самый большой антисоветский подвиг. Я была девица хоть и

наглая, но робкая. Что же касается Александра Нейфаха, он впоследствии подписал письмо в защиту Горбаневской и был исключен из партии... Он-то робким не был. (Поэтка)

Тут множество нюансов, которые хотелось бы обсудить, хотя нет уверенности, что мои вопросы уместны. Но попробую.

ДШ 4а. Покинуть зал на партийном мероприятии такого рода – поступок по тем временам недюжинный, чреватый последствиями. Вы готовы были расстаться с работой в результате вашей мини-демонстрации?

ДШ 4б. Как (бы) вы ответили тем, кто ставил под сомнение разумность Наташиного решения выйти на площадь с трехмесячным ребенком? Были ли у вас с ней разговоры по поводу вашего решения не выходить на площадь и ее отношения к сомнениям по поводу ее выхода на акцию с ребенком?

ДШ 4в. Что значит “А я вот думаю – может, ну их на фиг? В конце концов, общий-то замысел был не наш, сверху спустили!”?

ДШ 4г. “Я свои возможности хорошо знала – на площадь я выйти не смогла бы” – почему нет? Как вы эту нерешительность объясняли себе тогда и как ваша мотивация видится вам сегодня?

***

У Меня с чехословацкими событиями 1968 года связаны тяжелые воспоминания. Летом того года я был на военных сборах студентов третьекурсников философского факультета ЛГУ. В конце августа наш взвод всю ночь тянул проволоку, устанавливал радиосвязь с какой-то условной военной точкой. Мы едва заснули под утро, и тут же нас разбудили – советские танки вошли в Прагу. Надо полагать это было утро 21 августа, 1968 года.

Разочарование было не только из-за вероломной акции Советского Союза, но и потому что сорвалась поездка студенческой делегации, запланированная на конец августа. Я очень ждал этой поездки. Пражская весна нас всех взбудоражила, много разговоров об этом событии на факультете, казалось, и у нас грядут перемены.

Но после оккупации Чехословакии я мог войти в Прагу только в составе советской военной группировки.

Мое политическое созревание не было стремительным. В памяти остался день смерти Сталина, огромный портрет вождя в детском саду, воспитательницы с обезумевшими глазами, зареванные лица. Ясно было, что умер кто-то очень важный, но кто именно и почему это так непоправимо, я, детсадовец старшей группы, не очень соображал.

В средней школе меня больше интересовали шахматы, пинг-понг, и музыка (я тогда ходил на занятия в Дом композиторов на улице Герцена), но где-то в конце 50-х отголоски политических перемен докатились и до меня. XX-й съезд, реабилитация полит заключенных, уже позже суд над Бродским, Даниелем и Синявским подтолкнули к рефлексии. Мать моя, сотрудница музея Пушкина на Мойке, приносила домой Булгакова, Пастернака, Замятина, еще какой-то самиздат. Помню разговоры со старым большевиком в колхозе на картошке, куда меня определила мать по разнарядке музея Пушкина (кажется его фамилия было “Беркович”). Я слушал, читал, мотал на ус, но ощущение, что все это имеет ко мне прямое отношение возникло только в старших классах. Книгой, произведшей на меня неизгладимое впечатление и окончательно выведшей меня из идеологической спячки, стал *Крутой Маршрут* Евгении Гинзбург.

Осознание собственной политической субъектности и необходимости определиться в отношении советского режима полностью сформировалась в университете, куда я поступил в 1965 году на вечернее отделение (сразу после школы на философский факультет не принимали). Со второго курса перевелся на дневное обучение. В конце учебного года меня познакомили с Игорем Семеновичем Коном, одним из самых видных социологов того времени. Его книги “Социология личности,” “В поисках себя”, “Психология ранней юности”, “Введение в сексологию”, “Вкус запретного плода”, “Ребенок и общество”, “Лики и маски однополой любви” сформировали не одно поколение студентов, а его новомирские и другие статьи – “Психология предрассудка”, “Размышления об американской интеллигенции”, “Психология

социальной инерции” – были обязательным чтением для либеральной российской интеллигенции.

На последнем курсе моих университетских штудий Игорь Кон и я опубликовали статью в *Вопросах философии* “Д. Г. Мид и проблема человеческого ‘Я’”, по теме моего диплома и будущей кандидатской, и на гонорар (Игорь отдал свою половину мне), я купил в комиссионке коротковолновик фирмы “Сони”. Это одно из самых важных приобретений тех лет, поскольку оно мне обеспечило возможность слушать вражды голоса, не только антисоветские программы, но и музыку, особенно классический джаз. Я тогда жил на Лесном проспекте, д. 37, корпус 4, кв. 650 на пятом этаже, и слышимость передач была приличная, особенно поле того, как я по совету друга проволокой связал приемник с водосточной трубой. Дом этот и мой замечательный двор запечатлены в последнем кадре видео мемуара [Петербург-Ленинград-Петербург](#), выложенного на сайте [Центра демократической культуры](#) (окна моей квартиры в верхнем левом углу кадра).

Помимо Кона на меня оказал влияние Сеня Рогинский, мой сосед по улице Бассейной в Питере. Сенина тогдашняя жена Наташа Фрумкина и сын Боря (Пусик) и моя первая супруга Инна Шкловская и сын Гриша (Гика) вместе снимали дачу в Усть-Нарве. Это было в начале 70-х, до того, как Сеня начал редактировать сборник *Память*. Первый номер вышел в свет в 1976, год спустя после моего отъезда по израильской визе с последующим переселением в США. Вели разговоры среди прочего и о выборе жизненного пути – научная деятельность, сопротивление, эмиграция. Сеня, который был на год старше меня и склонялся к академической работе, не хотел уезжать. Судьба его репрессированного отца довлела над его выбором. Я же, защитив в 1973-м кандидатскую в Институте Социологии РАН, настроился уезжать, воспользовавшись редким шансом, дарованным Хельсинскими соглашениями и приездом в Советский Союз Генри Киссинджера. Мне было очевидно, что лазейка эта скоро закроется.

У меня в архиве сохранилось несколько [писем Сени Рогинского](#), написанных им вскоре после отъезда моей семьи в начале августа

1975 года. Грустно сейчас их читать. Понимаешь, что людям нашего круга, оставшимся на родине, могло быть тяжелее, чем убывшим в мир иной.

Мысленно обзревая становление себя как политического субъекта, вижу, что я не был рожден для открытой борьбы с советским режимом. Мне, как и моему университетскому учителю, ближе либеральная полемика, хождение на грани допустимого, и то, что в России называют скользким термином “внутренняя свобода” (она же свобода от ответственности). На Красную площадь я не вышел бы, письма протеста не подписывал, общался с диссидентами и поддерживал их главным образом морально, помогал друзьям студентам, которым грозило отчисление из комсомола за идеологические проколы, благо входил в комитет комсомола факультета (после чехословацких событий меня из него вывели). Участвовал в компании за освобождение Сени Рогинского после его ареста, но уже из безопасного далека.

Я это вот к чему, Люся.

Можно построить континуум, на одном конце которого выход на Красную площадь в августе 1968-го, на другом сознательное участие в деяниях режима, со множеством промежуточных градаций. Пытаюсь понять, где вы находитесь в этом континууме. Вот выдержка из *Священного мусора*, дающая представление, пусть неполное, как вы вписываетесь в данный контекст:

Неразрешимость: осознаваемое постепенно одиночество и непристойность коллективного действия. А в школе – коричневая парность, красноречивость, чувство постоянной неловкости от пафоса и лжи: как повяжешь галстук, береги его, Маяковский лесенкой, с пионерской песенкой, бодро, бодро! Вперед! Вперед! От коммунизма тошнило. Спасала тяга к знанию. В пятом классе – краткий философский словарь, от Анаксагора и далее. История западноевропейской философии. Мусолю. Трудно. Совершенно непонятно. Зато, когда десятилетиями позже к этому возвращаюсь, возникает эффект “припоминания”. Да, еще можно уйти в сторону – детская спортивная школа, там смысл очевиден: секунды, сантиметры... И всё по-честному.

Настолько по-честному, что мне там делать нечего: побеждает сильнейший. Какая жалость – от музыки меня спас туберкулез, рисование не увлекает. Еще не знала, что всякое художество – побег из неволи. Но это знает, может знать только талант, а таланта нисколько... Расстояние от заклинания “Я, юный пионер... торжественно обещаю...” до “Верую во единого Бога Отца Вседержителя...” оказалось гораздо меньшим, чем это представлялось когда-то. Уместно вспомнить древнюю иудейскую молитву *Кол нидре*, которую иудеи читают раз в год, в Судный день, — об освобождении от всех обетов, присяг и клятв, которые человек дает, но исполнить их не в состоянии. Жизнь заканчивается. Умирает человек в одиночестве, не в коллективе. Я точно не юный пионер, хотя клялась... Я не уверена, что в графе “вероисповедание” могла бы поставить без колебания слово “христианка”. Определенно – не атеистка. (*Священный мусор*)

Тут возникает несколько вопросов.

ДШ 5а. Вы давали себе отчет, зачем вступали в пионеры и комсомол (я так понимаю, что до компартии дело не дошло) и оставались в нестройных рядах комсомолии до конца положенного срока?

ДШ 5б. Приходилось ли вам объясняться с вашими более ангажированными товарищами по поводу выбранной позиции, например с Наташей Горбаневской, и как они относились к вашей форме самостояния?

ДШ 5в. Наверняка помимо самиздата и участия в религиозных кружках вы нашли и другие виды сопротивления советской власти – какие именно, если можно вас об этом спросить?

***

Пора заканчивать мое затянувшееся послание, но есть еще один сюжет, который хотелось бы затронуть. Он касается границ разумного компромисса в Советском Союзе (оставим постсоветский период пока в стороне).

Я опубликовал четыре разговора с Игорем Коном, записанных после распада СССР, где он рассказывает о бесконечном партийном прессинге, выживании в академических институтах, и борьбе с советской бюрократией. [Интервью с Игорем Коном № 1](#) озаглавлено “...Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз”, и там множество примеров того, как Игорь боролся с системой – писал записку Суслову о необходимости борьбы с антисемитизмом, участвовал в подготовке несостоявшегося пленума ЦК по социально-политическим реформам, откликнулся на просьбы редакторов *Известий* и *Молодого коммуниста* написать о конформизме и национальных предрассудках, сотрудничал с *Новым миром* и Твардовским, взаимодействовал с интеллектуалами мозгового центра Юрия Арбатова (обратите внимание на попытки Андропова переманить Бовина, Бурлацкого и других интеллектуалов в КГБ и об их отказе от сотрудничества).

В другом интервью, в заголовок которого я вывел слова Игоря “...После моей смерти ты можешь это напечатать”, он повествует о своих отношениях с КГБ, в частности с Юрием Поповым, куратором дела Бродского, который советовался с Игорем по разным идеологическим вопросам. Там же он вспоминает как спасал советский рок-н-ролл от нападков Лигачева и компании, за что его благодарил Троицкий и российские рокеры ([Интервью с Игорем Коном № 2](#)).

Еще одно интервью вышло под заголовком *Если бы меня в начале 1960-х куда-нибудь выпустили, я бы точно не вернулся*. Здесь Игорь рассказывает, почему не хотел уезжать, как его в конце концов достал ленинградский обком и он стал искать пути в эмиграцию, говорит о его тяжелой депрессии и мыслях о самоубийстве, о значении примера Сахарова и Солженицына для людей вроде Кона, не решавшихся выйти на площадь ([Интервью с Игорем Коном № 3](#)).

Для заголовка следующего интервью я подобрал длинную цитату из нашего последнего диалога с Игорем – “...Я мог бы написать свою биографию в ключе жертвы режима, в ключе успешного карьериста, в ключе таланта, который не полностью расцвел в данной системе, и посредственности, которая реализовала себя на

максимуме”. Тут аннотация не нужна, название говорит за себя (Интервью с Игорем Коном № 4).

Приведу лишь одну цитату, исходной точке последней серии вопросов:

Понимаешь, тут все зависит от перспективы. Если принять точку зрения, что это империя зла, что она ни к чему не способна, тогда никакого различия здесь делать не надо. Я тебе говорил, что слова могли быть хорошие в подготовительных документах, а дело от этого мало зависело, но это не так. Я думаю, что это неправильная позиция, потому что для того, чтобы появился Горбачев, — а без Горбачева мы бы с тобой здесь не разговаривали, — [нужны] были целые поколения людей, которые все-таки что-то делали, меняли слова и так далее. Огромную роль сыграли Арбатов и Иноземцев в этом деле. Я маленький человек, от меня ничего не зависело, и все мои справки – случайные вещи, факты моей биографии, которые не имели никакого отношения к биографии советской власти и партии. А вот Арбатов и Иноземцев сделали громадное дело. Они имели дело не просто с маленькими помощниками, а с членами Политбюро и генсеком. Они приучили их к тому, чтобы получать неприятные письма, письма с неприятными цифрами. Ведь вся информация, которая шла по многим каналам, фильтровалась на каждом этапе. Начальство привыкло получать то, что оно хочет слышать, хотя внизу все знали, что это неверно. Безотносительно к уровню маразма начальства, оно не имело объективной информации. Арбатов с Иноземцевым, имея институты, эту практику изменили... Сейчас модно ругать Арбатова, говорить, что он такой-сякой, но, во-первых, Арбатов был советским вариантом – ну, поменьше, поскольку условия не те, — доктора Киссинджера. Брежневскую разрядку с нашей стороны делал Арбатов. Был детант, и то, что он сорвался, вина не Арбатова. Попытка была. Я помню, как я пришел в ЦК, у меня были приятели в международном отделе, они качали головами и говорили: “Юрка сделал очень рискованный шаг, и это чревато большими неприятностями. <...> Он подал Брежневу докладную, минуя отделы ЦК. Теперь его ненавидят все

отделы ЦК. Это нарушение аппаратных правил”. Арбатов человек аппаратный, он прекрасно знает правила. Почему он это сделал, понятно: через отделы никакая серьезная информация не пройдет, ее всю просеют. Но он передал это наверх. Непосредственная опасность состоит в том, что эта информация не понравится и тебя сразу снимут с работы.

ДШ ба. Как вам видится эта логика – реформы не происходят сами собой в государстве тоталитарного типа, здесь требуется давление с разных сторон, включая аппаратчиков, номенклатурных работников, и ученых?

ДШ бб. Приходилось ли вам лично сталкиваться с чиновниками либерального толка, интеллектуалами и учеными, считавшими необходимым культивировать связи в верхах и пробивать реформы изнутри?

ДШ бв. Правильнее было бы Кону отказаться разговаривать с гебешниками и партийной номенклатурой и уйти в оппозицию?

***

Люся, я делаю интернетные странички, где размещены биографические материалы, фотографии, документы, и публикации участников Невадской конференции по российской культуре. Посмотрите страницы [Миши Эпштейна](#), [Вадика Паперного](#), [Сергея Юрьенена](#), [Александра Гениса](#), [Евгении Гутман-Шалиной](#) – может быть и вам стоит завести что-то в этом роде? Страничку не обязательно выкладывать на общее обозрение, ее можно оставить закрытой, доступной только вам и мне. Я подумал, что и мне пора завести [страничку Д. Шалина](#) на сайте ЦДК, куда можно выкладывать какие-то документальные материалы из нашего диалога.

Дайте знать, что вы думаете о такой возможности. И, пожалуйста, подтвердите получение этого послания.

Ваш, Дима

19.04.21

Дима, спасибо! Вы дали мне работу на день, а то и на несколько дней. Вчера вечером я сказала мужу: никогда в жизни не работала “под заказ”, а сейчас хочется получить какое-то задание! Вот я его и получила! Заказ выполню! Ваша Л.

19.04.21

Дорогой Дима! Одна мысль, которая меня очень занимает: текст – единственное, что сохраняется, будь то текст биологический и текст “второго порядка” – тот, который производит человек.

Отвечаю вам с удовольствием. Признаюсь, что среди журналистов, которым даю интервью (заканчиваю с этим жанром!), не так много хороших собеседников. А я очень ценю собеседников, потому что именно в общении с хорошими собеседниками уточняются мысли и формулировки.

Первое: мне, конечно, дико льстит, что вы проводите параллели с Набоковым. Набоков гений. Я определяю гения как человека, который способен расширить наше видение мира и раздвинуть границы нашего понимания самого себя. Уходя, гений оставляет после себя мир больший, чем тот, в который он вошел. Ко мне это отношения не имеет. Именно исходя из того, что каждый человек несет в себе по четверти генов от дедов, и так далее до более далеких предков, человеческое “Я” представляется мне непостижимой загадкой и, возможно, иллюзией. Но каким-то образом это “Я” связано с качествами, которые нам даны от природы. нравятся они нам или не нравятся, вопрос другой и тоже занятый. Попробую ответить на ваши вопросы.

ДШ 1а. От кого из ваших предков вы унаследовали эмоциональный настрой, свойства характера, чувственность?

ЛУ. Эмоциональный настрой у меня нестабильный. Вероятно, в бабушку Марию Петровну. От нее же и некоторый артистизм. Свойства характера мои собственные, какие-то черты прослеживаю – чувство долга от бабушки Елены Марковны, практицизм (имеющийся и вполне подавленный) от деда Бориса Ефимовича, религиозную составляющую, довольно рано проснувшуюся, от прадеда, которого помню с Торой в руках. Склонность к хвастовству и всякого рода показухе (которую я, как

мне кажется, изжила) – от отца. Как он был горд, когда купил старенького горбатого “Москвича” и сел за руль собственного автомобиля. Точно так же и я была полна гордости и самоуважения, когда отец подарил мне своего старого уже “Жигуля” и я в 45 лет впервые села за руль. Эмоциональную категоричность – так мы заменим не вполне удачное слово “чувственность” – от мамы. Когда она встретила в сорок лет человека, которого полюбила, весь мир для нее перестал существовать и сосредоточился на любимом человеке. Я не так одарена этой способностью раствориться в другом человеке, но вполне могу это понять.

Самым близким по складу мне представляется дед Яков Улицкий, которого я видела один раз в жизни, когда он из заключения ехал через Москву в ссылку. Подлинное знакомство произошло много лет спустя после его смерти – уже при чтении его писем и дневников. Он, безусловно, самый близкий мне из всех моих предков.

ДШ 1б. Сохранились ли документы и достоверные факты, указывающие на семейное сходство такого рода?

ЛУ. Да, именно эти записи моего деда Якова.

ДШ 1в. И какие ваши черты не имеют очевидного прототипа?

ЛУ. Откровенно говоря, я не любитель самоанализа. Более того, считаю его занятием не полезным, скорее разрушительным. Не могу ответить на этот вопрос.

ДШ 2а. Приходилось ли вам писать литературные портреты с натуры и, если да, насколько сознателен был этот процесс?

ЛУ. Стараюсь этого избегать. Но иногда просвечивают эти портреты или полу-портреты. Пожалуй, однажды в моей практике я не “шифровала” героя – речь идет о романе *Даниэль Штайн, переводчик*. За спиной брата Даниэля стоит великий брат Руфайзен, еврей, католик, монах и главный, как я думаю, экуменист мира.

ДШ 2б. Когда художественный образ начинает приобретать черты автопортрета возникает ли желание что-то в нем изменить, подретушировать?

ЛУ. Нет. Я так могу увлечься, что черты сходства обнаруживаю только после публикации. Но это очень редко случается. Хотя бывали случаи, когда рассказы мне просто жизнь надиктовывала – как это было в случае рассказа *Дракон и феникс*. И я не особо трудилась, чтобы скрыть героев. Кажется, никаких претензий по этому поводу я не получала. А что касается романа *Казус Кукоцкого*, то Ирина Павловна Уварова, которая много рассказывала мне о своем отчине Павле Алексеевиче Гузикове, и многие ее рассказы вошли в авторском (моем!) исполнении в роман, то она была рада, что ее любимый отчим присутствует там в таком “невидимом” виде.

ДШ 2в. Творчество в науке и искусстве соприсродны, а бывает так, что навыки ученого-естествоиспытателя у вас вступают в противоречие с инстинктами художника?

ЛУ. Мне кажется, никаких противоречий такого рода я не испытывала. Это вполне сплавилось.

ДШ 3а. Насколько сознательно и целенаправленно вы используете документы – дневники, письма, воспоминания, мемуары – в своей писательской работе?

ЛУ. Совершенно сознательно. Текст – основа нашей жизни. Даже когда использование чужого текста бессознательно, это значит, что так или иначе цитируемый текст вошел уже в ваше “хранилище”, и он стал вашим. Разве мы всегда можем отделить наши личные открытия от той культурной основы, которую закладывает образованием, жизненным опытом и воспитанием?

ДШ 3б. Смогли бы вы очертить альтернативную траекторию вашей жизни, и если да, то какие повороты судьбы, ключевые эпизоды, и смысловые пласты вы бы тогда выделили?

ЛУ. Таких поворотных моментов было, пожалуй, несколько, когда была возможность (скорее всего, иллюзорная!) развернуть жизнь

каким-то иным образом. Был дважды соблазн уехать из России. Первый раз – мой второй муж засобирился, но тогда не уехал, а потом мы развелись. Второй раз – получила предложение выйти замуж от одного прекраснейшего человека, живущего между Америкой и Францией, немного поколебалась и отказалась. Если бы тогда уехала, работала бы в лаборатории, в лучшем случае, в научной, в худшем – делала бы анализы крови в больнице. Это входило в мои профессиональные знания и умения. Писателем вряд ли стала бы. Но как вариант жизненный – чем плохо?

ДШ зв. Если близкие вам люди узнавали себя в ваших литературных портретах, как они на это реагировали?

ЛУ. Никаких конфликтов по этому поводу не было. Я так люблю моих друзей, что если кто-то (или тень кого-то) в каком-то виде попадают в мои тексты, мне кажется, там нет ничего такого, что могло бы обидеть, оскорбить или раздражить. Словом, пока претензий не было. Но, с другой стороны, я все-таки избегаю портретирования.

<...>

4.23.21

Дорогой Дима! Все открылось! Получила большое удовольствие от вашего письма. Ох, жизнь коротка! Три опечатки нашла (простите за вьедливость!) “раствориться”, “хранилище”, “иным”. Относительно “моей” страницы, я подумую. С одной стороны, заманчиво, с другой – что-то останавливает, кроме ощущения, что времени у меня вообще-то мало осталось. А с третьей стороны, если такая имеется, у меня все написано про моих предков, которым благодарна. То есть тексты-то готовы. Я теперь в семье самая старшая, и на финишной прямой.

Что же касается нашей переписки, все в порядке. Мне было очень приятно с вами поговорить!

Ваша Л.У

23.04.21

Люся,

Я вычитал сводный текст нашей переписки, исправил опечатки, проверил гиперлинки, добавил ваши ответы на мои вопросы, и пересылаю вам файл в формате ПДФ и Ворд.

Обратите внимание, что я пронумеровал свои вопросы и ваши ответы с тем, чтобы было легче найти контекст, в котором был задан вопрос. Мои вопросы обозначены как ДШ 1а, ДШ 1б, и т. д. Инициалы ЛУ предваряют ваши ответы. Если у вас возникнут вопросы ко мне, их можно будет обозначить как ЛУ 1а, ЛУ 1б и т. д.

Я так же значительно расширил свою страничку на сайте ЦДК, добавив туда фотографии своих предков и родственников, и собираюсь выложить там какие-то документы (например, письма Рогинского). Страница эта не вывешена в интернете и доступна только вам и мне <...>.

Мне бы хотелось сделать аналогичную страницу для вас, ваших предков, и родственников. Там же можно разместить какие-то документы.

Ваш, Дима

23.04.21
Люся,

<...>

Спасибо за наводку на опечатки. Мои орфографические навыки, как и разговорные, продолжают хиреть. Удивляться нечему, поскольку годами не приходится говорить по-русски.

Я нашел аудио интервью с мамой и ее братом и хочу их выложить на своей странице. Еще можно было бы туда добавить переписку с Игорем Коном, Владимиром Ядовым, Сеней Рогинским, Даней Дондуреем, Львом Щегловым, моей мамой...

Вам решать, имеет ли смысл делать страничку в интернете. Туда можно было бы добавить материалы, упомянутые в наших разговорах, по крайней мере уже обработанные. Может быть, кто-то из ваших детей поможет сканировать и переслать фото и другие

документы. А я туда смогу выложить сноски на ваши книги, статьи и интервью.

Вы пишете “Мне было очень приятно с вами поговорить!”
Надеюсь, наш разговор еще не закончен.

Дима

23.04.21

ДОРОГОЙ ДИМА! Я подумала чуток и поняла, что ваше предложение мне нравится. Это тема памяти – если мы отказываемся добровольно от сохранения памяти о своих предках, то совершаем грех. (При всем моем сложном отношении к этой теме.) Я сделаю такую страничку, с фотографиями. Но не прямо сейчас. Закончу московские дела, поеду в Италию, и там на свободе... Часть текстов у меня уже есть. В общем, чем бы наш разговор ни кончился, для меня это прекрасный повод сделать то, что на самом деле обязан сделать каждый человек. Много лет тому назад (пятьдесят!) я была в экспедиции в Средней Азии, и один старик, сын муллы, сказал мне: “У нас, если человек не знает семи поколений своих предков поименно, он безродный бродяга. А вы, русские, и дедов своих не помните...” с презрением сказал, и я это хорошо запомнила! Л

23.04.21

Прекрасно, Люся!

К сожалению, я останусь безродным бродягой, поскольку своих предков знаю лишь до третьего (четвертого?) колена. Постараемся сохранить для потомства, то, что осталось в памяти.

Дима

1.05.21

Доброе утро, Люся.

Я сделал макет [автобиографической страницы Л. Улицкой](#) на сайте ЦДК. Туда я выложил ваши фотографии из числа тех, что мне особенно приглянулись, а также привел ссылки на ваши

литературные и прочие труды. Посмотрите, как выглядит эта страница <...>

Юлия Добровольская прислала мне небольшой текст, где рассказывается, какой вы хороший писатель и как у вас много наград. Все правильно, но для автобиографического сайта это вряд ли подходит. Во вводном параграфе на сайте я перечислил главные вехи вашего жизненного пути, после чего воспроизвел первые две страницы из *Священного мусора*. Их лучше заменить на другой текст от первого лица, когда и если у вас появится возможность это сделать.

В конце введения я привязал вашу страницу к своей, указав на наши автобиографические диалоги. В конце секции с фотоматериалами вы найдете сноски на ваши книги, статьи и интервью, кои я разыскал по интернету. Продолжаю их искать и буду выкладывать на вашей автобио странице по мере сил.

Мне хотелось бы составить возможно более полную библиографию ваших работ со всеми техническими деталями и во всех жанрах – романы, повести, рассказы, пьесы, статьи, интервью, выступления, и т. д. Большинству пользователей такого рода информация не нужна, им достаточно того, что я уже выложил на сайте. Но я по опыту знаю, как ценится исследователями полноценная библиография и иконография. Не знаю, есть ли у вас сводный список ваших публичных выступлений/работ. Если нет, может быть, кто-то из ваших знакомых поможет его составить.

Когда появится время, перешлите мне письма ваших предков, что-то из ваших дневников и записных книжек – все что вы сочтете возможным выложить на своей странице. Там не хватает семейных фотографий, ваших собственных фото разных лет. Подумайте, что можно было бы разместить на этой странице.

Пожалуйста, проверьте выложенные мной фотоматериалы. Возможно, что-то оттуда нужно убрать, исправить даты, добавить информацию о месте, времени и персонах на картинке.

Все на ваше усмотрение. Жду указаний.

Ваш, Дима

П.С. Я порылся в своих и маминых архивах и нашел много интересных документов, которые имеет смысл оцифровать и разместить на моей странице.

1.05.21

Дима! Огромная Работа! Я поражена! Есть неточности. Потихоньку буду исправлять.

© Ludmila Ulitskaya, all rights reserved. Published by arrangement with ELKOST International literary agency, Barcelona, Spain.